

К83.3(2Р)

Т 87

Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева

Тургеневское общество в Орле

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2005–2006 годов

Орел 2008 г.

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
2005-2006 годов**

Орел 2008

ББК 83.3 Р

Т 87

Авторский коллектив выражает благодарность Администрации орловской области за содействие в издании этого сборника.

Т 87 Тургеневский ежегодник 2005-2006 – Орел:
Издательский Александр Воробьев, 2008 – 172 с.

*В сборнике использованы иллюстрации
из фондов Орловского объединённого государственного
литературного музея И.С. Тургенева.*

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитрихина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

© Орловский объединённый
государственный
литературный музей
И.С. Тургенева, 2008.

© Издатель Воробьев А.В., 2008

Оглавление

<i>Г.Б. Курляндская, Л.В. Дмитриухина.</i> Тургенев в исследованиях орловцев.....	5
<i>Л.В. Дмитриухина.</i> Музейный калейдоскоп.....	16

I

К 440-летию города Орла

<i>Н.М. Чернов.</i> Орёл в биографической хронике И.С. Тургенева	23
<i>Е.Н. Ашихмина.</i> «Тургеневский бережок» в годы детства И.С. Тургенева	31
В.А. Власов. Генерал-майор Ф.С. Уваров – крёстный отец И.С. Тургенева	38
<i>Р.М. Алексина.</i> Дунаевские – единоутробные братья В.П. Тургеневой	46
<i>В.В. Протасов.</i> Тургенев в Орле: Последнее лето. Глава из повести	59

II

Научные исследования и сообщения

<i>В.А. Лукина.</i> Известный «неизвестный рассказ» И.С. Тургенева из «Записок охотника» (к вопросу о первоначальном заглавии рассказа «Чертопханов и Недопюскин»)	73
<i>И.Л. Золотарёв.</i> «Двоемирие» в реализме И.С. Тургенева и П. Мериме.....	80
<i>А.С. Клементьева.</i> Тексты к романсам П. Виардо в переводе И.С. Тургенева	87
<i>Н.П. Генералова.</i> Об одном не вошедшем в цикл «Стихотворении в прозе» И.С. Тургенева.....	95
<i>С.Л. Жидкова.</i> И.С. Тургенев и Н.Г. Фролов (к вопросу о значении прототипии в творчестве писателя)	101
<i>Л.А. Балькова.</i> К 150-летию романа «Рудин»: Дон-Кихоты в в России (Каталог выставки).....	109

III

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>Е.В. Проц.</i> И.С. Тургенев и актёры Императорских театров (Александринский театр. Фрагмент).....	119
<i>Е.В. Векуа.</i> Тургенев и художественные салоны его времени	132
<i>Л.М. Александрова.</i> «Самый выдающийся современный писатель...» (М. Гартман об И.С. Тургеневе)	136

IV

Наш публикации

<i>Л. Клейнборг.</i> Дом Калитиных из легенд о «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Окончание. (Публикация Л.В. Ивановой).....	141
<i>Л.В. Миндыбаева.</i> Тургенев и прерафаэлиты (по материалам книги П. Уоддингтона «Тургенев и Англия»).....	147

V

По тургеневским местам

<i>Т.Н. Смирнова.</i> Чаплыгинский лес	155
--	-----

VI

С думой о Тургеневе

<i>Н.М. Кирилловская.</i> Музей и власть	161
<i>Ю. Молозев.</i> «Музейные дворники...», «Музейщики» (стихи)	169

ТУРГЕНЕВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОРЛОВЦЕВ

Тургеневу, связывающему первую половину русской литературы XIX века со второй, принадлежит доминирующая роль в раскрытии темы «Творчество русских писателей Центральной России, классиков русской литературы, в контексте мировой культуры». Он выступает продолжателем традиций родоначальников реализма – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а с другой стороны – предшественником Достоевского, Толстого, Чехова. Изучать творчество Тургенева – значит изучать всю русскую литературу и прежде всего XIX и XX столетий.

Продолжатель и зачинатель нового этапа в развитии русской литературы, Тургенев синтезировал в своем творчестве разнородные качества русского литературного искусства. Реалистический метод, сильно обогащенный романтической субъективностью, способствовал раскрытию «идеального» в его неразрывном единстве с «реальным». Символический тонус изображения стал неперенным качеством эстетического мышления писателя.

Орловские исследователи в своих работах обращаются к той проблеме свободы и необходимости, которая является центральной для русской литературы и которую Тургенев решал с учетом достижений мировой философской мысли и прежде всего Канта, Шеллинга, Гегеля. При этом авторы руководствуются основополагающим понятием художественной философии Тургенева о соотносительности естественного природного влечения и нравственного сознания, а также этического и эстетического. На пути анализа этих категорий и открывается глубокая связь содержания с формой в произведениях Тургенева.

Ставится задача изучения внутрилитературных связей как отдельных произведений, так и идейно-художественных систем Тургенева, как его предшественников, так и современников; прослеживаются традиции Тургенева в творчестве Бунина, Л. Андреева, Б. Зайцева, Пришвина и других писателей XX столетия. Структура художественных произведений изучается в проблемном аспекте личности, как носительницы духовной свободы и принципов ее изображения. Сопоставления проводятся также под углом зрения сложных сцеплений этического и эстетического в переживаниях человека и в авторской

оценке. Эта методологическая направленность, выше отмеченная в общих чертах, нашла своё выражение в монографиях Г. Курляндской: «И.С. Тургенев и русская литература» (М., 1981), «Структура повести и романа И.С. Тургенева 1850-х годов» (Тула, 1987), «Эстетический мир И.С. Тургенева» (Орёл, 1994), «И.С. Тургенев: Мировоззрение. Метод. Традиции» (Тула, 2001), «Раздумья: И.С. Тургенев, А. Фет, Н. Лесков, И. Бунин, Л. Андреев» (Орёл, 2005).

Подготовлена к печати монография А.А. Бельской, в которой романы Тургенева рассматриваются в широком литературном контексте классического наследия предшественников и современников.

Проблема свободы и необходимости, неразрывно связанная с концепцией личности и принципами её художественного изображения, разрабатывается в монографии Г. Курляндской «Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Проблема метода и мировоззрения» (Тула, 1987). Типологическое исследование творчества писателей 1860-х годов осуществляется на материале романов «Война и мир», «Преступление и наказание», «Идиот».

Той же методологической направленностью отличается и монография О.Н. Осмоловского «Ф.М. Достоевский и русский роман XIX века» (Орёл, 2001). Выявляется философская антропология Достоевского, Лермонтова, Толстого, Тургенева, а также жанровая природа романов. К той же научной школе относятся монографии Н.А. Меркурьевой «Откровение свободы в творчестве Достоевского на материале романов «Бесы», и «Братья Карамазовы» (Орёл, 2002) и Е.В. Тюховой «О психологизме Н.С. Лескова» (Саратов, 1991).

Проблемная лаборатория «Творчество русских писателей в контексте мировой культуры» продолжает работу по анализу антропологической проблематики в творчестве русских писателей, так или иначе связанных с срединной центральной Россией. В составе лаборатории, ставшей подразделением научно-исследовательского института филологии, работает 21 исследователь. Это преподаватели Орловского государственного университета, Орловского государственного института искусств и культуры, сотрудники Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева. Лаборатория проводит заседания совместно с Тургеневским обществом.

Основополагающая идея всей русской художественной классики – проблема свободной воли человека. Она решалась Тургеневым, как показывают исследования орловцев, с христианских позиций и с учетом опыта всей мировой философии, в особенности немецкой.

Жизнь не есть сознательное творчество. Это «красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности, это единственное мгновение, которое принадлежит нам». Космический пессимизм Тургенева – это глубокая скорбь в виду отсутствия «души» в мире, т.е. безусловного абсолютного содержания. (И.С. Тургенев)

Пессимистические суждения о мире как бессознательно движущейся материи были сквозными в творчестве Тургенева. Трагизм жизни он усматривает в том, что от «слепорожденной», «равнодушной» природы зависит творческий человек, который «смутно чувствует, что он не сродни чему-то высшему и вечному, но живет, должен жить в мгновение и для мгновения». Ему было свойственно понимание уникальности человеческой личности. Но мировоззрение Тургенева всегда отличалось борьбой противоположных начал. Наряду с пониманием вселенской жизни как Ничто, он в своих произведениях прославлял вселенскую гармонию, которая возникает из всеобщего разъединения. В Природе «каждая точка соединена со всеми другими, но вместе с тем она стремится жить исключительно для себя». Так выражается эгоистическое самоутверждение - в этом состоит коренное зло нашей природы. Соединенная с другими, каждая единица выходит за пределы себя. Во всемирной гармонии каждый существует для другого – и «все жизни сливаются в одну мировую жизнь».

Все единицы, живые «точки», при всем эгоцентризме уходят в единую субстанцию – любовь.

Мировой закон состоит в том, что живые «точки» связаны между собою метафизической связью: они уходят в единую всемирную основу любви. Но, вместе с тем, им свойственно стремление к самоутверждению. Перед живыми «единицами» встает проблема выбора: одни замыкаются в себе, отдаваясь эгоцентрическому стремлению, другие же выходят за пределы себя, обращаясь к служению другим.

Индивидуалистически ушедшие в себя живые «точки» нарушают закон всемирного духовного тяготения и тем самым предпочитают зло раздвоения.

Когда природа подчиняет человека своему неизменному закону равновесия, она становится для него источником нравственного возрождения. Но та же Природа, символизирующая вселенское целое, выступает враждебной силой, лишенной «души» для романтиков индивидуалистического склада, глубоко страдающих вследствие метафизического одиночества.

В статье «О русской повести и повестях Гоголя» В.Г. Белинский говорит о том, что поэзия двумя способами объемлет и воспроизводит явления жизни. Эти способы противоположны один другому, хотя ведут к одной цели. Поэзия или пересоздает жизнь по собственному идеалу, зависящему от образа его воззрений на вещи, от его отношения к миру, веку и народу, в котором он живет, или воспроизводит ее в наготе и истине, оставаясь верен всем подробностям, краскам и оттенкам действительности. Поэтому поэзию можно разделить на два «отдела» - на идеальную и реальную. (Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 262).

Л.И. Тимофеев творчески развивает мысль великого критика о двух типах творчества: воспроизводящем начале и пересоздающем, об их неразрывной связи и о бесконечных разнообразных отношениях их в процессе исторического развития литературы. «В принципе всякое воспроизведение действительности в произведениях искусства несет в себе и ее пересоздание. И, наоборот, всякое пересоздание связано с тем или иным воспроизведением действительности, без которого не может быть осуществлено образное отражение действительности» (Тимофеев Л.И. Советская литература. М., 1964, с.57).

По мере исторического развития литературы идеальная поэзия сливается с реальной. Такое слияние орловские исследователи наблюдают в творчестве Тургенева и других русских писателей XIX века, учитывая при этом, что любая художественная система функционирует как взаимодействующая с другими, обогащается их достижениями. Так очень сильны творческие связи Тургенева-реалиста с искусством классического романтизма, многообразно проявляющиеся.

Но в произведениях Тургенева, романтических по способу обобщения, активная и могучая субъективность вырастает из глубокого осознания конкретно-исторических процессов. Они связаны с выражением того идеала, осуществление которого связано с реальными потенциями действительности. «Идеалы – не произвольная игра фантазии и выдумки, не мечта; в то же время идеалы – не список с действительности, а воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления» (В.Г. Белинский).

Личное начало в реализме – уже не утопическая мечта, во всем противоположная реальной жизни, а мечта, неразрывно с ней связанная. В работах орловцев проходит мысль о том, что эстетический

идеал в романтическом искусстве при некоторой отвлеченности тоже, разумеется, своими корнями уходит в те или иные тенденции реальной общественной жизни, именно поэтому он становится могучей силой нравственного воздействия, но вместе с тем находится в трагическом противоречии с действительностью, и реализация его предполагается в духовном ее преодолении. Именно поэтому в романтизме имеется присущий ему особый вид лиризма, передающий красоту и абсолютность идеала. Возвышая внутреннюю свободную сущность, абсолютную в своем содержании, романтики этим самым выражали мечту о духовной мощи человека, о его неограниченной одаренности. Сила романтизма в этом одухотворении жизни, в изображении идеала как сиюминутного осуществления высшей реальности во внутреннем мире человека.

«Чистые наслаждения» природой, любовью, дружбой, искусством даются как непосредственное соприкосновение с высшей тайной жизни. Но духовное преодоление противоречий действительности чаще всего завершается ощущением трагической беспочвенности мечты, ее утопичности.

Напрасно «романтизм предполагали в форме, а не в содержании», «сущность романтизма заключается в его идее, а не в произвольных случайностях внешней формы».

Объектом познания становятся новые романтические сферы человеческого духа. «Романтизм – это мир внутреннего человека, мир души и сердца, мир ощущений и переживаний, мир стремления к бесконечному, мир таинственных видений и созерцаний, мир небесных идеалов... Почва романтизма не история, не жизнь действительная, не природа и не внешний мир, а таинственная лаборатория груди человеческой, где незримо начинаются и зреют все ощущения, где неумолкаемо раздаются вопросы о мире и вечности, о смерти и бессмертии, о судьбе личного человека, о таинстве любви, блаженства и страданиях» (В.Г. Белинский).

Интерес к духовному миру личности в романтическом искусстве сочетается с освобождением ее от социально-исторических связей, с абсолютизацией ее нравственной свободы.

Широкое эпическое изображение в произведениях русских реалистов XIX века сливалось с субъективным лирическим пафосом.

Романтика в произведениях Тургенева и других писателей сохранилась, разумеется, не в порядке творческого наследования, она явилась выражением духовно-эмоционального самосознания писа-

телей. Сама жизнь – источник романтизма: «Жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм. В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца. В груди и сердце человека заключается таинственный источник романтизма человека: чувства, любовь есть проявление или действие романтизма, и потому почти всякий человек-романтик» (В.Г. Белинский).

Романтизм, как направление и метод, ушел в прошлое, а романтика постоянно возрождались именно потому, что ее источником является сама жизнь. Романтика возникает там, где мысль определена, т.е. вспыхивает под воздействием глубокого чувства, где личность возвышается до человеческого самоопределения, где стремление к возвышенному идеалу становится эмоционально взволнованным.

Однако в литературе критического реализма романтика приобретает особое качество: здесь идеальное сливается с социально-исторической конкретностью. И в то же время на путях выражения эстетического идеала реализм использует достижения своего предшественника – сильную сторону его словоупотребления.

Реализм писателей-орловцев – не только Тургенева, но и Лескова, Бунина, Леонида Андреева – романтически украшен, поэтически вознесен и философски заострен. Романтические тенденции в их реализме во многом объясняются той особенностью их творчества, которая выражается в сочетании социально-типического, морально-этического плана с планом универсальным, вневременным. Действительность в таком художественном изображении выступает многомерной. Человек сопрягается с вечностью. Осваивая фактическую реальность частной жизни и общественной истории, писатели устремлялись за пределы этой реальности к существенным силам вселенской жизни, предавались ощущению безграничности и неисчерпаемости Бытия.

Романтический пафос в реалистических изображениях Тургенева проявляется, прежде всего, в картинах вселенской гармонии, но также в настроениях космического пессимизма.

Есть литературоведы, которые оставляют заметный след не только своим трудом, но и непосредственным нравственно-психологическим воздействием на окружающих, обаянием, своей яркой, самобытной личностью, исполненные страстной убежденностью, они заражают своей верой и преданностью добру. К числу таких ученых относятся Л.Н. Афонин, В.А. Громов. В научном наследии, остав-

ленном ими, видное место занимают работы о Тургеневе. Эти издания стали своеобразным путеводителем по тургеневским местам Орловщины. Примечателен способ изложения, основанный на точнейших научных материалах. Рассказ о Тургеневе течет непринужденно, поражает читателей простотой и прозрачностью стиля.

Разнообразен круг научных интересов Л.Н. Афонина, В.А. Громова. Широта тематики, видимо, объясняется стремлением понять специфику тех орловских писателей, которые получили всемирное признание, через «малую родину» осознать общечеловеческий смысл русской классической литературы.

Тема исследований орловцев определила выдвижение на первый план сопоставительного анализа произведений разных писателей как внутри региона (Тургенев – Лесков, Тургенев – Бунин, Тургенев – Зайцев), так и за его пределами, в соотношении с классиками русской литературы (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чехов) и мировой (Лесков – Диккенс, Тургенев – Флобер, Андреев – Шоу).

Метод сравнений позволил выявить и разграничить типологические и преемственные связи писателей, что способствовало более глубокому осмыслению закономерностей историко-литературного процесса, с одной стороны, и проникновению в пафос творчества каждого художника, с другой. Так, в трудах Г.Б. Курляндской творчество Тургенева рассматривается в широком литературном контексте, в генетических и типологических связях с Пушкиным, Достоевским, Толстым, Андреевым, Буниным, Пришвиным.

В трудах Г.Б. Курляндской проводится анализ диалектики художественных методов, который обращает к проблеме нераздельного соединения конкретно-исторической «темы» произведения с глобальным метафизическим бытийным планом. Новизна исследования сказалась в раскрытии религиозно-философских, морально-эстетических воззрений писателей, в их сложных связях с системами немецкого философского идеализма и православно-христианским миропониманием. По-новому трактуются истоки и сущность религиозно-философского и глубинно эстетического мирозерцания писателей-орловцев и связанных с ними Толстого и Достоевского. Проблема свободы и необходимости рассматривается как неразрывно связанная с отношением писателей к Канту и Шопенгауэру и, главное, к православному христианству. Выявляется онтологический пласт произведений.

Е.М. Конышева интересуется преимущественно соотношением творчества Тургенева и Достоевского в аспекте просветительских и романтических тенденций в их взаимодействии. При этом исследователь предлагает новое решение проблемы «Тургенев и Просвещение», убедительно показывая, как в условиях кризиса просветительской идеологии Тургенев, в отличие от Достоевского, не разрывает с ней, а стремится углубить, модернизировать важнейшие ее положения и принципы, что нашло отражение в художественном творчестве писателя. В монографии «Литературные герои Тургенева и Достоевского» (Орёл, 2004) исследователь раскрывает типологические связи Тургенева с творчеством Достоевского с учётом мысли о том, что теоцентрические и антропоцентрические представления могут совмещаться в пределах одного и того же сознания.

Е.В. Тюхова исследует тургеневские традиции в прозе Чехова (тип «лишнего» человека, «роковой» женщины, «тайный» психологизм), генетические связи творчества Б.К. Зайцева с Достоевским и Чеховым, взаимодействие художественных миров Тургенева и Достоевского.

Ю.А. Драгунова рассматривает интертекстуальные связи Б.К. Зайцева с Тургеневым, Достоевским, Чеховым, обнаруживает типологические сходства прозы Зайцева с произведениями Бунина, Пастернака, через сопоставление определяет особенности авторского стиля писателя, импрессионистический характер его раннего творчества, прослеживает путь к реалистической эстетике и христианской духовности.

Одно из центральных направлений в литературоведении связано с изучением религиозно-философских позиций писателей. Включившись в научную полемику по этому вопросу, орловские исследователи внесли значительный вклад в его разработку и, в частности, подвергли серьезному пересмотру традиционный взгляд на Тургенева как на убежденного атеиста. Конкретно анализируя «Записки охотника», «Дворянское гнездо» и другие произведения писателя, Л.А. Балыкова, В.А. Громов, Е.М. Конышев, Г.Б. Курляндская показали, что близость к просветителям не исключает у Тургенева напряженного внимания к религиозной этике; они раскрыли глубину постижения писателем христианских истин на художественном уровне и осознание им той благотворной роли, которую может оказать на духовное развитие личности «культ» страдания и смирения-самоотвержения.

Философская антропология, этика и гносеология писателя также привлекает внимание орловцев, так как невозможно проникнуть в художественный мир писателя, не учитывая понимания им сущности человека. В сложных связях с системами немецкого философского идеализма и опорой на труды отечественных философов начала XX века решаются проблемы свободы и необходимости, «природы и культуры», «ума» и «сердца» в работах о Тургеневе (В.А. Громов, Л.М. Петрова, А.А. Бельская, Г.Б. Курляндская, Е.М. Конышев).

Нереализованной остается в литературоведении задача создания научной биографии писателя (по персоналиям). В разработке этого направления большое значение имеет работа с архивами, что дает возможность вводить в научный обиход новые материалы. У орловцев есть определенные достижения: на основе архивных материалов внесены уточнения в биографию Тургенева; описана русская часть его мемориальной библиотек (составитель Л.А. Балыкова).

Значительный вклад в науку о Тургеневе вносят сотрудники Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева. Их исследования отличаются разнообразием тематики, открытием новых данных биографии Тургенева. Сотрудники музея выступают с докладами и сообщениями на Международных тургеневских конференциях, на тургеневских чтениях в музее, в библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева (Москва) и других научных мероприятиях.

Заметным явлением в тургеневедении стали сборники, издаваемые Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева: «Тургениана» и «Тургеневский ежегодник». Особенность этих сборников состоит в том, что они объединяют теоретические исследования проблем мировоззрения и поэтики И.С. Тургенева с новыми биографическими сведениями, краеведческими изысканиями. Большую ценность в этих сборниках представляют публикации тургеневских материалов, хранящихся в фондах музея.

Сотрудники музея из выпуска в выпуск ведут свои темы. С.Л. Жидкова публикует материалы родословия Тургеневых-Лутовиновых, на основе мемориальной библиотеки писателя по-новому прочитывает его произведения. Е.В. Проц плодотворно работает над темой «Тургенев и театр». Молодые исследователи Е.Г. Мельник и Е.В. Векуа публикуют новые данные о круге знакомства и окружения (в том числе и орловского) И.С. Тургенева, полученные благодаря тщательному изучению музейных экспонатов. В разделе «Вокруг тургеневской

энциклопедии» постоянно публикуются статьи Л.М. Александровой. С публикациями и разысканиями выступают Л.В. Иванова, А.Т. Молозева, Г.Н. Павлова.

С неизменным интересом читаются в сборниках воспоминания Н.М. Кирилловской, а также обзоры Л.В. Дмитриухиной «Музейный калейдоскоп», в которых рассказывается о разнохарактерной работе музея, о его вкладе в культурную жизнь города.

Орловцы выполняют своеобразные договорные работы. Имеются в виду творческая связь сотрудников музея Тургенева и литературных кафедр ОГУ с институтом русской литературы РАН по созданию «Тургеневской энциклопедии». Вот что писала по этому поводу редактор этого проекта Н.П. Генералова: «Главными исполнителями задуманного труда оказались наряду с петербуржцами земляки Тургенева – сотрудники Орловского музея И.С. Тургенева и музея писателей-орловцев, университета, орловские краеведы и журналисты, сотрудники музея-усадьбы Спасское-Лутовиново. Они представили в редакцию не только накопленный десятилетиями кропотливой работы бесценный краеведческий материал <...> Здесь в Орле мы нашли не только известных специалистов, как Г.Б. Курляндская, взявшаяся за написание статей теоретического и философского характера, В.А. Громов, один из крупнейших знатоков биографии и творчества Тургенева, Л.А. Балыкова, значительно пополнившая раздел, посвященный французским связям писателя, его родовой библиотеки, старейший краевед Р.М. Алексина, но и специалистов по испанским связям писателя (Н.Н. Арсентьева), по его английским связям (Л.В. Миндыбаева, Т.М. Кривина), германским (А.М. Кокин) и др. <...> Вклад орловцев в осуществление нашего общего труда трудно переоценить. Из полутора тысяч написанных статей (что составляет более 100 печатных листов из общего объема), более половины принадлежит землякам Тургенева».

Установлены тесные контакты с учеными и педагогами не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и Харькова, Киева, Воронежа, Саратова, Ельца, Курска, Брянска, Белгорода, Тарту. В последнее десятилетие упрочились контакты с зарубежными исследователями. В работе научных конференций в Орле приняли участие литературоведы из США, Канады, Англии, Швейцарии, Италии, Японии и ряда других стран. Статьи членов лаборатории печатаются в Италии, Испании, Польше. Л.А. Балыкова поддерживает многолетние связи с учеными Франции, Германии, Испании, Венгрии, Англии,

Канады, что способствует существенному расширению музейного книжного собрания за счет корреспондентских посылок зарубежных коллег.

Заметным вкладом в науку стал выход монографий орловских исследователей в «Библиотеке серии историко-культурного наследия Орловского края».

Книга Г.Б. Курляндской «Раздумья» представляет собой размышления автора о писателях-орловцах за более чем пятьдесят лет научной деятельности. Она складывалась из докладов на различных конференциях, заметок на полях, из лекций перед студентами, из отдельных статей. Центральная мысль книги сводится к тому, что и Тургенева, и Фета, и Лескова, и Бунина, и Андреева объединяла проблема человека в его взаимосвязях с общественной историей и вечностью – вселенским целым.

«Родословные корни Ивана Тургенева» – исследование Л.И. Скоковой, основанное на архивных материалах, предпринятое в исторической науке и литературоведении впервые. Книга предлагает читателю по-новому взглянуть на личность И.С. Тургенева и дополняет биографические сведения о нем, развенчивая существующие мифы.

Автор книги «Тургенев – читатель» Л.А. Балыкова делает попытку воссоздать круг чтения писателя в разные периоды его жизни, показать значение книги и чтения в его становлении и в процессе творчества. При этом широко используется переписка И.С. Тургенева, воспоминания современников, материалы книжного собрания писателя, редкие отечественные и зарубежные источники.

Книга И.Л. Золотарева представляет глубокое и оригинальное исследование фантастических произведений И.С. Тургенева как продолжателя пушкинских традиций в этом направлении развития литературы и французского писателя П. Мериме. Путем сравнительного анализа выявляется общность и отличие в художественных системах писателей, определяется их творческий метод и значение их фантастики для литературы.

В перспективном плане орловских исследователей, членов научной лаборатории по изучению классиков русской литературы, рассчитанном на десять лет, намечена широкая программа дальнейшего их исследования:

- адекватное прочтение художественных текстов писателей-орловцев, свободное от идеологизации и «оглядки» на стереотипы;

- выявление художественных и философских закономерностей творчества Тургенева, идейно-художественной специфики его произведений;
- выяснение своеобразия творчества, его мировоззренческих основ, связей с русской и мировой литературой, места в литературном процессе эпохи;
- уточнение научной биографии писателя;
- архивные изыскания;
- внедрение полученных результатов в практику вузовского и школьного преподавания литературы, создание специальных курсов и методической базы для программ, реализующих региональный компонент.

Л.В. Дмитриухина

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Настоящий выпуск «Тургеневского ежегодника» посвящён событиям сразу двух лет: 2005–2006 годов.

В 2005 году исполнилось 150 лет со дня выхода в свет первого романа И.С. Тургенева «Рудин». Поэтому значительная часть жизни музея проходила под знаком этого события. Кто такой «Дмитрий Рудин»? В чём его заслуги перед отечеством? Чем интересен он современному читателю? На эти и другие вопросы пытались найти ответы научные сотрудники музея вместе с посетителями и слушателями.

С большим интересом воспринималась небольшая, но очень глубокая по содержанию выставка «Дон-Кихоты в России», посвящённая 150-летию романа «Рудин». Через призму тургеневского романа на выставке были представлены реальные герои российской культуры конца XIX–XX веков. Раздумья Тургенева о судьбах русской интеллигенции, его предвидение того, что не переведутся в России Дон-Кихоты, верящие в истину, вызвали живой интерес молодёжи XXI века.

Посетители выставки могли увидеть фрагменты из художественного фильма «Рудин», снятого известным кинорежиссёром К. Воиновым.

Темой XV Тургеневских чтений «Вокруг Дмитрия Рудина» определено содержание большинства докладов: реальные источники и прототипы героев романа, ранее неизвестные письма Тургенева периода работы над «Рудиным», пушкинские реминисценции в тургеневском романе и многое другое. В чтениях приняли участие исследователи из Санкт-Петербурга, Орла, Спасского-Лутовинова.

Учащимся старших классов были адресованы занятия лектория «Его слово было его делом...» (вокруг романа и фильма «Рудин»).

Интересным событием тургеневского 2005 года стала встреча в музее с писателем и искусствоведом из Москвы, знатоком творчества художника Борисова-Мусатова К.Вл. Шиловым, выступившим с блестящим сообщением «Тургеневские традиции в русской живописи Серебряного века».

В рамках программы «Тургеневский усадебный театр в Орле» студенческий театр ОГУ «Ювента» показал два спектакля из репертуара усадебного театра в Спасском-Лутовинове: «Не любо не слушай, а лгать не мешай» по пьесе А. Шаховского и премьерный спектакль «Гиперборейский осёл или нынешний образ воспитания» по пьесе А. Коцебу. Следует заметить, что тексты обеих пьес взяты из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева.

Традиционно были отмечены День рождения и именины И.С. Тургенева, День памяти писателя, День рождения Полины Виардо (литературно-музыкальной композицией «Альбом Полины Виардо»). А 24 июня орловцы собрались в сквере возле музея И.С. Тургенева, чтобы стать участниками театрализованного литературного праздника «Моё последнее прости».

В калейдоскоп музейной жизни 2005 года вошли также: литературно-музыкальный утренник «Мои первые стихи» с участием поэта В.Ерёмкина, композитора И. Хрисаниди, учащихся музыкальной школы им. В. Калинникова; «Встреча друзей» – студентов Орловского государственного университета и педагогического института г. Реймса; удивительное представление учащихся школы «Леонардо», на котором была исполнена опера Моцарта «Женитьба Фигаро»; моноспектакли Заслуженной артистки России М.Н. Соколовой по «Маленьким трагедиям» А.С. Пушкина; творческий вечер А.А. Андреевой к её 90-летию (этот приезд в Орёл стал для Аллы Александровны последним).

Не мог музей пройти мимо такой значительной даты в истории нашей страны, как 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Большая выставка «Война и Победа в судьбах литературной Ор-

ловщины», литературно-музыкальный вечер «Писатели-орловцы на войне и о войне», круглый стол памяти солдата и писателя Л.Н. Афонина и другие мероприятия, прошедшие по всем музеям Объединения, были посвящены этой дате.

Внимание орловцев было привлечено также 100-летием со дня рождения Льва Овалова, писателя сложной и интересной судьбы. Материалы коллекции музея позволили организовать выставку «Я счастливый человек» о жизни и творчестве Л. Овалова и провести литературные вечера в музее и в с. Успенское Покровского района.

Картины музейной жизни 2005 года дополняют новые издания.

Огромным событием стало издание яркой, оформленной рисунками учащихся детской художественной школы № 1 книги: «И.С. Тургенев "Сказки"» (составитель и автор вступительной статьи Л.А. Балыкова, издательский дом «Орлик»).

9 ноября в День рождения И.С. Тургенева состоялась презентация очередного «Тургеневского ежегодника» (Составители-редакторы Л.А. Балыкова и Л.В. Дмитриухина).

В серии «Историко-культурное наследие Орловского края» изданы книги «И.А. Бунин – Нобелевский лауреат» (автор И.А. Костомарова), «Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы XX века» (автор О.В. Вологина); «Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки» (автор Л.А. Балыкова).

Не менее интересным в жизни Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева (включая все филиалы) был и 2006 год – год 440-летия основания Орла, год 175-летия со дня рождения Н.С. Лескова, 135-летия со дня рождения Леонида Андреева, 125-летия со дня рождения Б.К. Зайцева, 100-летия со дня рождения Даниила Андреева.

Более 40 разнообразных выставок, 3 Международных научных конференции, множество вечеров, встреч, праздников. Среди выставок 2006 года следует особенно выделить две: «Разлюбить Россию не могу...» – к 125-летию Б.К. Зайцева (авторы А.Т. Молозева и Г.Н. Павлова) и «Дворянское гнездо: Послание в будущее» (авторы Л.А. Балыкова и А.Т. Молозева). Обе эти выставки продемонстрировали богатство музейной коллекции, современное осмысление поставленных концептуальных проблем и имели большое количество положительных отзывов зрителей.

Конечно, особенное место в работе музея занял 440-летний юбилей Орла, которому были посвящены музейные чтения, мероприятия

«Тургеневской осени», литературные праздники и встречи. На чтениях «Орёл в творчестве писателей-орловцев» прозвучали сообщения о глубинных связях с Орлом жизни и творчества Н.С. Лескова, А.А. Фета, А.Н. Апухтина, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, Б.К. Зайцева.

XVI Тургеневские чтения, проходившие в рамках «Тургеневской осени 2006 г.» тоже были посвящены 440-летию города и определялись темой «Тургенев в Орле». Доктор филологических наук Г.Б. Курляндская выступила с докладом «Орловские исследователи творчества Тургенева», известный автор книг о биографии Тургенева Н.М. Чернов выстроил «орловскую составляющую» в биографической хронике писателя; истории Борисоглебского собора Орла, в котором крестили Тургенева, посвятил своё выступление писатель-краевед В.А. Власов, об истории создания и существования в Орле Тургеневского общества рассказала Л.А. Балыкова.

Участие в чтениях исследователей из Пушкинского Дома Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной, доктора филологических наук И.А. Беляевой из Московского государственного педагогического университета позволило обсудить перспективы празднования в 2008 году 190-летия со дня рождения И.С. Тургенева.

Тургеневские мероприятия в 2006 году были как всегда интересны и разнообразны: презентации выставок, театрализованные экскурсии по музею, литературный вечер «Чудесный манускрипт» в день рождения Полины Виардо, заседание партнёрского клуба «Орёл – Оффенбах», моноспектакли Заслуженной артистки РФ М.Н. Соколовой «Золотое вино» (И.С. Тургенев и М.Г. Савина), утренник «О чём поют птицы», собрания членов Тургеневского общества, заседания Совета содействия собирательской работе.

С каждым годом всё больше орловцев от мала до велика приходят на июньский Тургеневский праздник, который на несколько часов превращает сквер возле музея Тургенева в сценическую, эстрадную, танцевальную площадку. «Он с Русью повенчан навеки» – под таким названием проходил Тургеневский праздник в 2006 году.

В День памяти Тургенева 3 сентября традиционно состоялась поминальная служба в церкви Иоанна Крестителя, были возложены цветы к памятнику писателю, а в музее прошёл час памяти.

9 ноября в День рождения Тургенева участникам вечера была предложена литературная композиция по страницам романа «Дворянское гнездо». Очень живо, интересно, с соревновательным азартом прошли литературные Игры школяров по теме «Тургенев

в Орле и Орёл тургеневский». Участники игр показали не только знание биографии писателя, его произведений, но и тургеневских мест города. Благодаря этой игре школьники в полной мере ощутили себя земляками великого Тургенева и почувствовали ответственность за сохранение в Орле памятников истории и культуры.

Среди изданий и публикаций 2006 года наибольшей популярностью у читателей пользуется книга «Прогулки по литературному Орлу» (издатель А. Воробьёв) – своеобразный путеводитель по литературным музеям и литературным местам города, составленный сотрудниками музея.

В серии «Историко-культурное наследие Орловского края» вышла книга «Иосиф Каллиников: страницы жизни и творчества» (автор О. Вологина), посвящённая творческой биографии представителя русского литературного зарубежья, писательство которого началось в Орле.

Проведённая Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева за эти два года работа показывает насколько разнообразными могут быть формы общения музея с посетителями и доказывает, что музей – это не только сохранение прошлого, но действенный метод нравственного и эстетического формирования будущих поколений.

I

К 440-летию г. Орла

Ф.С. Уваров, крестный отец И.С. Тургенева.
С портрета первой половины XIX века

ОРЁЛ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Тургенев родился в Орле 28 октября (9 ноября по новому стилю) 1818 года. Он не раз говорил: «Орёл – мой родной город».

Деревянный, двухэтажный, построенный глаголем дом, в котором появился будущий писатель, был куплен матерью для приездов в 1814 году, когда она была ещё девицей. До этого дом принадлежал её мценскому соседу А.А. Глазунову. Тогдашнее его расположение в Орле на Большой Дворянской улице – если идти по ней от Полесской площади в сторону Орлика правой стороной – угол Георгиевской, дом Тургеневой первый. Строение сгорело в 1829 году, остались лишь два флигеля и хозяйственные заведения.¹

Младенца Ивана крестили в Борисоглебской церкви, которая по близости к ней присутственных мест считалась тогда в Орле за соборную.²

Храм простой архитектуры, приземистый, с низким куполом. Он давно уже снесен после одного из пожаров.³

Восприемники от купели – будущий начальник отца, командир Екатеринославского полка Федор Семёнович Уваров, бывший кавалергард, произведенный в генералы за храбрость в Бородинском сражении, тетка новорожденного Федосья Николаевна Теплова, в девичестве Тургенева.

Орёл в период войны 1812 года превратился в многолюдный оживленный город. Здесь располагались тыловые службы русских войск, госпитали, приемные пункты для пленных. Сюда устремились беженцы из западных губерний. Нашествие неприятеля и пожар Москвы вынудили многих дворян переехать поближе к своим поместьям. В парадной, заорличной части города, где жили Тургеневы, размещалось большинство губернских служб. Шесть двухэтажных корпусов для присутственных мест, почтамт, банковская контора, смирительный острог, рабочий дом. Неподалеку, за Полесской площадью, помещения Екатеринославского (а не Елисаветградского, как однажды по ошибке назвал И.С. Тургенев) кирасирского полка – дом для штаба, пять казарм, конюшня, манеж. В

заокской части – больница, склады, провиантский магазин. Между Окой и Орликом, где был прежде «старый город», находились гимназия, магистрат, соляная контора с двумя амбарами. Всего в Орле в 1823 году значилось 156 дворянских домов, 2172 купеческих и мещанских, 87 домов духовенства, 613 разночинских.⁴

Вскоре после 1812 года типографщик И.Я. Сытин, начинавший ещё во времена Екатерины II в Петербурге, при поддержке И.В. Лопухина, других масонов стал издавать в Орле первые книги. Вначале мистические сочинения, потом для всех сословий переводные французские романы, учебники и даже сочинения Вольтера. К 1820-м годам относится расцвет орловского театра графа С.М. Каменского. Здесь выступал М.С. Щепкин. Особенным успехом у публики пользовалась крепостная актриса Кузьмина, чья судьба известна по герценовской повести «Сорока-воровка». Центром культурной жизни была гимназия. Появились местные авторы – поэты, композиторы, драматурги. Выходил журнал «Друг россиян», один из немногих в провинции.⁵

В городе обосновались культурные дворянские семьи – Плещевы, Протасовы, Киреевские, Чернышovy, Цуриковы, Тепловы. Сюда часто приезжал молодой Василий Жуковский. Граф С.М. Каменский почему-то конфликтовал с кирасирскими офицерами и высшими военными чинами. Те в ответ осыпали насмешками его спектакли. В отечественной литературе оставил свой едва заметный след только один из орловцев той поры – баснописец Герасим Лузанов. Он служил советником в губернском правлении, и начальство не позволяло ему печататься. А посему Лузанов тайком посылал свои сочинения в столичные журналы.⁶

Н.С. Лесков утверждал, что по дошедшим до него воспоминаниям, мать Тургенева, Варвара Петровна, отправляла няню с младенцем Иваном гулять в городской сад – на одно из самых красивых мест на последней дорожке над Окой. Отсюда дитя окидывало своими глазами небо и землю. Лесков назвал это место «тургеневским бережком». Младенческий период Ивана Тургенева в Орле продолжался до 1821 года, когда семья после рождения Серёжи возвратилась в Спасское-Лутовиново и стала готовиться к длительному путешествию в чужие края. На обратном пути после этой поездки (1823 г.) Тургеневы проследовали в Спасское через Орел. Не исключено, что останавливались, так как дом их был ещё цел. Их усадебное место с огородом и флигелям занимало почти весь квартал. Ивану исполни-

лось около пяти лет. С этим посещением губернского города могла быть связана у него первая память об Орле.

Памятна поездка Тургенева в Орёл в октябре 1852 года во время ссылки. «Я ездил на два дня в Орёл, – пишет он Полине Виардо из Спасского, – город в 55 верстах отсюда. Попробовал немного провинциальной жизни. Это изрядно грустно. Решил твердо не высывывать никуда носа и работать в своих четырех стенах».⁷ Поездка, надо полагать, сопровождалась новыми знакомствами, хождением по канцеляриям. Тургенев хлопотал, чтобы позволили съездить в Тулу для участия в дворянских выборах и побывать в его тамбовских поместьях. Но для этого, как выяснилось, необходимо разрешение столичного начальства. Тогдашний военный и гражданский губернатор Орла Николай Иванович Крузенштерн не возражал, но трусил перед суровым и требовательным временщиком, и.д. министра внутренних дел Д.Г. Бибиковым. Тот просьбу отклонил. Орловский губернатор – малоизвестный администратор николаевской поры, из того же рода, что Иоганн – адмирал и мореплаватель. В.Я. Скарятин – губернский предводитель – груб, спесив и бесцеремонен. Позднее Тургенев и к нему обращался за содействием, но подвергся обиде.хлопоты о бумагах возобновил уже в Туле, а не в Орле. С тех пор общения со Скарятинным избегал.

Несмотря на сложности, писатель и в дальнейшем не прерывал связей с губернским городом. Не ожидая скорого прекращения ссылки, намеревался на зиму 1852-53 годов поселиться в Орле. Изредка бывал в городе. В августе 1853 года собирался встретиться в Орле с возвращавшимися из Крыма Е.М. Феоктистовым и Е.В. Салиас де Турнемир.⁸

В сентябре 1858 года Тургенев шесть дней прожил в Орле. Шла подготовка к отмене крепостного права. Сочувствовавшие реформе И.В. Павлов, В.К. Ржевский и несколько других лиц из числа прогрессивно настроенных представителей провинциального дворянства, кого здесь уже именовали «нигилистами», встречались и переписывались с Тургеневым. Власти подвергали эти послания контролю.⁹

Орловская губерния вообще отличалась и наличием разнокалиберных радикалов. Именно тогда в Петербург, в III отделение, и поступил доклад «О распространении нигилизма между молодежью и дамами в Орловской губернии». В нем сообщалось, что «Карпов <Н.Д.> первым провёл в городе идею о нигилизме» (Тургеневский

сборник, вып. II и IV). Братья Карповы в своем кругу считались «союзниками Чернышевского». И.С. Тургенев достаточно хорошо их знал. Они считались в некотором роде причастными к литературной среде. Николая (1818-1873) и Аркадия (1824-1864) Карповых в эпоху «Отцов и детей» в орловской провинции нередко сближали с героями тургеневского романа. В марте 1862 года И.П. Борисов, рассказывая в письме к Тургеневу о поездке в Орёл, сожалел, что не посетил там губернское общество: «Быть может, увидел бы Павла Петровича, Аркадия (Хоть Карпова) с Базаровым, и Ситникова. И отцы и дети бывают в клубах».¹⁰

Карповы были лично знакомы с некоторыми из петербургских литераторов, в частности, с Н.А. Некрасовым. Они рьяно распространяли в своей округе «прогрессивные», как они их понимали, идеи. И столь же быстро от них «открестились», превратившись в горячих критиков нигилизма и эгоизма (очевидно, имелась в виду теория «разумного эгоизма»).

Незадолго до отмены крепостного состояния дворовых людей (по закону это состоялось годом позже освобождения крестьян, т.е. в 1862 году) Тургенев пишет своему мценскому приятелю И.П. Борисову: «<...> Как бы мне хотелось именно теперь находиться на родине: что там делается, как встретил народ давно ожидаемую годовщину 19-го февраля, что случилось с дворовыми, что говорят и толкуют дворяне?» (Письма-2, 5, 160).¹¹ В апреле 1862 года Иван Сергеевич выезжает из Парижа, следует в Мюнхен, оттуда – в Берлин и Петербург. А на пути в чужие края тогда уже находилось письмо И.П. Борисова, как будто предвидевшего такой интерес: «Сегодня, 19 февраля <1862-го>, в Орле меня с утра разбудили колокола – гудели точно как будто в Старой Басманной (Борисов приезжал в губернский город на несколько дней. - Н.Ч.). Сегодня и дворовым день свободы (напомним, их освобождали годом позже крестьян. – Н.Ч.) – стало быть последняя крепостная жизнь кончена. Народ был весь в церквах – и верно многие помолились за царя и свободу, хотя для многих эта свобода кажется хуже неволи».¹²

В июне 1861 года Тургенев на два дня ездил в Орел. Предстояла дальняя охота. Вероятно, встречался с губернским предводителем В.В. Апраксиным.¹³ На охоту намечено ехать в угодья, принадлежавшие Апраксину на Десне. Поэтому визит обязателен. В романе «Отцы и дети», работа над которым в тот период завершалась, есть узнаваемые ситуации, свидетельствующие, что с этими самоновей-

шими событиями Тургенев как раз и познакомился в чиновном Орле. «Город состоял в ведении губернатора (В.И. Сафоновича – Н.Ч.) из молодых, прогрессиста и деспота. Он успел перессориться не только с предводителем, но и с собственными чиновниками». Шла «война» против этого губернатора. Партию оппозиции возглавил предводитель В.В. Апраксин. Два года назад Сафонович явился в Орел, как он сам признавался, с «пустым карманом». Усилия по добыче средств получили отпор. Чиновник особых поручений при губернаторе, старейший среди здешних канцелярских зубров, Николай Антонович Ратынский (женатый на Шеншиной) многое знал. Его жена дружила с Апраксинскими, а те имели покровительство в Петербурге. Короче, губернатора вынудили уйти в отставку. В.И. Сафонович, конечно, не был таким «прогрессистом», каковым себя представлял в своих Записках. Но он и не бесчестный человек. А невзлюбили его в Орле за столичный снобизм, за «баловство» литературой, пристрастие к скрипичной музыке, заигрывание с дворянской молодежью.¹⁴

В августе 1878 года Тургенев проездом посетил Орёл. Провёл там вечер у своего ближайшего мценского соседа и старинного приятеля Африкана Васильевича Сафонова (р. 1822 г.). Вероятно, останавливался по обыкновению в гостинице Иордан (на углу Болховской и Георгиевского переулков, против теперешнего кинотеатра «Победа».¹⁵ А.В.Сафонов свёл его с фольклористом Д.А. Брянчаниновым (1839-1918), который служил в здешнем городе. Тургенев вскоре рекомендовал Брянчанинова М.М. Стасюлевичу, а потом написал предисловие к его «Русским народным сказкам» (Письма-2, 10, 372).

А.В. Сафонов жил на Верхней Дворянской улице, где у него был свой дом, который с давних пор именуют «домом Калитиных». Был агентом Харьковского земельного банка в Орле. В Мценском уезде у него было хорошее поместье в селе Сергиевском в нескольких верстах от Спасского-Лутовинова. Большая семья – четыре сына и три дочери-невесты. Еще один стремительный визит Тургенева – 18 мая 1880 года на Орловский вокзал для встречи М.Г. Савиной. Очень хотел оказать ей всяческое внимание.

28 октября 1881 года Тургенев обращается к губернатору К. Г. Боборыкину в защиту евреев, проживающих в Орловской губернии. В частности, сестер М.И. Ициксон и О.И. Цехновичер из Болхова. Они зарабатывали шитьем белья, а теперь власти обязали их покинуть пределы губернии (Письма-1, XIII, 148).

В субботу 27 июня 1881 года Тургенев вместе с Ж.А. Полонской ездил из Спасского в Орел за покупками.¹⁶ Это было последнее посещение им родного города. В ожидании визита М.Г. Савиной решено принарядить спасский дом, устроить гостью поудобнее. Купили материю для дивана, шелковый шнур, чтобы сплести новые сетки для луз на биллиарде. Обзавелись по просьбе гостившего в Спасском медика Коцына материалом для оспенных прививок. Удивлялись как дешевы в Орле товары. Посетили каких-то «стриженных девиц». Тургенев побывал, по свидетельству Полонского, в бедняцком жилище – род «приюта». Возможно, что это был дом Лобановых.¹⁷ К вечеру возвратились к себе в Спасское.

Примечания

1. Громов В. // Просторы России. 1994, 2 августа, № 33-37. Речь идёт не о том доме в форме глаголя, где родился писатель, а о другом, находившемся напротив и также принадлежавшем В.П. Тургеневой. См.: Алексина Р.М. Городские усадьбы В.П. Тургеневой (Орёл, Мценск) // Тургеневский ежегодник. Орёл, 2001. С. 90–96. (Ред.).

2. ГАОО, ф.114, оп. 1.

3. Храм использовался в 1930-е г.г. в качестве склада боеприпасов и был взорван накануне оккупации города Орла (Ред.).

4. Пясецкий Г. Исторические очерки г. Орла. 1874; Громов В.А. Гроза двенадцатого года // «Орловская правда», 1982, 15 мая; Фролов П.И. Каким был старый Орёл // «Орловская правда», 1973, 11 октября.

5. Афонин Л.Н. Повесть об орловском театре. Тула: Приокское книжное изд., 1965; Каталог книг, отпечатанных в Орле в 1814–1830 г.г. [сост. А.С. Захаров]. Орёл, 1987; Чернов Н. Крепостные актрисы Орловского театра // «Театральная жизнь», 1961, № 4. С. 28–29.

6. Чернов Н. Спасско-Лутовиновская хроника. Тула, 1999; Чернов Н. Орловские пренумеранты. Орёл, 1987.

7. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818–1858) / Сост. Н.С. Никитина. Спб.: Наука, 1995. С. 246.

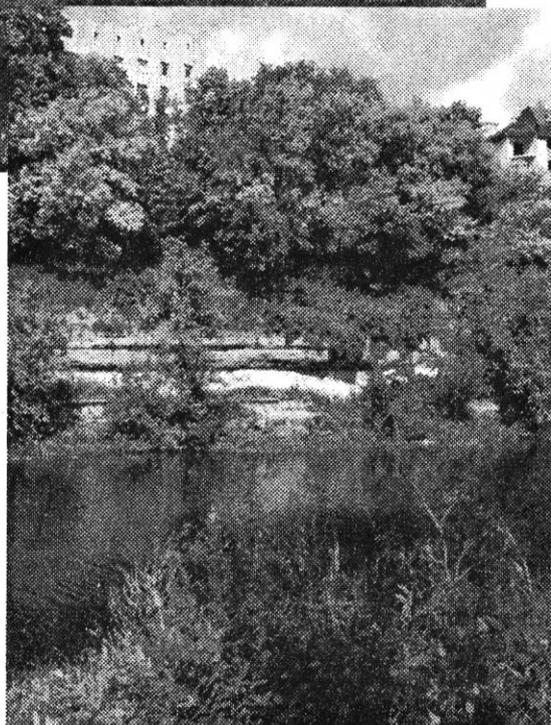
8. Там же. С. 246.

9. Корреспонденты Тургенева [1858–1861] в перлюстрациях III Отделения. Т сб., IV. С. 232–239.

10. Там же. С. 23.

11. Ссылка на письма Тургенева даётся в тексте (в скобках) по 2-му Академическому собранию сочинений и писем с пометой: «Письма

- 2» и с указанием тома и страницы арабскими цифрами. Ссылка на 1-е Академическое издание сопровождается пометой: «Письма-1».
12. Т. сб. IV. С. 372.
 13. См.: Бороздин К.М. Опыт родословия Апраксиных. Спб., 1841.
 14. Сафонович В.А. Воспоминания // «Русский архив», 1903. С. 5–6; «Орловская правда», 1994, 11 ноября; «Просторы России», 1994. N 42.
 15. Власов В.А. Орловские эскизы. Орёл, 2006. С.53.
 16. Полонский Я. П. Проза. 1988. С. 425.
 17. См. Понятовский А.И. Тургенев и семья Лобановых // Т сб., I. С. 270–278.

Берег реки Орлик в районе улицы М.Е. Салтыкова-Щедрина

ТУРГЕНЕВСКИЙ БЕРЕЖОК В ГОДЫ ДЕТСТВА ТУРГЕНЕВА

Отличное название «Тургеневский бережок» Орлу подарил Н.С.Лесков. Он создал прекрасную городскую легенду о том, что отсюда, с высокого берега Оки перед будущим всемирно известным писателем впервые открылся огромный мир: небо, вода и земля. По воспоминаниям, переданным Лесковым, Варвара Петровна Тургенева посылала няню с ребенком гулять в городской сад: «Она облюбовала место сидеть в публичном саду на последней дорожке над самой Окой».

Название прижилось, пусть оно не потеряется. И предлагаемый материал ни в малой степени не ищет причин отнять славу Тургеневского бережка, а всего лишь делает попытку уточнить некоторые моменты, связанные с ранним детством Ивана Тургенева в родном ему городе.

Начнем с того, что знают все литературоведы и историки: в новый, насаженный по распоряжению губернатора Н.И. Шредера 1 мая 1823 года городской сад, мальчика 1818 года рождения ни возить, ни водить не могли: в момент основания парка Ване Тургеневу было почти 5 лет и жил он в Спасском-Лутовинове. Лесков, много моложе Тургенева, будучи гимназистом, видел в Орле разросшийся городской сад с двадцатилетними деревьями; в городе это было уже, как любят сейчас говорить, «культурное место». О точном возрасте парка у писателя могло и не иметься подробных сведений. Он вообще не обязан был заниматься скрупулезным подсчетом возраста древесных насаждений, передавая нам столь поэтичные воспоминания орловских старожилов о Тургеневе, помнивших его еще ребенком.

Мы знаем также, что информации Лескова, как правило, можно доверять, и значит, воспоминания о парке и няньке имели место.

Так куда же Варвара Петровна посылала няньку гулять со своим маленьким сыном? Где был тот самый сад, и где вообще в первой трети XIX века гуляли с юными барчуками в Орле их крепостные няньки, гувернеры и гувернантки?

Воспитание дворян того времени предполагало, чтобы дети благородного сословия, приучаясь к культурному обществу и поведению в нем, могли наблюдать это общество не только дома, но и на улице.

Поэтому «во дворе», где бегали дети кучера и кухарки, гуляние не поощрялось, хотя и допускалось иногда; допускалось также общение с деревенскими ребятишками летом в имении, хотя и не всеми семействами. В городе с дворянскими детьми гуляли в совершенно определенных местах.

В тургеневские времена дворянские особняки в Орле в основном стояли на своих собственных земельных участках в современном Советском районе. Имелись они и в других городских кварталах, но в так называемой третьей части их было больше. В этой же третьей части располагались и административные здания нового городского центра. Симпатичным местом давно считалась улица Болховская (современная Ленина), и весь орловский бомонд прогуливался в местах своей «дислокации», то есть в пределах третьей городской части.

Орловские дворяне того времени любили неспешно пройти по улице Большой Дворянской, впоследствии переименованной в Садовую, – раз уж она вела потом к городскому саду (часть Садовой улицы по планам послевоенной застройки была включена в современную площадь Ленина). По Большой Дворянской прохаживались или катались в пролетках вдоль шести двухэтажных каменных корпусов присутственных мест (около нынешней гостиницы «Русь» и домов вблизи нее) в сторону строившегося с 1797 года Петропавловского собора (место современной библиотеки им. Бунина). В год рождения Тургенева – в 1818-м – храм уже был возведен «вчерне», без трапезной и колокольни.

Далее гуляющие направлялись к дому вице-губернатора (1798 года постройки, современная ул. Горького, 45-45-а). Если не хотели идти к зданию острога, огороженного деревянным забором, от дома вице-губернатора поворачивали назад, и спускались на Болховскую. В 1819 году вдоль этой «трассы» по распоряжению губернатора Б.С.Соковнина была насажена аллея. Бульвар шел, как пишет Г.М. Пясецкий, «... от угла Болховской улицы, где она принимает направление к Орличному мосту, и до самой гауптвахты», то есть до входа в известный нам парк. Закладывая в 1823 году городской сад, губернатор Шредер учел еще «прогулочные» маршруты дворян и еще более облагородил их.

Деревья на бульваре Соковнина росли небыстро, но гулять стало приятнее. Видимо, прогулку не портило наличие примерно там, где сейчас стоит памятник Ленину, Почтового двора. Это место, конеч-

но, было довольно бойким и далеко не самым чистым. Почтовый двор был в какой-то степени подобен современному вокзалу. Кто-то приезжал издалека, кто-то уезжал, кто-то, как А.С. Пушкин в мае 1829 года, нанимал здесь извозчика, чтобы отправиться куда-то в город; извозчики тут же наперебой предлагали свои услуги, проч.

До 1823 года не было и здания Дворянского собрания на месте современного театра им. И.С. Тургенева. С высокой и крутой горы открывался поистине панорамный вид на всю Заокскую часть и на огромную и шумную орловскую хлебную пристань.

Да! Там было на что посмотреть! Шла грузка на барки и подчалки, стоял типичный грохот, сопровождающий любую погрузку, кричали грузчики, кричали десятники, кричали хозяева груза, и все это продолжалось с ранней весны и целое лето, ибо, отправляя в плавание струги и барки с грузом, воду в Оке спускали 2–3 раза за летние месяцы. Весной же, в момент первой, самой важной навигации, кричали и грохотали особенно сильно. Кстати, о шуме: ухо человека того времени, по свидетельству специалистов, было много чувствительнее, как непривыкшее к современным звуковым нагрузкам. Лошадиное ржание, лай собак, пение петухов и даже скрип тележных колес не идут ни в какое сравнение с тем, что доводится слышать нам сейчас. В тишине тогдашних городов и, подавно, сел, далеко вокруг разносился колокольный звон. Вспомним описанные Лесковым часы на Девичьем монастыре, по которым определяли время горожане. Девичий монастырь тогда стоял там, где ныне мы видим типографию «Труд», а бой этих часов пусть и несильно, доносился до современной Советской улицы: «На улице слышно, как на Богоявлении и на Девичьем монастыре часы бьют».

Разумеется, на лето бере уезжали в «свои местности», а осенью и зимой, до февраля, когда начинали сгружать зерно в 215 хлебных амбаров, размещенных тогда на правом окском берегу, было сравнительно тихо. Но не всегда: летом и по осени от самого Нижнего Новгорода бурлаки приводили назад в Орел пустые барки. Хозяева принимали свои суда и тут же начинали их сортировать. Обычно барки служили два года. Непригодные к следующей навигации продавались по дешевке. Из них потом могли строиться непритязательные домишки. У того же Тургенева мы читаем о бедных жилищах из «барочного теса». «Списанные» барки вытаскивались, и их тут же на пристани начинали разбирать. Эта операция, должно быть, производила наибольший шумовой эффект.

С февраля ссыпка в амбары на набережной шла непрерывно: по санному пути в Орел привозили украинскую пшеницу, российскую рожь, да много еще чего привозили, въезжая в город по пяти Курским улицам с тысячами возов. Сделки купли-продажи праздновались тогда в питейных заведениях по всему городу.

Так называемая третья часть или Заорличный район, создаваемый по генеральному плану застройки губернского центра, утвержденному Екатериной II, до 1822 года не имел моста, напрямую соединявшего его с пристанью. Готовясь к его постройке, купец Ф.С. Вязмитинов, финансировавший все предприятие, в 1821 году провел крупные работы по устройству съезда с крутой горы, дотоле не существовавшего. Как и впоследствии сад, большой мост также был идеей губернатора Н.И. Шредера. Новый спуск к Оке Шредер назвал Балашовой горой, а мост – Балашовым мостом. Наименование было произведено в честь руководителя генерал-губернаторского округа А.Д. Балашова, в ведении которого находились тогда Орловская, Рязанская, Тульская, Воронежская и Тамбовская губернии. Н.И. Шредер был подчиненным генерал-губернатора Балашова по вверенной ему Орловской губернии.

Работы по устройству к Оке необходимого спуска тишины на бульваре не прибавили. Срыть гору оказалось непросто, и спуск получился необыкновенно крутым. По такому не то что нянька с ребенком – лошади спускались с большой осторожностью, а потом отдыхали раза по два на подъеме. Спуск этот в дальнейшем множество раз подвергался переделкам. Удобным он стал только спустя полвека при губернаторе Н.В. Левашове (1861–1866). Нечего и думать, чтобы дворяне, прогуливаясь, могли тогда спускаться к Оке в том месте, где мы теперь видим памятник И.С. Тургеневу.

Устраивая городской бульвар, губернатор Соковнин скорее всего распорядился поставить вдоль него скамейки для отдыха. С некоторой долей осторожности можно допустить, что какие-то скамейки имелись и вблизи той горы, с которой наблюдалась пристань. И если были такие скамейки с видом на правый берег Оки, няньки, конечно, могли сидеть там с детьми. В таком случае, мальчишкам, вернувшимся по осени из имения, наверное, интересно было разглядывать пустые барки, качавшиеся на воде, и даже с восторгом переживать процесс разрубания их на части. Зимой барки, как правило, оказывались вмороженными в лед. Среди мальчишек, созерцавших пристань, мог быть и Николенька Тургенев, 1816 года рождения.

Где-нибудь в 1820 году ему было уже 4 года. А его брата Ванечку нянька могла держать на руках. Вроде бы все сходится: детей могли водить для прогулок на бульвар с только-только посаженными в 1819 году деревцами, и няньки могли сидеть на бульваре со своими питомцами. Маленькие Тургеневы наверняка когда-нибудь этот бульвар посещали, и няньки им барочки и домики с высокой горки показывали. Но часто ли они это делали?

Зная характер Варвары Петровны и ее отношение к громким звукам вообще, можно думать, что она бы предпочла, чтобы ее дети – Николенька и Ванечка – дышали воздухом не вблизи Почтового двора с его неожиданными персонажами и с их особенными выражениями; не там, где жидкая зелень не дает никакой тени, и детскую головку может солнце напечь; не там, где проходят работы по срытию горки; а ранней весной и осенью не там, где грохот хлебной пристани не даст ее Ванечке и глазки закрыть, когда тому захочется подремать на воздушке, а все-таки в каком-то саду. Пусть в небольшом, но в саду.

Этого сада нет на плане застройки губернского центра.

На плане сада нет, а сад все-таки был.

Его место открывает нам тот же Н.С.Лесков, который сад видел, хорошо его знал и назвал в своем «Несмертельном Головане» «старым городецким».

Перечитаем «Голована». У Лескова подпасок Панька пасет коров на полянке у правого, низкого берега Орлика. Через речку от Паньки находится район современного Дворянского гнезда.

Лесков описывает, что видит Панька со своей позиции на полянке, подняв голову вверх. «Как раз напротив конца Третьей Дворянской улицы», то есть на горе, пишет Лесков, «с одной стороны по скату шел старый, так называвшийся «городецкий» сад, а слева на своем обрывке лепилось Голованово гнездо». Получается, что сад имелся в конце Третьей Дворянской улицы! Но его там не было, и это совершенно точно – на этой улице, причем почти в самом ее конце жили Лесковы, Николай Семенович неоднократно описывал места своего детства. Сад в конце Третьей Дворянской в них не присутствует.

Но в другом месте того же рассказа Лесков говорит, что Голованова постройка стояла «не в порядке домов, а на небольшой террасе обрыва под левым рядом улицы», все той же Третьей Дворянской улицы, современной Октябрьской. Такое расположение «объектов» легко может себе представить любой современный читатель: справа, если

идти в сторону Орлика по нынешней Октябрьской улице, находится Дом-музей Н.С.Лескова, ниже него – «дом Лизы Калитиной», слева – Детская больница, а потом тот самый «Голованов» выступ, что и до сих пор нависает над Орликом. Чтобы найти этот выступ, надо войти в аллею, идущую от больницы к улице Салтыкова-Щедрина.

Попробуем мысленно переместить лесковского Паньку, поставив его напротив современной улицы Салтыкова-Щедрина. В этом случае слева от Паньки и будет нависать Голованово гнездо, а справа он увидел бы старый сад. Вот и получается, что подпасок Панька стоял на полянке не против Третьей Дворянской, а против Второй Дворянской улицы, то есть нынешней Салтыкова-Щедрина. Конечно, Лесков где угодно мог поставить своего героя, все же «Несмертельный Голован» – это литературное произведение, хотя и с весьма точными деталями. Но «городецкий сад» при этом почти фотографическом описании города в «Головане» оказывается столь же конкретной деталью, как и церковь Михаила Архангела, как и имена орловских купцов, как и здание Дворянского собрания, как и «зеленая Богоявленская колокольня».

И если это так, а скорее всего, это так, все сразу встает на свои места. Тогда «городецкий сад» оказывается в конце современной улицы Салтыкова-Щедрина, то есть ровно в 2-х кварталах от дома Тургеневых, размещавшегося на той же улице, носившей название Второй Дворянской (Борисоглебской). И путь от этого дома до некоего небольшого сада занимает всего 5-6 минут ходьбы: удобно гулять с малышами Николенькой и Ванечкой недалеко от дома в саду на Орлике, и гораздо ближе, чем идти на бульвар Соковнина. Должно быть, путь в тот сад был хорошо знакомой дорожкой: наверное, именно туда уже и возили, и водили маленького Николеньку Тургенева.

Совершенно понятно, что Лесков называет этот сад старым, но он еще не считался таковым в годы детства Тургенева. Может быть, и в том саду над Орликом раньше стояли какие-нибудь скамейки, и возле них копошились дворянские малыши. Может быть, был там и некий спуск к воде, где можно было поставить плетеную коляску с младенцем. «Орлик река невеликая и воды его, захваченные пониже запрудой, тихи, как в луже», – пишет Лесков. Тишина, покой, утки и гуси на речке, плеск весел какой-нибудь лодочки в стороне от биения кипучей городской жизни гораздо более подходили для прогулок с детьми.

Скорее всего, насаждения в «городецком» саду были небольшими по площади, но возможно, что и густыми. Вероятно, это были какие-то неучтенные планом посадки над Орликом, подобно современной аллее между улицами Октябрьской и Салтыкова-Щедрина. Оценив их удобство, тогдашние дворяне привыкли считать их садом за неимением в городе регулярного парка. Устройство в 1823 году нового городского сада как бы «отменяло» старый, не столь уж благоустроенный, маленький и быстро ставший непрестижным сад. Но Тургеневы в это время уже были в Спасском.

Тем не менее, лесковская, используя словечко Николая Семеновича, «лыгенда», замечательна, а название «Тургеневский бережок» справедливо – известно, что Тургенев во время своих приездов в Орел любил сидеть на одной из скамеек городского сада и обозревать заокские дали, открывавшиеся во всей своей шири по правому берегу Оки, в те времена не столь застроенному, как в настоящее время.

История названий не может оставить равнодушным человека, любящего свой город. Многие из таких названий объясняют исторический фон, на котором складывались биографии выдающихся российских литераторов, в том числе Тургенева и Лескова. Здесь, на этих улицах, площадях и берегах рек по воле авторов – знаменитых отечественных писателей, развертывались события в целом ряде произведений, вошедших в золотой фонд мировой литературы, и еще не все страницы истории орловских улиц прочитаны до конца. А это значит, что нам с вами еще не раз предстоит испытать радость новых открытий.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Ф.С. УВАРОВ – КРЁСТНЫЙ ОТЕЦ И.С. ТУРГЕНЕВА

В 2007 году исполнилось 220 лет со дня рождения героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Фёдора Семёновича Уварова, младшего брата знаменитого президента Петербургской Академии наук (в его память учреждена Уваровская премия АН), министра народного просвещения и члена Государственного совета, графа (с 1846 года) Сергея Уварова. По окончании Отечественной войны Фёдор Семёнович долгое время служил в Орле, где осенью 1818 года по просьбе своего бывшего сослуживца, ротмистра Сергея Тургенева, он стал воспитателем его сына Ивана, будущего великого русского писателя.

Об отце братьев Уваровых современник писал: «У князя Потёмкина был один любимец, добрый, честный, храбрый, весёлый Семён Фёдорович Уваров. Благодаря его покровительству, сей бедный рядовой дворянин был флигель-адъютантом Екатерины и под именем вице-полковника начальствовал лейб-гренадерским полком, коего сама она называлась полковником. Он мастер был играть на бандуре и с нею в руках плясать вприсядку...»¹

Незадолго до своей ранней кончины Семён Уваров женился на представительнице богатого древнего рода Дарье Ивановне Головиной. Забота о воспитании сыновей легла на плечи молодой вдовы. В 1798 году Фёдор был зачислен юнкером в Коллегию иностранных дел, откуда в следующем году «при реформе выключен был за малолетностью».

Однако в июне 1801 года, по ходатайству канцлера графа А.Ф. Воронцова, Фёдора, проявившего «особенные успехи в воспитании и учёнии», вновь определили в Коллегию тем же чином.²

С 1 июня 1804 года начинается служба корнета Уварова в привилегированном Кавалергардском полку. Во время русско-австро-французской войны 1805 года он в чине поручика отличился в Аустерлицком сражении, за что получил орден Св. Анны 4 степени. Участвовал двадцатилетний офицер и в военной кампании 1806-1807 годов, которая против Наполеона велась на территории Пруссии.

В 1808 году Уваров произведён в штабс-ротмистры, а три года спустя – в ротмистры. Видимо, на это время приходится его знакомство с юнкером Сергеем Николаевичем Тургеневым, который свою военную карьеру начал в апреле 1810 года в Кавалергардском полку.³

Накануне Отечественной войны, 24 февраля 1812 года, Уваров перевёлся подполковником в Екатеринославский кирасирский полк. В начале августа принял участие в трёхдневном кровопролитном сражении с французами под Смоленском (в Смоленской губернии находилось родовое имение Уваровых). Особую доблесть показал Фёдор Семёнович в Бородинском бою, где был ранен пикой в правую руку и получил «картечную контузию». Его произвели в полковники и назначили командиром Екатеринославского полка.

Проявил себя с лучшей стороны полковник Уваров в битвах под Малоярославцем, после чего французские войска вынуждены были отступать по разорённой Смоленской дороге, под Вязьмой и селом Красным. Заслуги командира кирасиров командование отметило орденом Св. Владимира 4 степени.

К Рождеству французские полчища были изгнаны из пределов империи, и начался победоносный заграничный поход русской армии, завершившийся взятием Парижа 18 марта 1814 года. В формулярном списке Уварова, считавшегося отличным полковым командиром, указано: «В 1813 году Уваров был под Люцерном (20 апреля), под Бауценом (7 и 8 мая); в 1814 году – при Бриене (20 января), при Барсюр-Обе (15 февраля), под Труа (19 февраля), при деревне Лабрюссель, где за отбитие неприятельского орудия награждён орденом Св. Георгия 4 степени; при деревне Арси (9 марта), в сражении при Фершампенуазе (13 марта)...»⁴

За занятие французской столицы Уваров получил орден Св. Владимира 3 степени. Кроме того, он имел прусский орден «За достоинство».

Из недавно обнаруженного мною архивного документа (о нём подробнее ниже) стало известно, что «по неотпуску сумм провиантским департаментом» Фёдор Семёнович в 1814 и 1815 годы на снабжении Екатеринославского кирасирского полка провиантом и фуражом израсходовал собственных 28.785 рублей 85 копеек.

6 октября 1817 года он был произведён в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады 2-й кирасирской дивизии, входившей в состав 2-го резервного кавалерийского корпуса, штаб которого находился в Орле. Командовал корпусом генерал-лейтенант

и генерал-адъютант, кавалер двух орденов Св. Георгия и других наград барон Фёдор Карлович Корф.

В губернском центре и других населённых пунктах несли караульную службу кирасиры Екатеринославского, Астраханского и Псковского полков. В Заорлицкой части города (теперь Советский район) находились здания штаба, пять казарм, столько же конюшен и манеж.

В конце октября 1818 года ротмистр Кавалергардского полка Сергей Тургенев, женившийся два с половиной года назад на Варваре Петровне Лутовиновой, пригласил своего бывшего сослуживца Фёдора Уварова быть восприемником новорожденного сына Ивана. Обряд крещения состоялся 31 октября в орловской Борисоглебской церкви. Крестил протоиерей Иаков Орлов с причтом. Крёстной матерью младенца стала его родная тётка Феодосья Николаевна Теплова. Очевидно, не без помощи Уварова Тургенев через год был переведён подполковником в Екатеринославский полк.

Богатый материал о пребывании крёстного отца автора «Дворянского гнезда» в Орле содержится в «Путевых записках» историка, писателя и педагога Гавриила Васильевича Геракова. Основное его произведение – «Твёрдость духа русских» – было отмечено Денисом Давыдовым. С 13 ноября 1820 года Гераков в течение пяти дней находился в Орле, ежедневно встречаясь с Фёдором Уваровым, его родственным окружением и сослуживцами.

Прибыв в Орёл во втором часу пополудни, Гераков записал: «Был у генерал-майора Феодора Семёновича Уварова, где застал приехавшую к нему мать его Дарью Ивановну; не могу нахвалиться их приёмом. Приглашённый, обедал со всеми у корпусного командира генерал-адъютанта Корфа...»⁵

В воскресный день 14 ноября гость из столицы отметил: «С удовольствием обедал у Феодора Семёновича Уварова, прекрасного душою и умом. Был в театре, – билет прислал Уваров; давали комедию в стихах Грибоедова “Притворная неверность”. Изрядно играно, но любовники и любовницы приметно, что холопы. За комедию следовала большая опера “Похищение из Сералея”. Музыка Моцарта очень хорошо разыграна, и пели весьма порядочно... Оркестр хоть бы в Петербурге».

Вечером следующего дня: «С шести до восьми у Дарьи Ивановны Уваровой и любезного её сына. Тут бостон, вист и все военные хорошие люди (возможно, среди гостей был и кум хозяина подполковник Тургенев. – В.В.)... Дарья Ивановна весела и любезна».

16 ноября: «В 2 часа приехал к Дарье Ивановне, которая как сына принимала... После обеда хозяйка показывала мне портрет одной крестьянки Агафии, жившей в Шклове (городе в 30 км к северу от Могилёва. – В.В.), которая 33 года лежала на кирпичях; тело парализовано, но лицо свежее; ум здравый и сведения глубокие; она, не выдавая себя святою или пророчицею, исцеляла многих от разных болезней, скончалась 1811 года, к сожалению сограждан, страждущих недугами. Всё сказанное мною – слова Дарьи Ивановны. По портрету же можно видеть доброту сердца и чистоту души».

Как не вспомнить здесь о прекрасном образе Лукерьи, героини тургеневского рассказа «Живые мощи», вошедшего в цикл «Записки охотника»?

Вечером того же дня Гераков застал у Уваровых приехавшую тётку генерала красавицу Наталию Ивановну Куракину, супругу нашего земляка.

Запомнился ему и день 17 ноября: «Званный корпусным генералом на завтрак, поехал в первом часу; тут уже была Дарья Ивановна с молодцом сыном своим, сестрица её княгиня Куракина... Генерал, штабс- и обер- офицеры и один я статский... Более тридцати особ сидели у гостеприимного Корфа за завтраком, лучше сказать, за славным обедом...

Упросили, и запел Евдоким Васильевич Давыдов (младший брат поэта, военного писателя и знаменитого партизана. – В.В.), очень мило, потом я малоискусный, в заключение пела прекрасно княгиня Куракина, и все были довольны...»

В четверг 18 ноября, накануне отъезда, Гавриил Васильевич написал: «Званный, обедал я у любящих меня Уваровых, хотя и приглашал Генерал-адъютант Корф. В седьмом часу... благодарил Фёдора Семёновича Уварова и мать его за патриархальное обращение с бедняком... На дорогу Уваров приказал приготовить для меня две дюжины пирожков, и сам увёртывал каждый в бумагу, как не быть чувствительным! Это делается только с родными братьями».⁶

С похвалой отзывался Уваров о 80-летнем орловском священнике Иоанне, который, «ходя из дома в дом, собирал милостыню и оною содержит более 200 престарелых и немощных».

В феврале 1823 года, во время отпуска командира корпуса, в 3 эскадроне Екатеринославского полка произошло «возмущение», имевшее экономическую подоснову. Командир полка полковник Плахов арестовал зачинщиков. На следующий день кирасиры потребовали их освобождения.

Прибывшему к ним генерал-майору Уварову, заменявшему командира дивизии, удалось уговорить кирасиров не нарушать «долг присяги и порядок воинского артикула, строго запрещающего всякие сборища». Тем более, что в прошлом месяце он производил инспекторский смотр эскадрона и тогда не услышал никаких жалоб и претензий.

Расследование проводил генерал-майор Давыдов. Дело получило широкую огласку.⁷

Жестокий приговор, вынесенный кирасирам эскадрона военным судом, несомненно, отразился на здоровье Корфа, скончавшегося летом того же года. Похоронили его на кладбище орловского Успенского мужского монастыря. Вскоре стараниями генералов, штаб- и обер-офицеров корпуса на его могиле был установлен памятник.

Судя по обнаруженным в областном государственном архиве трём документам, Фёдор Семёнович в 1824 году начал подумывать о своей отставке. Это – три его «верющих» письма (доверенности), два из которых – на имя своего старшего брата С.С. Уварова (1786-1855), сделавшего к этому времени поразительную карьеру.

В 24-летнем возрасте он был назначен попечителем Петербургского учебного округа и исполнял эту должность до 1822 года, когда стал директором департамента мануфактур и внутренней торговли. А в 1818 году он становится до самой своей смерти президентом Петербургской Академии наук (в 1833 году его утверждают ещё и министром народного просвещения).

Выявленные документы свидетельствуют о дружеских отношениях между братьями и привносят новые биографические данные как об орловском периоде службы восприемника Тургенева, так и о его высокопоставленном брате, каждое обращение к которому когда-нибудь найдёт отражение в монографии или хронике жизни.

28 февраля 1824 года Фёдор Уваров представил в Орловскую палату гражданского суда «верющее» письмо такого содержания: «Любезный брат Сергей Семёнович, за продовольствие Екатеринбургского кирасирского полка (коего я был командиром) провиантом и фуражом в течение 1814 и 1815 годов – по неотпуску сумм – провиантский департамент мне должен был всего 37.610 рублей 85 копеек с четвертью. Правильность сей претензии основывается на отношении Комиссии киевского провиантского депо (под ведением коей полк для продовольствия тогда находился), которая уведомила в прошлом 1816 году от 7 января за № 132-м и того же года мая

4 числа за № 2554, что по окончательным расчётам, учинённым ею, мне действительно следует в возврат получить всего 48.785 рублей 85 копеек с четвертью и что таковые расчёты препровождены от неё к г-ну генерал-провиантмейстеру, по предписанию коего и отпущено мне из Коллегии виленского провиантского депо 1816 года января 30 за № 911-м 11.175 рублей.

В 1817 году государю императору благоугодно было повелеть господину управляющему министерством военных дел сию претензию сблизить к удовлетворению. Прилагаю при сем в оригинале вышеупомянутые три отношения, равно свидетельство за № 39-м, заверяющие мне принадлежность сих сумм, также и выписку из ведомости, доставленной из Комиссии воронежского провиантского депо прошлого 1823 года ноября 24 за № 9303, в коей явствуует, что доставленные по высочайшему повелению на счёт мой через Главный штаб 1-й армии в октябре 1818 года всего 18.918 рублей 40 копеек удержанием (слово нрзб. – Авт.) мне столовых денег уже сполна пополнены.

Прошу Вас (слово нрзб. – В.В.) доверяю Вам или кому от вас поручено будет ходатайство по сему делу как по военному министерству, так и равно и государственному контролю, и министерству финансов, и где нужно будет расписаться за меня в получении сумм, равно и в случае передачи другому лицу права мои по сему делу, и всё, что вы или доверенный ваш по сему законно учините, впредь спорить и прекословить не буду.

Впрочем с истинным почтением имею честь быть ваш брат и слуга Федор Уваров генерал-майор февраля (число не указано – Авт.) дня 1824 года. Сия доверенность принадлежит президенту Академии наук, действительному статскому советнику Уварову...»

Далее следует автограф: «К сей копии и сказке генерал-майор Фёдор Семёнов сын Уваров руку приложил и подлинное верующее письмо к себе взял».⁸

Вторая доверенность, датированная 14 июня того же 1824 года, касается хозяйственной деятельности генерала в его родовом имении: «Милостивый Государь мой братец Сергей Семёнович, известно вам, что имею я собственный винокуренный паровой завод, состоящий Смоленской губернии Бельского уезда при деревне Большой, на котором можно выкурить полугарного вина в одно винокурение 80000 ведер при полном действии оногo, с коего обязан уже я поставить на 1825 год в Смоленскую губернию 15800 вёдер полугарного вина, а

именно: в городе Сычёвке 10800 вёдер Бельского уезда, в княжнинский подвал 2000 вёдер и в город Вязьму 3000 вёдер; почему вознамерился принять на себя поставку вина и на 1826 год собственно для Санкт-петербургских казённых сборов от 40000 до 100000 вёдер.

Вследствие чего прошу покорнейше – на основании učinённого от министерства финансов распоряжения – явиться вам или кому от вас доверено будет в назначенное время в Санкт-петербургскую казённую палату и подать на производство с вышеписанного завода моего поставки вина установленное объявление; назначить в оном сроки и цены, от меня вам объявленные; и когда таковая поставка вина за мною состоится, в том и контракты на имя моё заключить, предъявив куда следовать будет к выдаче задаточных денег. Посему какие только нужны будут прошения и объявления от имени моего подавать, к ним и к контрактам вместо меня руку прикладывать и в получении с контрактов копий и задаточных денег расписываться, в чём я вам или вы кому от себя поверите верю...»⁹

В конце документа стандартный автограф Ф.С. Уварова.

И, наконец, третье его «верющее» письмо от 16 июня того же года обращено к своему «служителю Василию Иванову сыну Ушенкову».

Оно содержит в себе дополнительные подробности об уваровском винокуренном заводе, расположенном «Смоленской губернии в Бельском уезде села Холма при деревне Большой».

Указывая, что завод «ныне вновь устроен и увеличен», Фёдор Семёнович сообщает: «Желаю я получить поставку хлебного вина в разные губернии и города в казённые винные магазины на законных на то правах; но как я сам занят по службе Его Императорского Величества, то поручаю тебе где б только и куда случилось потребно вина, то явиться в те губернии и города и объявить моё желание на поставку, производя торговые заключать контракты на известное тебе число вёдер и по известной тебе цене...»¹⁰

В конце – третий типовой автограф винозаводчика.

Ровно через два с половиной года, 7 января 1827 года, генерал-майор Фёдор Уваров был «уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром». Поселился он в своём имении в селе Холму Бельского уезда, где ему принадлежало более полутора тысяч крестьян. Жил он там безвыездно, занимался садоводством и винокурением.

Можно не сомневаться в том, что Фёдор Семёнович поддерживал контакты со своей кумой Варварой Петровной Тургеневой и следил

за судьбой своего талантливой крестника. Об Уварове упоминается в одном из писем Тургеневой к сыну Ивану, находившемуся за границей.

21 марта 1839 года она, находясь в Спасском-Лутовинове, писала: «Я требую непременно: приезжай в Россию... Да только уведомя меня, по какой дороге ты поедешь... Николенька (Н.С. Тургенев – В.В.) пришёл, хохочет: что ты это, мамаша, да это не дорога на Киев, брат поедет на Смоленск. И прекрасно. Чего мне лучше, поеду на Смоленск к Белкину (родственник Тургеневых. – Авт.), к Уварову...»¹¹

Фёдор Семёнович так и не обзавёлся семьёй. Скончался он в июне 1845 года. Последнее пристанище он обрёл в церкви своего смоленского села рядом с отцом. Через десять лет возле любимого брата погребли и Сергея Уварова.

Примечания

1. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. Кн. 2. – М.: Захаров, 2003. С. 765.
2. Сборник биографий кавалергардов. Под редакцией С. Панчулидзева. СПб., 1906. С. 113.
3. Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева Инв. 282.
4. Сборник биографий кавалергардов. С. 113.
5. Гераков Г. Продолжение путевых записок. СПб., 1830. С. 120.
6. Там же. С. 127.
7. Власов В. Заступник свободы. Декабристы-орловцы. Тула, 1991. С. 19-22.
8. Государственный архив Орловской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2635. Л. 53-54. Сохранены орфография и пунктуация подлинника.
9. Там же. Л. 119–119 об.
10. Там же. Л. 120–120 об.
11. ОГЛМТ. Копии писем В.П. Тургеневой к сыну Ивану. Л. 106.

ДУНАЕВСКИЕ – ЕДИНОУТРОБНЫЕ БРАТЬЯ В.П. ТУРГЕНЕВОЙ

В.П. Тургенева (1787–1850) – единственный ребёнок в семье штабс-капитана П.И. Лутовинова (1743–1787) и Е.И. Лутовиновой (рожд. Лавровой, во втором браке Сомовой; 1767–1834). Их дочь Варвара родилась почти два месяца спустя после смерти отца, который оставил недобрую память не только в сердце жены... О нём и о его брате Алексее, тоже служившем в лейб-гвардии Преображенском полку, оставил запись в своих воспоминаниях Г.Р. Державин: «...хотя были умные и весьма расторопные в своей должности лица, но старший весьма развращённых нравов, которому наследовал и младший, нередко упражнялся в зазорных поступках и неблагопристойной жизни, то есть пьянстве, карточной игре и <...>»¹

Оставшись вдовой в двадцатилетнем возрасте, Екатерина Ивановна не захотела иметь Лутовиновых опекунами своей маленькой дочки. Она уехала в родное село Холодово Кромского уезда, где родилась сама.² В Холодове, имении брата Екатерины Ивановны – Н.И. Лаврова, родились у неё трое внебрачных сыновей от её соседа по имени С.А. Сомова, жившего тогда с женой-инвалидом и двумя дочерьми.³ После смерти жены Сомов и Лутовинова обвенчались, но их дети – Иван, Федор и Венедикт получили фамилию Дунаевских, а отчество – «Осиповичи». С.А. Сомов был всё это время опекуном малолетней Вареньки Лутовиновой.

В биографиях, воспоминаниях об И.С. Тургеневе нет сведений о единоутробных братьях В.П. Лутовиновой. Намёк на их существование находим лишь в «Воспоминаниях» В.Н. Житовой, которая привела строки из письма к ней Варвары Петровны: «... я была более сирота, нежели ты, потому что у тебя есть мать, а у меня не было матери; мать была мне как мачеха. Она была замужем, другие дети, другие связи...».

Первым исследователем, обратившим внимание на существование братьев Варвары Петровны, был Н.М. Чернов.⁴ Он подчеркнул: «В судьбе Е.И. Лутовиновой-Сомовой многое остаётся пока неопределённым и неразгаданным <...> мы и теперь в раздумьях о том, почему её семнадцатилетней девочкой отдали из хорошей семьи за

старейшего пьяницу и развратника. Отчего знатные и влиятельные родственники согласились сделать её заложницей?..» Чернов назвал имя второго опекуна В.П. Лутовиновой; им стал брат матери Екатерины Ивановны «Тайный советник, бывший Казанский губернатор» Илья Богданович Бибииков.

Мы располагаем документом из Государственного архива Орловской области (ГАОО) о разделе имения в Кромском уезде между помещиком Н.И. Лавровым и его сестрой Е.И. Лутовиновой.⁵ Он датирован 18 февраля 1788 года. На «Деле» имеется помета, сделанная в Орловской Гражданской палате: «Получено 21 марта 1788 года». Это – итог раздела наследства между братом и сестрой после смерти их родителей – «показанного отца их Ивана Петровича и матери Прасковьи Богдановны движимому и недвижимому имению при нижеподписавшихся свидетелях допрашиваем был Иван Маркевич» (последний был, видимо, поверенным Екатерины Ивановны, которая не могла сама приехать в Новгород-Северский, где оформлялось дело о разделе наследства Новгород-Северской Палатой Гражданского суда).

1787 год был очень нелёгким для Е.И. Лутовиновой. В ноябре умер муж, она ждала родов. Дочь Варя родилась в конце декабря. В Орловском суде начинается дело о наследовании обременённого долгами имения её мужа...

Сохранившееся «Дело» Новгород-Северской Гражданской палаты, которое мы цитировали выше, позволяет точно определить дату смерти родителей Екатерины Ивановны: они скончались в феврале того же злополучного 1787 года в Новгород-Северском наместничестве, возможно, в доме брата матери – гвардии генерал-поручика и Кавалера, губернатора Новгород-Северского наместничества Ильи Богдановича Бибиикова, который и стал главным «свидетелем» раздела имений между племянниками. Другими свидетелями, обозначенными в документе, явились: статский советник Василий Кочубей, надворный советник Иван Степанович Судесников, надворный советник Василий Васильевич Кочубей. Все они «руку приложили» под итогами раздела наследства генерал-майора и Кавалера Ивана Петровича и Прасковьи Богдановны Лавровых.

В документе не указано, что досталось брату. Ему положено было тринадцать частей наследства, сестре же – одна четырнадцатая часть. В неё вошли: «Владения с отчего недвижимого имения Калужского Наместничества в уезде Серпилинском (?) крестьянскими сто ду-

шами <...>, да сверх того ещё женска пола две души – Калужской губернии Козельского уезду деревни Долгой Прасковью Наумову дочь, да Орловской губернии Кромского уезду сельца Холодова Варвару Андрееву дочь». Надо думать, в документе не случайно не указано, к какому селению Калужской губернии относилось 100 душ мужеска пола, выделенные Екатерине Ивановне. Она поясняет в письме на имя графа А.А. Аракчеева, датированном 1814 годом (тогда тоже остро стоял вопрос о наследстве): «<...> я после смерти родителей наших, оставшись... от Артиллерии генерал-майорской дочерью, на 14-ю часть, от брата моего получила только сто душ оброчных и безземельных, состоящих в разных селениях, без выгод, так что не имела нигде собственного своего дома и пристанища...» Пользуясь её отсутствием при разделе имущества, родственники беззастенчиво обманули молодую женщину, пользуясь её затруднительным положением. Как ей было бороться за свои права с родным братом, дядей-губернатором, взявших в свидетели спора по наследству влиятельных родственников Разумовских?

«Вдовья часть» Екатерины Ивановны по мценскому Спасскому-Лутовинову, как сообщает Н.М. Чернов, была выкуплена И.И. Лутовиновым. Жить с братьями мужа она не захотела. Она поселилась тогда на родине, в Холодове, которое после смерти брата должно было перейти невестке. По смерти Н.И. Лаврова Екатерина Ивановна писала Аракчееву: «<...> видя, что имение брата моего [Холодово – Р.А.] после выезда невестки осталось без всякого хозяйственного присмотра, как законная и единственная наследница оному вынуждена была, по истечении уже месяца, просить ввода меня во владение». Аракчеев поручил орловскому губернатору П.И. Яковлеву помочь разобраться в деле о наследстве прославленного генерала Лаврова. Яковлев, ставший в 1811 году мужем близкой подруги В.П. Лутовиновой, конечно, сделал всё возможное, чтобы Холодово осталось за Екатериной Ивановной.

Найденный в Орловском архиве документ не только позволяет нам заполучить данные о последних годах жизни родителей Е.И. Лутовиновой-Сомовой, которые связаны с Новгород-Северским наместничеством, где у них, возможно, было имение, а брат Прасковьи Богдановны состоял губернатором, но этот документ даёт также возможность предположить причину, по которой Лавровы согласились на брак юной дочери и штабс-капитана Лутовинова. Дело в том, что новгородским помещиком был и С.В. Неплюев, муж тётки П.И. Лутовинова Екате-

рины Игнатьевны (рожд. Лутовиновой),⁶ совладелицы братьев Лутовиновых по Спасскому. Значительное состояние Лутовиновых, о которых, верно, были наслышаны Лавровы-старшие через Неплюева, стало, по всей видимости, решающим обстоятельством в деле замужества Екатерины Ивановны. Родители были уже больны, слабы и надо было срочно обеспечить будущность дочери. Так свершился этот брак, не принесший счастья ни одному из супругов.

Но вернёмся к истории братьев Дунаевских. Н.М. Чернов сообщает нам, что первый из братьев – Иван, губернский секретарь, родился около 1790 года, а умер около 1820 года и что был женат на дальней родственнице Лутовиновых Софье Александровне Скуратовой. Они имели дочь – Елизавету, которая умерла в 1879 году. Как известно, Софья Александровна называла себя «неморальной», это прозвище, приставшее к ней, упоминает в письмах к сыну Ивану В.П. Тургенева. Такой эпитет имеет своё объяснение: в просторечии «положить на женщину мораль» означало, что она потеряла честь. А Софья Александровна гордилась тем, что после смерти мужа осталась верна его памяти, что на ней нет «морали»!

Н.М. Чернов рассказал нам и о другом Дунаевском – Фёдоре, за которым в 1828 году было установлено полицейское «наблюдение» – штабс-капитан распространял «дерзкие стихи» А.С. Пушкина. Фёдор Осипович воевал на Кавказе, знал А.П. Ермолова. Чернов опубликовал портрет дочери Фёдора Осиповича А.Ф. Мацневой, установил годы её жизни: она родилась в 1841 году (крестил её И.С. Тургенев), умерла в 1907 году женой генерала.

Опубликовал Чернов, правда, без комментария, портрет Николая Венедиктовича, сына третьего из братьев Дунаевских. Фотография была сделана в поместье Дунаевских и датировалась 1899 годом.

Мы имеем возможность, используя данные Орловского областного архива, обнародовать в этой статье самые ранние сведения об Иване Осиповиче Дунаевском. В «Исповедальной ведомости Борисо-Глебского собора» Орла за 1817 год значится: «Губернский секретарь Иван Осипов Дунаевский. Дворовые люди». Следовательно, в приходе церкви Бориса и Глеба у И.О. Дунаевского была собственная усадьба.⁷ Догадку подтверждает обнаруженное в фонде Орловской Гражданской Палаты письмо губернского архитектора Ф.И. Петонди к Е.И. Лутовиновой-Сомовой, датированное апрелем 1831 года. Оно помогает исправить дату смерти Ивана Осиповича, которую предложил Чернов: «Милостивая государыня Екатерина

Ивановна! Покойный Губернский секретарь Иван Осипов сын Дунаевский состоит должником по закладной, написанной в 13-й день мая 1825 года в Орловской Палате гражданского суда в занятых им у меня Государственными Ассигнациями четырёх тысяч рублей сроком до 1 года, то есть 1826 года мая по вышеназванное число, с залогом крепостного его, Дунаевского, деревянного дома с местом и имеющихся при нём двумя флигелями и различными строениями, доставшимися ему по купчей крепости <...> 6 октября 1818 года <...>, состоящий города Орла в 3-й части на Дворянской улице <...>» Письмо указывает нам адрес усадьбы И.О. Дунаевского. Она располагалась на той же улице, что и усадьба В.П. Тургеневой, возможно, по её совету и купленная братом. В течение пяти лет платились проценты за неуплату долга. В мае 1831 года Ф.И. Петонди уже не мог получить их: к тому времени Иван Осипович умер, 1831 год – дата смерти старшего из братьев Дунаевских.⁸

Екатерина Ивановна долг сына уплатила – через пять лет в «Регистре поземельного сбора в 3-й части города Орла»⁹ значится: «Губернский секретарь Г. Дунаевский. Наследники. 30 рублей». Ту же сумму налога платили тогда и Тургеневы. Усадьбы по достоинству были одинаковы.

Обнаруженные в Орловском архиве документы Орловского Дворянского Депутатского собрания¹⁰ позволяют нам сделать предположение, что названным отцом братьев Варвары Петровны стал представитель древнего дворянского рода, видимо, небогатый поляк, имевший именье в Киевской губернии. Братья Дунаевские были введены в IV часть Дворянской родословной книги Киевским Дворянским Депутатским собранием в 1822-1823 годы.¹¹ Документ гласит: «Губернский секретарь Иван Осипов Дунаевский основывает своё дворянское происхождение единственно на Грамоте, выданной на его имя из Киевского Дворянского Депутатского собрания 1823 года сентября 27 № 3797, в коей вместо обыкновенной фамилии его, утверждённой собственной его рукою в поданном в сие собрание прошении подписью, именован проситель Сас-Дунаевским, как между тем по всегдашнему своему в городе Орле жительству он довольно всем известен и по происхождению и по фамилии своей, а потому отнести в Киевское Дворянское Депутатское собрание о присылке за скрепою копии с Протоколом состоявшегося о внесении просителя по тамошней губернии в Дворянскую Родословную Книгу, получение которой доложить сему собранию».

Киевское Дворянское Депутатское собрание зарегистрировало «признание» Ивана Осиповича Дунаевского в дворянстве 12 октября 1822 года. Братья В.П. Тургеневой, кроме Венедикта Осиповича, именовали себя Дунаевскими, младший же из них именовал себя и детей во всех документах Сас-Дунаевскими.¹² Сохранились их документы о введении во 2-ю часть Орловской дворянской книги. Следует сказать о том, что родной отец Дунаевских С.А. Сомов ещё при жизни своей постарался обеспечить своих сыновей необходимой земельной собственностью («продавая» им имения), для беспрепятственного введения их в Дворянскую книгу Орловской губернии.

Поручик С.А. Сомов скончался в 1821 году, что следует из обнаруженной нами в Орловском архиве «Книги записей купчих крепостей, дарительных записей и духовных завещаний» за 1823 год,¹³ где в ноябре месяце зафиксирована «продажа» имений Сомова его вдове Е.И. Сомовой. Текст записи позволяет определить состав семьи Сомовых:

Родной дед братьев Дунаевских – Сомов Алексей имел сыновей: поручика Ивана Алексеевича и поручика Сергея Алексеевича, женатого 1-м браком на Елене Лавровой, 2-м браком на Екатерине Лутовиновой (рожд. Лавровой); были у Алексея и дочери: Анна Алексеевна Давыдова, майорша, и девица Мария Алексеевна. У Ивана Алексеевича сыновья: ротмистр Петр Иванович, Григорий Иванович и коллежский ассессор Михаил Иванович. К 1823 году в живых оставались: Михаил Иванович, его мать – поручица Авдотья Фёдоровна Сомова и вдова сына Сергея – поручица Екатерина Ивановна Сомова.

М.И.Сомов и его мать решили обеспечить вдову-невестку и её внебрачных детей материально. Они оформляли передачу имений путём якобы продажи, что ускоряло процесс необходимых утверждений акта и сокращало налоги.

Так, в ноябре 1823 года М.И. Сомов и его мать оформляют как продажу передачу Сомовой родового имения в селе Покровском (Сомово тож.) Кромского уезда, состоявшего из 44 душ дворовых и крепостных. Сюда же присоединяются 22 души мужеска пола. В Калужской губернии Мещёвского уезда в деревне Хатожей она получает 18 душ крепостных крестьян – всего 86 душ. Ещё раньше из той же деревни Фёдору Осиповичу Дунаевскому было продано 20 крепостных душ мужеска пола.

Любопытно описание родового имения Сомовой Покровского: «Со всеми строениями, землёю, мукомольнями, мельницами <...> с

господскими домами, чайною, столовою посудю, поваренною обоих домов деревянною посудю, сенокосами, 20 ульями, плодовиными садами, скотом, птицею» имение оценено в 80000 рублей ассигнациями. Прибавим к этому оставшееся после смерти тётки продавца – Анны Алексеевны и Марии Алексеевны, из села Апальково Кромского уезда и сельца Малое Жуково Жиздринского уезда лес.

В год смерти С.А. Сомова (1821) умер отец С.А. Дунаевской Александр Ильич Скуратов. Что позволило значительно улучшить материальное положение семьи И.О. Дунаевского: после раздела наследства с родственниками Софья Александровна получила крестьян с землёй и избами в деревне Кандиловской Вологодской губернии. Сохранилось её «Верующее письмо» от 23 января 1823 года старосте из крестьян Петру Иванову с поучением продать их за 1800 рублей ассигнациями.¹⁴ В том же году С.А. Дунаевская покупает в Орле у поручицы Е.А. Павловой семью крепостных – мужа, жену и сына.¹⁵

23 ноября 1823 года Е.И. Сомова оформляет в Орловской Гражданской палате «продажу» своему сыну И.О. Дунаевскому крепостных людей из имения в сельце Семёновка Калужской губернии, доставшихся ей самой по наследству от брата, генерала Лаврова, а также перешедших ей после смерти С.А. Сомова. Можно быть уверенными, что вся земля, на которой жили эти крестьяне в Жиздринском уезде Калужской губернии, ещё при жизни С.А. Сомова принадлежала И.О. Дунаевскому.

Заметим, что Тургеневы и Дунаевские, имевшие городские усадьбы в Орле на Дворянской улице, всегда имели связь между собой. О. Аргамачева в своих воспоминаниях «Семейство Тургеневых» рассказывает: «<...> Я жила с отцом в пяти верстах от Спасского, бывала у Варвары Петровны в старом доме (т.е. до пожара 1839 г.), где всегда гостило много девиц. Избранными мною подружками были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кугушева, затем девица Лаврова и девица Анна Яковлевна Шварц».¹⁶ В списках же дворян, живших в Орле в 1834-37 годах, значится: «№ 12. Дунаевская Софья Александровна, губернская секретарша. Вдова, 34 лет. Дети: Одна Елизавета Ивановна – 13 лет. Сама живёт в Орле, а дочь в Москве, в пансионе. В Орле покойного мужа деревянный дом».¹⁷ Документ позволяет установить дату рождения Софьи Александровны – 1800-й год и её дочери Лизы – 1821-й год. Стало быть, она на три года моложе И.С. Тургенева. Напомним, что с июля 1834 по март

1835 года С.А. Дунаевская путешествовала за границей с В.П. Тургеневой, переживавшей тогда семейную драму.

Подобно тому, как обеспечивался землями и крепостными душами И.О. Дунаевский, Фёдор Осипович также получил своё состояние из рук родни в качестве проданного недвижимого. Так, по записи в «Книге записей купчих крепостей» за 1823 год значится, что ещё при жизни С.А. Сомов, который в документе именуется «дядей», продал поручику Ф.О. Дунаевскому (т.е. своему сыну) 20 душ крепостных мужеска пола в деревне Хатож Мещевского уезда Калужской губернии. А в 1822 году Е.И. Сомова «продаёт» Фёдору Осиповичу 111 душ крестьян «с жёнами и новорожденными <...> с имуществом, строением» в деревнях Бестань и Погорелье Калужской губернии, доставшихся ей по наследству от отца и брата. Оценка проданного имения – 45000 рублей ассигнациями.¹⁸

Ф.О. Дунаевский служил на Кавказе, был ранен. Получил орден, что давало право на звание дворянина. 21 апреля 1825 года последовал указ об отставке Ф.О. Дунаевского из Отдельного Кавказского корпуса за подписью генерала от инфантерии А.П. Ермолова. В документе сказано, что он владеет 2 душами мужеска пола. Следовательно, «продажа» ему имений не была официально сообщена.

Можно не сомневаться, что пребывание на Кавказе ссыльного Пушкина не прошло бесследно для Фёдора Осиповича. Тогда наизусть цитировали пушкинские стихи «К Чаадаеву», «На Аракчева...»

После отставки он живёт в Орле, в Москве. На него поступают доносы... Об этом пишет Н.М. Чернов.¹⁹ Свою роль сыграло «признание» одного из лейб-гвардии капитана Преображенского полка, что Дунаевский обсуждал с некоторыми офицерами «события в Петербурге», что «Ермолов на Кавказе не присягает...» Возникает «дело», по которому Ф.О. Дунаевский, проживающий в имении матери, попадает под наблюдение. Вышедший в 1827 году в отставку А.П. Ермолов, конечно, осведомлён о неприятностях своего офицера и приглашает его в своё имение помогать вести хозяйство.²⁰

В 1827 году А.П. Ермолов продал имение в Орловском уезде своему бывшему адъютанту гвардии капитану Н.П. Воейкову. Ф.О. Дунаевский продолжал управлять Елецкими имениями Ермолова. В 1839 году он приобрёл у прапорщика Корпуса путей сообщения дворовое место в Орле на Нижне-Дворянской (Садовой) улице,²¹ где, по-видимому, начал строить усадьбу. В 1841 году у него родилась

дочь Аграфена (как мы помним, крестным был её двоюродный брат И.С. Тургенев).

Возможно, не без участия А.П. Ермолова, жившего тогда в Москве на Пречистенке и наезжавшего в Орёл, Орловский губернатор Н.В. Васильчиков обратился с ходатайством в Департамент полиции о снятии надзора за Фёдором Осиповичем. В архиве Орловской области сохранилось Дело, датированное мартом 1840 года, – Предписание Министерства внутренних дел об освобождении из-под надзора штабс-капитана Дунаевского, попавшего под наблюдение полиции «за сочинение дерзких стихов», «по уважению постоянно хорошего поведения...»²² Таким образом, Ф.О. Дунаевский находился «под присмотром» более десяти лет.

Имя Фёдора Осиповича было занесено во 2-ю, «военную» часть Дворянской книги Орловской губернии. Следовательно, здесь у него была своя земля, возможно, она была частью родового поместья Сомовых – села Сомова Кромского уезда.

30 декабря 1850 года Ф.О. Дунаевский делает «объявление» в канцелярии Орловского губернатора «О духовном завещании»,²³ по которому штабс-ротмистру князю Н.Е. Шаховскому предоставлялось «недвижимое имение», состоящего Калужской губернии Жиздринского уезда в сельце Высоком, в деревнях Бестани, Локны тож, и Холмах, всего 163 ревизских мужского пола души <...>, с принадлежащей землёй, лесными дачами, с господскими, крестьянскими строениями, с тем, чтобы он, кроме долга Московскому Опекунскому Совету, взнёс из собственного своего капитала в Московскую Сохранную Казну на имена Клавдии Петровой и Аграфены Ивановой по 5715 руб. каждой <...>, жене своей Пелагее Андреевой, бывшей мещанке Чистяковой, в пожизненное владение земли, состоящие Орловской губернии в сельце Чернском, Юшкове тож, 56 десятин...»

Как видим, сельцо Хатож Жиздринского уезда в «Завещании» не упомянуто. Вероятно, ушло в качестве приданого дочери Аграфене Мацкой, равно как и его собственность в Орловской губернии.

Младший единокровный брат В.П. Тургеневой, единственный из братьев, сохранивший полностью фамилию названного отца, – Венедикт Осипович Сас-Дунаевский. Приведём данные о нём по документам Орловской губернии Депутатского собрания.

В 1834 году после смерти Е.И. Сомовой Венедикт Осипович, а затем и его дети и внуки, становятся владельцами земель сельца Со-

мова, Покровского тож, в Кромском уезде. Все они занимали впоследствии довольно видные общественные должности. Например, в 1839 году Венедикт Осипович избран Попечителем хлебных магазинов Кромского уезда вместе со штабс-капитаном Игным.

В 1838 году он решил оформить своё право на дворянство. 24 октября того же года в «Алфавите протоколов Орловского Дворянского собрания под № 42 появляется запись о внесении в Дворянскую Родословную книгу Кромского помещика поручика В.О. Сас-Дунаевского <...>. Правда, возникли те же вопросы о документах из Киевского Дворянского собрания, что и у старшего брата. В своём прошении В.О. Дунаевский «изъяснил», что он происходит «от древней благородной фамилии Сас-Дунаевских», вписанных в 6-ю часть Дворянской Родословной книги Киевской губернии.

В.О. Дунаевский был внесён в 6-ю часть Родословной книги Орловской губернии вместе с сыном Николаем. До получения необходимых документов из Киева он записан в Книгу «по праву, приобретённому им в военной службе» (он дослужился до чина поручика). Из Протокола узнаём также, что Венедикт Осипович вышел в отставку 5 декабря 1827 года (Указ № 6756 подписан Великим князем Константином Павловичем). Из того же документа видно, что Венедикт Осипович в 1819 году служил в 5-м Карабинерском полку, а в 1820 году – портупей-юнкером.²⁴ 18 мая 1822 года за недоставление доказательств о дворянстве понижен в унтер-офицеры; уволен от службы тем же числом. После предоставления необходимых документов вновь был принят в службу с определением юнкером в Казанский Драгунский полк (1824). 24 февраля 1825 года произведён в корнеты, с определением в Сумской Гусарский полк; 3 июня 1827 года он получает чин поручика, а 10 ноября того же года увольняется от службы «по домашним обстоятельствам».

Хлопоты Венедикта Осиповича о внесении в Дворянскую Родословную книгу Орловской губернии, как мы знаем, увенчались успехом: в конце концов, имя его внесено во 2-ю часть Книги и в 1838 году он получает желанную Дворянскую грамоту. Умер В.О. Дунаевский в 1849 году²⁵ – об этом мы косвенно можем судить по Прощению Ф.О. Дунаевского о присвоении дворянского звания детям покойного брата.

Таким образом, все три брата В.П. Тургеневой согласно своим воинским званиям были внесены во 2-ю, «военную» часть Орловской Дворянской книги.

Окладная книга за 1851 год сообщает о семье покойного Венедикта Осиповича Дунаевского: сыновья Николай и Сергей, а также жена последнего Настасья Григорьевна – владельцы села Покровского, Сомова тож, с 92-мя крестьянами и 12-ю дворовыми людьми...

В.П. Тургенева умерла 16 ноября 1850 года, оставив Дунаевским по завещанию 900 рублей.

Старший сын Венедикта Осиповича Николай Венедиктович Сас-Дунаевский (иногда в «Памятных книжках Орловской губернии» писали: «Сазь-Дунаевский») имел девять детей²⁶: Ольгу (р. 1864), Веру (р. 1867), Надежду (р. 1869), Софью (р. 1871), Николая (р. 1873), Любовь (р. 1874), Анну (р. 1876) и Сергея (р. 1877). Все они жили в родовом поместье Сомовых селе Покровском (Сомове), расположенном в 75 верстах южнее Орла, у старой орловско-курской дороги вблизи речки Тросны. В селе каменная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В том же поместье жил и Сергей Венедиктович с женой Настасьей Григорьевной и тремя сыновьями – Владимиром (р. 1883), Сергеем (р. 1884) и Борисом (р. 1887). Покровское принадлежало им вплоть до 1918 года.²⁷

В 1893 году Николай Венедиктович избирается Гласным земства от 1-го Кромского избирательного участка. Этот пост он сохранял в 1894-95 годы. Но в 1895 году его именуют уже Надворным Советником. В 1906-1917 годы он является Заседателем Кромской дворянской опеки и Гласным земства. Его портрет этого времени можно видеть в «Спаско-Лутовиновской хронике» Н.М. Чернова. Однако исследователь ничего не сообщает об общественных обязанностях Н.В. Сас-Дунаевского. В другой книге Чернова опубликована ещё ценная фотография: «Семья Дунаевских. 1899 г.» На ней изображена пролётка, впряжённая в пару лошадей, и сидящий в экипаже помещик. Можно предположить, что это Сергей Венедиктович Сас-Дунаевский, имевший в Сомове завод рысистых лошадей: 10 жеребцов, 9 маток и 5 жеребят.²⁸

В 1870 году Сергей Венедиктович – поручик в отставке, Мировой посредник 3-го участка Кромского уезда, Гласный Думы.²⁹ В 1875 году он – член Общества охотничьего бега. В 1888-90 годах – Гласный Губернского земства от Кромского уезда, непреременный член Уездного присутствия по крестьянским делам, почётный мировой судья. В 1893 году – член Кромской Управы, «заступающий место председателя». Его именуют коллежским секретарём.

Что касается Николая Николаевича, внучатого племянника Варвары Петровны Тургеневой, то с 1904 по 1917 год он служил, дослу-

жился до чина полковника, был офицером-воспитателем Орловского Кадетского корпуса. Жил при Кадетском корпусе: офицерский флигель сохранился до наших дней. В 1899 году он женился на Марине Николаевне Н., от которой имел троих дочерей: Марианну (р. 1901), Марию (р. 1905) и Татьяну (р. 1909). Как сложилась их жизнь после Октябрьской революции – нам неизвестно.

Брат Николая – Сергей Николаевич, поручик, в 1904 году женился на Александре Алексеевне Н. Имел двоих детей: Александра (р. 1904) и Галину (р. 1906). В 1906 году дети обоих братьев были введены во 2-ю часть Орловской Дворянской книги.

В 1909-1911 годы мы застаём Владимира Сергеевича Дунаевского Земским начальником 2-го участка Кромского уезда, членом Совета Епархиального училища в Тросне, Высшего Начального училища в Кромах.

Однако после 1918 года судьба Владимира Сергеевича, равно как и судьба сыновей Сергея Венедиктовича, нам неизвестна. Но до этого времени все они были связаны с Кромским уездом, с селом Соновым.

Примечания

1. См.: Богданов Б. Спасское-Лутовиново. – Тула: Приокск. книжн. изд., 1977.

2. Левина Е.Н. Генерал 1812 года Н.И. Лавров // Спасский вестник, № 8, с. 96-110.

3. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева – Тула: Приокск. книжн. изд., 1977.

4. Чернов Н. «Тревожная осень 1818 года». Орловская правда, 23 февр. 1991; Спасско-Лутовиновская хроника. 1813–1883. Тула: ИПО «Лев Толстой», 1999; Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. Тула: ИПО «Лев Толстой», 2003; Катерина Лаврова – бабка И.С. Тургенева, её семья и домашние тайны // Спасский вестник, № 8. Тула, 2001; Четырнадцатое декабря у Тургеневых. Их тайные родственники – Дунаевские // Спасский вестник, № 13, 2006.

5. ГАОО, ф. 6, е.х. 1254, 76. См. примеч. 2.

6. Чернов Н.М. Спасское-Лутовиново и его обитатели // Спасский вестник, № 1, с. 40, 42, 45, 46.

7. ГАОО, ф. 101, е.х. 3153. «Исповедальные ведомости Борисоглебского собора».
8. ГАОО, ф. 6, е.х. 127. «Книга записи верующих писем». 1831 г., л.л. 73–74.
9. ГАОО, ф. 593, е.х. 384. «Реестры поземельного сбора за 1836 г. в 3-й части г. Орла».
10. ГАОО, ф. 68, е.х. 10. «Военное дворянство ...», е.х. 12, № 12, 1834–1837.
11. ГАОО, ф. 6, е.х. 2612. л. 120, № 308 л. 125, № 309.
12. ГАОО, ф. 68, е.х. 57, 1851 г., с. 73 об. – 74.
13. ГАОО, ф. 6, е.х. 2612, л. 120, № 308, л. 125, № 309. «Книги записей купчих крепостей».
14. ГАОО, ф. 6, е.х. 2614. «Книга записи верующих писем». 1831 г., л.1 и об. 1823 г.
15. ГАОО, ф. 6, е.х. 2611, л. 170 об. – 172, № 20. 1823.
16. Исторический вестник, 1884, № 2, с. 324–336.
17. ГАОО, ф. 68, е.х. 12, № п/п 12, 1834–1837 г.г.
18. ГАОО, ф. 6, е.х. 2554. «Книги записей купчих крепостей...».
19. Чернов Н.М. Четырнадцатое декабря у Тургеневых // Спасский вестник, № 13.
20. Алексей Петрович Ермолов (в письмах к бывшим своим адъютантам) // Русский архив, 1906, кн. 3. П. Баргнев, комментируя письма, называет Ф.О. Дунаевского управляющим.
- 21.. ГАОО, ф. 6, е.х. 3229. «Книги записей купчих...»
- 22 ГАОО, ф. 580. «Временный стол», е.х. 567.
23. ГАОО, ф. 580, стол 2, е.х. 961. «Канцелярия Орловского губернатора». Е.х. 567.
24. ГАОО, ф. 68, е.х. 17, с. 155–156 е.х. 18 и п/п № 18.
25. ГАОО, ф. 68, е.х. 23, «Протоколы Орловского Дворянского депутатского собрания».
26. ГАОО, «Алфавитный указатель дворянских родов Орловской губернии на 1900 г.»
27. Сведения приводятся по «Памятным книжкам Орловской губернии» с 1870 по 1917 г.г. ГАЛЛ, ф. 68, е.х. 52. 1901 г.
28. ГАОО, ф. 588, е.х. 244. «Окладная книга городской Думы». 1894 г.
29. Используются сведения из «Памятных книг Орловской губернии» за 1870–1917 г.г.

ТУРГЕНЕВ В ОРЛЕ

Глава из повести «Последнее лето»

В мыслях о скором свидании дорога до Мценска показалась ему короткой. Сцены будущей встречи с Марьей Гавриловной занимали воображение, рисовались с волнующей живостью. Он думал о том, где поселить гостью — и остановился на светлой и уютной комнате, отделенной коридором от покоев Полонских. К удивлению супругов и всего дома, он развил необыкновенную деятельность. Яков Петрович делал вид, что ничего особенного не происходит. Зато Жозефина Антоновна хмурилась. Хозяин Спасского не раз ловил её ревнивые взоры. Но до того ли ему было? Он даже попросил её съездить с ним в губернский город, чтобы присмотреть «мебель» и разные мелочи туалета «для комнаты госпожи Савиной».

Поезд шёл ни шатко-ни валко, лениво постукивая на стыках колесами, останавливаясь на полустанках. Наконец медленно подполз к станции. Пройдя почти безлюдный зал ожидания, приезжие очутились на площади, просторной и пустынной. Легкий ветер гонял по ней сухую пыль. От обилия света слепило глаза. Белое, недавно возведённое здание вокзала ажурной праздничностью своих очертаний напоминало о юге. Укатанная, вытянутая лентой улица вела в город. Морем зелени раскинулся он, насколько хватало глаз. Стоял послеполуденный час. В это время жизнь в городе замирала. Он погружался в сон. Можно было войти в дом и не встретить в передних комнатах ни одной живой души. Бери, что хочешь, и уходи. Кражи в городе случались довольно часто.

У въезда в город печальными крестами, кое-где возвышавшимися над каменной изгородью, обсаженной липами и клёнами, встретило приезжих Сергиевское кладбище. В просветах трепещущей под ветром листвы то открывались, то снова прятались бледно-жёлтые пятна церковных стен. Служба давно отошла. Перед крыльцом было пусто. И не верилось, что каких-нибудь три часа назад отсюда, крестясь, выходили люди; стояли, прося подаяние, нищие.

Миновав Московские ворота, извозчик придержал лошадей. Начиналась тряская мостовая, от подпрыгивания на которой не спасали даже резиновые шины пролетки. Пошли деревянные купеческие

и мещанские дома, густо украшенные деревянной резьбой. Её волшебное узорочье дышало сказочной древностью теремов и храмов Востока, и сами дома напоминали большие расписные пряники.

На площади рядом с храмом Крестовоздвижения лепились балаганы, оставшиеся от масленичных гуляний. То-то, должно быть, было шуму, крику! Пронзительными трелями оглашали воздух раскрашенные глиняные свистульки, как и прежде, почти тридцать лет назад, когда вынужденный жить в ссылке, он приезжал в город развеять деревенскую скуку. В памяти остались раздумявшиеся, полные радости молодые лица, счастливые детские глаза. На Рождество здесь по кругу катались на лошадях. Сани были застланы медвежьими полостями, коврами. Морды лошадей украшены синими и красными сетками. Всё, без сомнения, повторялось из года в год, хотя те дети давно вошли в совершенный возраст, а тогдашние взрослые успели состариться.

Проехали Ильинку, знаменитую своими многолюдными осенними базарами, а еще ранее наказаниями преступников, на которые собирался смотреть весь город.

Подальше, на берегу Оки, близ хлебной пристани, на Крещение купались в прорубях, на Масляную на ещё крепком льду сходились в кулачных боях.

По недавно отстроеному Мариинскому мосту экипаж переправился на левый берег Оки. Узорное литье мостовых перил бросало пёстрые тени на блестящий под солнцем булыжник.

Под сводами длинной каменной арки торговых рядов было безлюдно. Пахло известью, кожей, чем-то застарело-затхлым. Солнце лизало раскаленные камни мостовой. Пусто было и в лавке. На звук колокольчика минуты через две откуда-то из-за шкафа показался заспанный приказчик. Приглаживая смоченные квасом волосы, разделённые на прямой пробор, долго с удивлением смотрел на вошедших, не произнося ни слова. Где-то в глубине помещения скрипнула дверь. Показался хозяин.

– Что вам угодно? – спросил он.

Тургенев изложил ему свою надобность. Некоторые из вещей нашлись тут же. За прочими надо было ехать в другую часть города.

Миновав здание магистрата, бричка свернула к Александровскому мосту, названному так в честь Царя-Освободителя, которому оказалась уготована такая ужасная кончина. Мост был открыт лишь год назад и представлял, как и его Мариинский собрат, предмет гор-

дости горожан. Мягкая конструкция сооружения, точно висевшего в воздухе, вызывала всеобщее восхищение. Поодаль, влево, среди плотно застроенной береговой линии высилась величественная громада храма Михаила Архангела, повидавшего на своем веку царей и архиереев, провожавшего в поход ополченцев Крымской и Балканской войн. От моста вел довольно крутой подъем. Городовой в белой летней форме стоял возле будки у въезда на Болховскую. Здесь было тихо, чисто, благопристойно. Кондитерские, колбасные, булочные, галантерейные магазины занимали всю нижнюю линию зданий. Георгиевская церковь переглядывалась с холма с церковью Богоявления, самой древней и первой в Орле, заложенной на излучине Оки и Орлика.

Влево и выше от Георгиевской церкви за густыми садами пряталась улица, где некогда стоял дом, в котором, как значилось в записной книжке Варвары Петровны Тургеневой, «28 октября 1818 года в 12 часов утра» ему суждено было появиться на свет. Накануне этого дня сыпало лёгкой белой крупой. Со слабой счастливой улыбкой роженица попросила раздвинуть плотные ночные шторы. За окном всё было бело, чисто. Земля словно под манной небесной. В воздухе лёгкий туманец. И сквозь него редкие просверки солнца. Младенец здоров, кричит сердито, как генерал на смотре. В доме тепло, светло. Люди суетятся, лица радостные. Всё слава богу! Вот он, сыночек, милый, ласковый. Млеко материнским напитался – и уснул. Много ль этакому надо? Сердце так и прикипело сразу к тёплому живому комочку. «Господи, благодарю Тя в радости моей!» И на душе тихо, славно. А всё нет-нет да наползёт на эту радость тень какая-то тревожная. Шутка ли – новая жизнь в мир пришла! Что-то будет с этим человечком? Крестить надо. В приходскую нести. Не застудить бы – зима на дворе!

И проплыли в младенческом смутном сне недели, месяцы. Три года минуло, семья перебралась в деревню.

Что помнил он о месте своего рождения? В памяти остались клочки неясных видений: стены детской, какие-то лица, склонявшиеся над колыбелью, деревянная раскрашенная лошадка, широкий двор, поросший травой с желтыми головками; ломкий блеск воды где-то далеко под обрывом да раскинувшееся во все стороны ярко-синее небо. Дом с обширными владениями сгорел во время одного из пожаров. Город страдал от огня чуть ли не каждый год. Пламя вылизывало целые улицы, оставляя после себя пепелище да долго не

выветривавшийся запах гари. После пожаров город было не узнать. Огнями костров напоминал он становище.

В шестидесятые-семидесятые годы, благодаря стараниям властей, пожаров стало значительно меньше, и они уже не были такими опустошительными. Город отстраивался, хорошел. Усадебные дворянские и купеческие дома правильными рядами выстраивались по лицевой линии кварталов. Московская улица покрылась мощеной мостовой. Тротуары в центре были достаточно чисты и широки. Так же было и на Болховской и возле присутственных мест. В обширных кварталах нижней части со спокойным достоинством смотрели на свет обращенными к улице фасадами добротные осанистые дома с большими окнами. Резьба на них была русская, но сами дома принадлежали немецким поселенцам, селившимся в городе с Екатерининских времён. Чем дальше от центра, тем всё более пыльными и грязными становились улицы и переулки, неказистыми домишки. Но резьба, эта обязательная принадлежность русского дома, светилась и на них. И только ветхим, кое-как сколоченным хибаркам, почти вросшим в землю, было уж совсем не до красоты.

Днём и издали город представлял довольно весёлое зрелище зелёного моря садов и вольной растительности. Но вообще особой чистотой не отличался. С наступлением же сумерек, особенно осенней порой, вид и характер его разительно менялись. На окраинных улицах было темно, хоть глаз коли. Притаившиеся во тьме дома с закрытыми ставнями едва можно было различить. Мгла, безмолвие, нарушаемое лишь лаем собак, грязь наводили уныние на душу. Керосиновые фонари горели только на главных улицах: перед подъездом губернаторского дома, возле жилища полицмейстера и полицейской части. Чадными неверными огоньками обозначались магазины. Даже городской сад был едва освещен, представляя желанное место не столько для гуляющих, сколько для жуликов и всяких тёмных личностей.

В родном городе Тургеневу приходилось бывать нечасто, наездами, всё больше по какой-нибудь надобности. Знакомы были и дворянские подворья, и постоянные дворы, и появившиеся в пятидесятые годы гостиницы. Каких только названий не носили они! «Париж», «Рим», «Саратов», «Шумла»,¹ близ которой небезопасно было появляться даже днём. Летом подворья, постоянные дворы и гостиницы пустовали. Зато с Покрова начинались нашествия торгового люда. Съезжались купцы и крестьяне не только из окрестных

мест, но и из соседних губерний. По берегу Оки на версту с лишком раскидывались торговые ряды. Продавали и покупали мясо и рыбу. Пристань была завалена мешками с овсом, мукой и крупами. От овощей, знаменитых орловских яблок десятков сортов ломились прилавки. То и дело попадались «обжорки» – маленькие жаровни, на которых пеклись пироги с грибами и луком, с пылу с жару подавались ржаные блины с мясом, с икрой, сметками; готовилась саломата. Шум и гам не умолкали с утра до позднего вечера. Песни и крики подгулявших торговцев слышались и ночью.

Гостиница «Таттиен» на противоположном берегу реки принимала публику почище. С ней соперничали номера Красовского, принадлежавшие прежде купчихе Иордан. Переходя из рук в руки, меняя названия, заведение продолжало благоденствовать многие годы. У «Иордана», как запросто называли горожане гостиничные номера, Тургенев и снимал жилище в далёкие пятидесятые годы. Гостиница, устроенная на европейский лад, имела свои особенности. Оттого ли что дерево, из которого строился дом, не было достаточно сухо, по какой ли иной причине, только половицы стреляли с оглушительным треском, двери скрипели на разные голоса. Сильно пахло мастикой, что, по мнению хозяина и коридорных, очень помогало против неизменных жильцов всех русских подворий – клопов и блох. Перегородки между номерами были тонкими. Слышалось все, что делается у соседей. Из бильярдной доносились стук костяных шаров, восклицания игроков, переходившие иногда в громкие споры. Но местоположение гостиницы было самое выгодное. Вдоль по улице вверх и вниз тянулись лавки и магазины. Выше с конца 60-х разместилась редакция «Орловского Вестника» – одной из первых частных прогрессивных газет российской провинции. На её страницах появлялись отрывки из сочинений Тургенева. От гонораров автор отказывался. Это был его дар землякам. Как и всякому человеку, ему хотелось сделать что-нибудь хорошее для своего родного города. Любой знак просвещенной жизни в Орле радовал Ивана Сергеевича. Раза два или три он наносил визиты редактору. Принимали его с великим почтением.

Его появление в губернском городе не оставалось без внимания. Для одних он был богатый помещик, для других – знаменитый писатель. Почтительный шёпот сопровождал его в людных местах. Знакомые и незнакомые снимали шляпы, кланялись. Некоторые приветствовали в голос, величая по имени-отчеству. Чиновничест-

во же и губернская знать посматривали с опаской. «Нигилист, революционер, на плохом счету у правительства и вообще духа чуждого и непонятного». Опасались и острого пера. Припечатает – на всю Россию ославит.

Местное «общество», впрочем, было пёстрым. Чиновничество как сословие несвободное во всем следовало взглядам начальства. Государственные же люди держались умеренной середины. Зато необузданные помещики открыто выражали свое несогласие с новыми идеями. Вчерашние «дети» нередко переходили в стан «отцов». Рассказывали, что один бывший либерал, будучи высечен своими крепостными, резко поменял взгляды и в своей «Записке», поданной на самые верхи, предостерегал от последствий «не в срок дарованной свободы неподготовленным умам». Он прямо указывал на грядущие насилия над помещиками и кровавые бунты. О появившихся в городе в конце пятидесятых годов «нигилистах», братьях Карповых,² пошёл донос в Петербург. Дворяне Карповы слишком буквально следовали идеям «разумного эгоизма» и «стакана воды». В III Отделении собственной Его Величества канцелярии завелось «Дело о распространении в городе Орле между молодёжью и дамами нигилизма». На манифест Великой Реформы партия консерваторов откликнулась протестными письмами, осуждающими освобождение крестьян. В герценовском «Колоколе» дважды появлялись обличительные статьи о злоупотреблениях власти и беззакониях в губернии. Автор был неизвестен, но многие предполагали, что дело не обошлось без участия Тургенева.

В 60-е годы в Орле, по примеру Петербурга, открылись «швальни», то есть, швейные мастерские, наподобие тех, которые устраивала Вера Павловна из романа Чернышевского. В них не только шили и ремесленничали, пуская небольшой доход на поддержание бедных гимназистов, но и распространяли революционные сочинения, о чём, конечно, начальство в известность не ставилось.

К известию о появлении «швален» Тургенев отнёсся скептически. «Мне пишут из Петербурга, что там уже «швальни» прекратились, – отвечал он приятелю, сообщившему ему эту новость, – и барышни опять заглядываются на офицеров; то же будет и в Орле; в провинции старые моды всегда дольше держатся».

Со многими местными дворянами Тургенев был знаком, с некоторыми состоял в родстве и свойстве, приятельствовал же, в основном, с людьми из местной интеллигенции, но и тут, конечно, с разбором. Врача и «мценского помещика» Ивана Васильевича Павлова³ знал

еще с пятидесятих годов, со времени спасской ссылки. Приезжая в Орёл, не упускал возможности увидеться с ним. Было что вспомнить, о чём поговорить. В годы московского студенчества Павлов принадлежал к тому же кружку, что и Тургенев, был близок к Герцену, Грановскому. Случалась нужда и в его медицинской помощи. Однажды он повёз Тургенева к цыганке. Та нагадала ему, что он будет готов вступить в брак несколько раз, но так и не женится. Он посмеялся тогда такому странному предсказанию, но потом не однажды вспоминал о нём. В другой раз приятели посетили один таинственный дом, где обитал с матерью местный юродивый, странный и страшный человек, которого избрала своим «духовным учителем» жаждавшая «подвига» девушка, бросившая под ноги этому грязному и страшному чудовищу свою жизнь и честь. Странные формы принимает иногда жажда самопожертвования!

Не раз бывал Тургенев в доме у «старинного приятеля» Африкана Васильевича Сафонова.⁴ Экзотическое имя этого человека никак не вязалось с его щеголеватым обликом губернского льва.

Всё давалось ему легко: и служба в управе, и в губернском комитете по подготовке реформы, и стихи, и музыка. Он и рисовал недурно. Африкан Васильевич владел усадьбой на берегу Орлика. Там собирались любители музыки и изящной словесности. Впоследствии усадьбу Сафонова стали называть домом Калитиных. И, надо полагать, неспроста. Не там ли и являлись автору «Дворянского гнезда» прообразы его будущего романа?

Охотно заглядывал Тургенев к хозяину нотного-музыкального магазина господину Генчелю.⁵ Венедикт Флорианович садился за фортепьяно. Под его пальцами инструмент оживал. Торговые же дела шли ни шатко, ни валко. Большого умения наживать на любимом деле барыши он не проявлял. При этом оставался одной из самых уважаемых личностей в городе. Многие связывали его имя с образом Лемма, хотя внешнего сходства не было никакого. Лемм был суров, замкнут, почти уродлив и очень несчастен. Генчель лёгок в общении, строен, хорош собой и как будто не жаловался на жизнь. Загадочным образом рождаются легенды. Житейскому сознанию необходима опора на реальность. У творчества же свои законы. Образы возникают из живоносной рассеянной пыли, из наплывающей музыки, а не из целого куска породы, и, обретя очертания и краски, существуют уже сами по себе, вызывая толки и пересуды. Однако как нет дыма без огня, так нет и живоносной пыли из ничего.

Однообразие и бедность впечатлений – несчастье провинции. Кто как скрашивает этот недостаток. Одни тоскуют, спиваются, становятся чудаками. Другие и вовсе его не замечают, полагая, что иной жизни и нет на свете. Третьи находят себя и в этой тихой заводи, почти лишённой движения воды

Быт губернского города имел свои особенности, не всегда понятные жителю Почтамтской или Невского проспекта. Жителю столицы город казался сонным и скучным, но и на его пыльных улицах, за глухими заборами, за плотно закрывавшимися на ночь ставнями окон шла своя, скрытая от постороннего глаза жизнь.

Как и везде, были здесь дурные и хорошие представители человеческого рода, и люди так себе, что называется, «ни богу свечка, ни черту кочерга»; были свои праведники и свои юроды, злодеи и чудачки, люди, чей окоём не простирался далее забот домашнего хозяйства, и были энергичные натуры, жаждавшие деятельности; за иными занавесками и ставнями допоздна теплились свечи и керосиновые лампы: наивные мечтатели, сохранившие в провинциальной тиши чистоту сердца, беседовали с книгами. Просвещение соседствовало с невежеством, свет – с тьмой, как, впрочем, и везде. За внешней неторопливостью, полусонной размеренностью скрывались драмы, отливались удивительные судьбы, случались истории, переживавшие десятилетия, переходившие в предания. Являлись резкие неожиданные типы. Бесплодной, лишённой соли эту почву назвать было никак нельзя. Доморощенное причудливо сочеталось с новым, образуя свой неповторимый сплав. Дух коренной русской жизни чувствовался здесь сильнее, чем в столицах. Глубинные черты народного характера сказывались резче и безогляднее. Да и на кого было оглядываться?

Почти каждый раз после посещения родного города Тургенев возвращался с богатым уловом для своей писательской ухи. То вспыхнет в памяти светлый летний день, «красивый дом в одной из крайних улиц города О...», проступит легкий девичий силуэт за белой занавеской; то, оттеняя поэтический образ, резкими чертами обозначатся карикатурные фигуры губернских умников - заезжих нигилистов местных корней. Здесь встретят они эмансипе Кукшину, и вместе с ней окажутся на губернаторском балу, где соберётся цвет местного общества. Тон задавал губернатор, считавшийся либералом. Одних привечал как близких родственников, обнимая и похлопывая по плечу, другим едва кивал, третьим подавал только палец,

взглядывая через щёку. Здесь слышалась та французская речь, которую сами французы за родную не признают, но какой-нибудь побывавший в Париже паркетный щеголь, бойко выкликающий фигуры танцев, считает верхом совершенства.

За домом губернатора простиралась усадьба с обширным двором, службами, большим фруктовым угодьем, переходившим в густые заросли с едва расчищенными дорожками. Кроме членов губернаторского семейства и работников, здесь никто не бывал. Зато через дорожку был разбит сад для общественных гуляний. Сад с каждым годом разрастался, хорошел, становился густым и зелёным. Разбитый на крутом берегу Оки, он впитывал в себя восходящие потоки речного воздуха. Приятной прохладой даже в жаркие летние дни дышали его тенистые аллеи. Днём здесь всегда было тихо. Лишь иногда вместе с ветром с хлебной пристани долетали глухие обрывки голосов. У входа посетителей встречал деревянный летний театр. Широкие прямые аллеи открывали партерную часть. Боковые дорожки, петляя, уводили в укромные уголки, спускались к реке. Весело лепетали на солнце жемчужные струи фонтана. Беседки приглашали гуляющих белыми колоннами своих ротонд. По вечерам играла музыка военного оркестра. Красивые марши, увертюра из «Вильгельма Телля», уносящие душу в мир счастливых грёз мелодии Чайковского. Как хорошо было молодости мечтать здесь о счастье; старости – вспоминать минувшее! Птицы пели в ветвях, теплом дышал воздух; вереницы лёгких образов, тени будущих романов, проплывали перед взором. Как-то привиделся сидящий на краешке скамейки маленький несчастный человечек, бог знает, каким ветром занесенный в компанию заговорщиков, Сила Паклин из романа «Новь». Вспоминался домик жившей неподалеку старозаветной супружеской пары «переклиток»,⁶ Фимушки и Фомушки, ещё какие-то странные лица, «шатания» по городу с Павловым в поисках впечатлений.

Однажды в далекой молодости, испив чашу печали, но еще не расставшись с надеждами, бродил Тургенев приречными улицами над Орликом. Стояла тихая, теплая летняя ночь. Луна несла свой дозор над засыпающей землей. Вокруг лежали безмолвные сады. Затворившись ставнями, спали дома. Вдруг из окон одного из них послышались звуки музыки. «Мелодия росла, ширилась, лилась какой-то огненной рекой; вся томилась вдохновением, счастьем, красотой; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса...».

Так ли это было на самом деле или сердце в поэтическом восторге преобразило случайно услышанные звуки огнем вдохновения? Кто знает!

Нынешнее свидание с городом было коротким и быстрым, как кавалерийский наскок. Однако и теперь внимательный глаз замечал всё новое, малейшее изменение, говорившее о том, что и в его родном городе время не стоит на месте. На Болховской, явно гордясь собой, смотрел на прохожих большими венецианскими окнами новый трехэтажный дом. Фасад его был украшен густозелёным плющом. Стена другого дома обзавелась балконом узорного литья.

До вечернего поезда оставалось ещё довольно много времени. Вещи были погружены, заказы сделаны.

Тургенев осведомился у г-жи Полонской, не устала ли она, и предложил проехать ещё немного.

– О, с удовольствием! – отвечала она, взглянув при этом на своего спутника. Лицо его светилось каким-то особенным светом, смывшим тени забот. Голос потеплел. Что-то происходило в его душе, ведомое только ему одному.

Он попросил извозчика трогаться.

Улица круто шла вверх. Взобравшись на гору, в недоумении останавливалась перед огромной и пустынной площадью, служившей плацем для воспитанников Кадетского корпуса, вытянутой подковой замыкавшего открытое пространство. Оттуда доносились звуки флейты и барабана. Начинались вечерние учения. Дымное серое небо простиралось над площадью. Широкая лимонно-жёлтая полоса пробивалась сквозь сумрак облаков. Дальше уже было поле. Направо от того места, где остановилась коляска, белело длинное здание присутственных мест и губернаторского дома. Возвышаясь над двухэтажными зданиями, блестели в закатных лучах солнца золоченые купола Собора Петра и Павла. Дальше пролежала Большая Болховская дорога. Сколько раз прежде до открытия железнодорожного сообщения въезжал Тургенев по ней в город! Колеса брички катили по толстому слою мягкой пыли. Мимо проплывали лачужки Костомаровской слободы, стены острога, руины театра графа Каменского.⁷ От отца он наслушался о том, каким был этот храм муз в недавнем прошлом. В дни спектаклей театр по всему периметру освещался разноцветными масляными плашками, офицеры и солдаты местного гарнизона смотрели за порядком, а владелец театра самолично садился за кассу, продавал билеты с разбором, не каждо-

му. Горожане говорили о графе как о чуде, кто, посмеиваясь, кто и со страхом. О чудесах сцены, где били фонтаны, ходили подъемные машины, слагались легенды. А как играли крепостные актеры! И то сказать: попробуй сыграть плохо. О, эти розы подневольного искусства с их пьянящим ароматом и болью от уколов шипов!

По дороге на вокзал коляска взяла немного в сторону. Там в зелени сада недалеко от дороги располагался тот самый «дом бедных», миновать который было никак нельзя, не сделав вспоможения.

Иногда Тургенев спрашивал себя: случайно ли место нашего рождения или в этом есть свой тайный смысл? Что было бы, появись он на свет в ином месте, в иное время?

Но теперь он не думал об этом. Давнее томление любви, молодых надежд припомнилось ему, вспыхнуло, быть может, последним огнём.

Примечания

1. «Шумла» – название гостиницы происходит от наименования турецкой крепости в Болгарии, из которой в 1774 г. фельдмаршал М. Ф. Каменский выманил турецкие войска и разгромил их, в результате чего был заключён выгодный для России Кучук-Кайнарджийский мир, о чём И. С. Тургенев, несомненно, знал. Помнили об этом и в Орле, т. к. орловские рекруты участвовали, как в этой, так и во всех других русско-турецких войнах.

2. ... братья Карповы... – Аркадий (ум. 1864) и Николай (1823-1873) Дмитриевичи Карповы, столбовые дворяне Орловской губ. Либералы, участники Комитета по подготовке крестьянской реформы 1861 года.

3. Павлов Иван Васильевич (1823-1904) – врач, писатель, критик, автор статьи о романе И. С. Тургенева «Накануне». Постоянный сотрудник журнала «Московский Вестник».

4. Сафонов Африкан Васильевич (173?-1886) – чиновник, активный деятель Орловского Комитета по подготовке Реформы 1861г. Впоследствии статский советник. Некоторые черты характера А.В. Сафонова напоминают Владимира Паншина из романа «Дворянское гнездо».

5. Генчель Венедикт Флорианович (18??-1886) – владелец нотного и музыкального магазина в Орле. С 1870 года председатель Орловского отделения Всероссийского музыкального общества. С 1873г. руководитель «музыкальных классов» в Орле.

6. ... переклитки... – старозаветная супружеская чета из романа И.С. Тургенева «Новь», названная так по роду попугайчиков, почти не отличимых друг от друга.

7. Каменский Сергей Михайлович (1771–1835) – граф, генерал от инфантерии. Сын фельдмаршала М.Ф. Каменского. Участник русско-турецких кампаний. С 1810 г. в отставке. Владелец крепостного театра в Орле. Характер графа и нравы крепостного театра С.М. Каменского изображены в повести А.И. Герцена «Сорока-воровка» и в повести Н.С. Лескова «Тупейный художник». Современные исследователи выдвигают на первый план положительные качества семьи Каменских, их заслуги перед отечеством на военном поприще и в области театрального искусства.

II

Научные исследования и сообщения

П. Соколов.
Карета в пути. 1903

**ИЗВЕСТНЫЙ «НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗ»
И. С. ТУРГЕНЕВА ИЗ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»
(К вопросу о первоначальном заглавии рассказа
«Чертопханов и Недолюскин»)**

Как известно, знакомый современному читателю состав рассказов, вошедших в «Записки охотника», сложился не сразу: цикл, задуманный в начале 40-х годов XIX века, впервые вышел в свет отдельным изданием только в 1852 году, а свою окончательную форму обрел лишь к 1874 году. В ходе многолетней работы первоначальный замысел «Записок охотника» претерпел существенные изменения. Достаточно упомянуть о том, что количество составляющих цикл рассказов за это время увеличилось вдвое (с 12 до 25).

Восстановить — более или менее подробно — непростую историю «складывания» книги помогают так называемые программы «Записок охотника», сохранившиеся в черновых рукописях ряда рассказов. Их обследование дает возможность проследить, как варьировался состав цикла, как менялись названия отдельных рассказов, а также позволяет выявить замыслы рассказов, оставшихся неосуществленными.

По свидетельству самого Тургенева, неоднократно зафиксированному в его переписке и в воспоминаниях современников, писателем «было заготовлено много рассказов для “Записок охотника”, которые так и не попали в печать».¹ Сопоставление данных подготовительных программ и разрозненных свидетельств о ненаписанных рассказах, предназначавшихся для «Записок охотника», проливает свет на содержание большей части неосуществленных замыслов, подробный перечень которых был опубликован в качестве Приложения II к «Запискам охотника» в Полном собрании сочинений и писем Тургенева.² Однако, как видно из этого перечня, содержание ряда рассказов так и осталось неизвестным исследователям.

Особо в этой связи следует остановиться на «загадочном» заглавии «Пом<ещик> Ив<ан> Бессонный», которое значится под № 11 в так называемой Программе I, набросанной на полях первого листа чернового автографа рассказа «Бурмистр». Заметим, что Программа I

является самой ранней из дошедших до нас программ «Записок охотника» и потому особенно интересна.

Анализ программы показывает, что на момент ее составления замысел «Записок охотника» как целостного произведения уже окончательно сложился и обрел довольно четкие очертания. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что первоначально Тургенев представлял себе весь цикл состоящим из двенадцати рассказов и планировал завершить его в течение одного (1847) года. Из двенадцати рассказов, составивших Программу I, девять, — среди которых «Хорь и Калиныч» (значащийся в программе под № 1), «Ермолай и мельничиха» (№ 2), «Мой сосед Радилов» (№ 3), «Одноворец Овсяников» (№ 4), «Льгов» (№ 5), «Бурмистр» (№ 6), «Уездный лекарь» (№ 7, обозначенный в программе под своим первоначальным заглавием «Бедное семейство»), «Контора» (№ 9), «Лес и степь» (№ 12), — были доведены до конца и впоследствии включены Тургеневым в первое отдельное издание «Записок охотника», вышедшее в 1852 году. Замысел рассказа «Помещик из немцев» (№ 8), как известно, претерпел значительные изменения, в ходе которых сначала менялось название рассказа («Русский немец»), а затем произошло его объединение с замыслом рассказа «Реформатор», но и в обновленном виде рассказу суждено было остаться лишь в черновиках.

О дальнейшей судьбе оставшихся двух рассказов из Программы I под номерами 10 («Человек екатерининского времени») и 11 («Помещик Иван Бессонный») остается только строить предположения, поскольку никаких черновых набросков к ним не сохранилось. Так, в настоящее время в тургеневедении укрепилась точка зрения, согласно которой замысел рассказа «Человек екатерининского времени» имеет генетическую связь с более поздним рассказом «Бригадир» (1868).³ Однако до сих пор это предположение остается гипотетическим.

Возвращаясь к замыслу рассказа «Помещик Иван Бессонный», отметим, что, помимо Программы I, он фигурирует и в Программе III под сокращением «П. И. Б.». М. К. Клеман связывал его с замыслом рассказа «Реформатор», который впервые появляется в Программе V. Руководствуясь свидетельством Н. А. Островской о содержании этого рассказа, М. К. Клеман предположил, что «характеристика одного из помещиков уполномочивает, как кажется, отождествить «Реформатора» с более ранним замыслом «Помещик Иван Бессонный»». Эту догадку, по его мнению, подтверждало то обстоятельство, что замысел очерка

«Реформатор» появляется в программах одновременно с исчезновением из них «Помещика Ивана Бессонного».⁴ Однако после обнаружения сохранившегося автографа рассказа «Реформатор и русский немец», оставшегося неизвестным М. К. Клеману, предположение исследователя было снято с повестки дня.⁵ Сущность же замысла «Помещика Ивана Бессонного» так и осталась непроясненной.

Между тем обращает на себя внимание замысел рассказа под номером 19 в Программе V (набросанной на полях «Уездного лекаря»), где впервые появляется заглавие «Помещик Чертапханов <так!> и дворянин Недопюскин» (впоследствии измененное, очевидно, в ходе цензурного прохождения рассказа на: «Чертопханов и Недопюскин»). Запись подверглась значительным изменениям, последовательность которых восстановить крайне затруднительно, и имеет следующий вид:

пюскин
Недо
Дворянин
Помещик и
19. [Иван Иванович] [Пом<ещик>]
[Дворянин] Чертапханов

Сначала Тургенев, по всей видимости, под номером 19 записал «Иван Иванович», затем зачеркнул, написал рядом: «Пом<ещик>» и снова зачеркнул. Возможно, к зачеркнутому слову «Пом<ещик>» относится приписанный снизу «Чертапханов», тогда второй вариант следует читать: «Пом<ещик> Чертапханов» (в пользу этого предположения говорит также то обстоятельство, что Л. 1 черновой редакции помечен инициалами «П<омещик> Ч<ертапханов>», л. 2 — «Продолжение Пом<ещика> Черт<апханова> и Дв<орянина> Нед<опюскина>»)⁶ Далее, вероятно, под зачеркнутыми словами «Иван Иванович» было вписано: «Дворянин», снова зачеркнуто⁷ и вписано сверху над ними же: «Помещик»,⁸ в результате читаем: «Помещик Чертапханов». Впоследствии лесенкой было приписано: «и Дворянин Недопюскин». Окончательный вариант, который обнаруживается в черновом и беловом автографах: «Помещик Чертапханов и Дворянин Недопюскин».⁹

Особый интерес вызывает первоначальный слой записи: «Иван Иванович», который выделяется в академическом издании в ка-

честве самостоятельного неосуществленного замысла.¹⁰ По поводу возможного содержания рассказа «Иван Иванович» было высказано несколько гипотез, ни одна из которых не получила дальнейшего развития. А. П. Могиланский выдвинул два предположения, согласно которым название «Иван Иванович» могло быть:

1) первоначальным названием будущего рассказа «Чертопханов и Недопюскин»;

2) вариантом заглавия «Помещик Иван Бессонный», зафиксированного в предыдущих программах (Программы I и III).¹¹

А. Л. Гришунин предположил также, что замысел «Иван Иванович» мог быть связан с личностью Ивана Ивановича Лутовинова и был частично реализован в рассказе «Бежин луг».¹²

Выстраиваемая при этом последовательность: «Помещик Иван Бессонный» — «Иван Иванович» — «Помещик Чертапханов и Дворянин Недопюскин» — не возникала даже на уровне гипотезы. В то же время имеются веские основания предполагать, что завершённый Тургеневым в 1849 году и появившийся в февральской книжке «Современника» рассказ из «Записок охотника» под названием «Чертопханов и Недопюскин» непосредственно связан с первоначальным замыслом «Помещик Иван Бессонный».

Веским аргументом в пользу данного предположения являются результаты краеведческих разысканий об одном из возможных прототипов героя рассказа — Пантелея Еремеича Чертопханова. По предположению, высказанному В. А. Новиковым, Тургенев «списал» своего героя с соседа по имени — Александра Афанасьевича Бессонова.¹³ Согласно В. А. Новикову, «Бессоново писатель не выдумал. Оно находилось в двух верстах от села Тургенево, на холме, с левой стороны Снежеди. Сельцо это больше было известно под названием Васильевского. Именовали его и Бессоново, по фамилии владельцев».¹⁴ Как и герой тургеневского рассказа, служивший весьма недолгое время в армии и вышедший в отставку «по неприятности», тем чином, по поводу которого распространилось мнение, будто курица не птица,¹⁵ А. А. Бессонов был «уволен от службы по домашним обстоятельствам» в чине прапорщика. Увольнению его, однако, предшествовала «неприятность», вследствие которой за клевету на офицера своей части и какую-то дикую выходку он находился под следствием «с выдержкой на гауптвахте». Уйдя в отставку, Бессонов поселился в маленьком имении отца, однако положение его было настолько незавидное, что в 1842 году он предлагал продать полови-

ну своего имени В. П. Тургеневой, о чем та сообщала сыну в письме от 25, 27 июля 1842 года.¹⁶ Владелец Бессонова (или Бессоновки), как и тургеневский герой, был наделен «сумасбродной отвагой» и «буйным характером». О том, что характером и поведением он мог напоминать Пантелея Еремеича Чертопханова, слышшего в тургеневском рассказе «во всем околотке человеком опасным и сумасбродным, гордецом и забиякой первой руки»,¹⁷ говорит, например, один архивный документ начала 1844 года. Накануне дворянских выборов Н. Н. Тургенев (дядя писателя), бывший в ту пору предводителем дворянства по Чернскому уезду, представил губернскому представителю списки дворян, находившихся под судом и следствием. Среди них обнаруживается и имя А. А. Бессонова, который, как выясняется, привлекался уездным земским судом за буйство в пьяном виде в усадьбе своего соседа Черемисинова и за то, что отнял у работника чернского мещанина Петра Ситникова лошадь.¹⁸

Одно из наиболее ярких свидетельств содержится также в письме В. П. Тургеневой к сыну от 9 августа 1841 года, в котором она писала: «Милый друг Ванюшка, я здорова. Но! Только не очень довольна. 6-го числа я причащалась и была обеспокоена пьяным дворником Борзенковым, который приехал или пришел пешком меня поздравить... и... и... Его хотели вывезть, он дрался. Меня перепугал... скверно, скверно. Этого бы не было. Но! Дядя вспомнил, что Похвиснев говорил... и это пришло ему в голову — и дядя позволил себе боле, чем бы позволил без этого — будучи предводитель, он толкнул Бессонова, тот полетел — я обмерла, он вскочил и бросился на дядю... Скандилезно!.. в благородном доме, в праздник, в день моего причащения, были гости, Протасов с женою. Дядя опомнился и целый день был как потерянный».¹⁹

Предположение о том, что заглавие «Помещик Иван Бессонный», впервые зафиксированное в Программе I, было первоначальным вариантом названия рассказа, который известен сейчас как «Чертопханов и Недопюскин», подкрепляется еще и тем, что в окончательном тексте рассказа деревня Чертопханова носит название «Бессоново». Это, без сомнения, недосмотр Тургенева, пропустившего название деревни из чернового автографа.

Таким образом, следует, по-видимому, отождествить заглавие «Иван Иванович», впервые встречающее в Программе V, с замыслом рассказа «Помещик Иван Бессонный», зафиксированным в более ранних Программах I и III. Имеются также основания утверж-

дать, что «Помещик Иван Бессонный» является первоначальным вариантом заглавия рассказа, известного в окончательном тексте «Записок охотника» под названием «Чертопханов и Недопюскин». Все вышесказанное позволяет говорить о том, что замысел рассказа «Чертопханов и Недопюскин» входил в состав тех двенадцати сюжетов, которые должны были, по изначальному плану Тургенева, составить цикл «Записок охотника» и которые писатель намеревался завершить в течение 1847 года.²⁰

Примечания

1. Островская Н. А. Из «Воспоминаний об И. С. Тургеневе» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 73. Ср. в письме к Я. П. Полонскому от 25 января (6 февраля) 1874 года: «Всех их <рассказов из “Записок охотника”. — В. Л. > напечатано двадцать два; но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что их цензура не пропустит; другие — потому, что показались мне не довольно интересными или “не идущими к делу”» (Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2002. Т. 13. С. 12–13. Далее цитируем по этому изданию).

2. См.: Приложение II. Неосуществленные замыслы рассказов, предназначавшихся для «Записок охотника» // Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 385–396.

3. Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 386.

4. Клеман М. К. Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1941. Т. 76. Серия филологических наук. Вып. 11. С. 94, 120–121.

5. См.: Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 388–389.

6. ОР РНБ. Ф. 795 (Архив И. С. Тургенева). № 10.

7. Появление слова «Дворянин» на одном уровне с фамилией «Чертапханов» вряд ли следует считать промежуточным вариантом заглавия: «Дворянин Чертапханов». Этот вариант был предложен М. К. Клеманом как написанный вместо зачеркнутого первоначально: а. Иван Иванович; б. Пом<ещик> (Клеман М. К. Программы «Записок охотника». С. 103). Здесь могло отразиться колебание в порядке: «Дворянин Недопюскин и Помещик Чертапханов» или «Помещик Чертапханов и Дворянин Недопюскин».

8. Возможно, сначала было вписано слово «Помещик», и тогда следующий вариант заглавия следует читать: «Помещик Иван Иванович», а уже впоследствии этот вариант был отвергнут.

9. Ср.: Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 504: а. Иван Иванович; б. Помещик; в. Дворянин Чертапханов; г. Помещик Чертапханов <и> дворянин Недоплюскин.

10. См.: Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 386.

11. Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 386. Впервые: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1963. Т. 4. С. 476. Далее ссылки на это издание: Тургенев (1), с указанием тома и страницы.

12. См.: Тургенев (1). Сочинения. Т. 4. С. 555; повторено: Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 466; Тургенев И. С. Записки охотника (Серия «Литературные памятники»). М., 1991 С. 611–612.

13. Новиков В. За строками «Записок охотника» // Литературная Россия. 1976. № 33. 13 августа. См. также главу «Мелкопоместные соседи» в книге: Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае. Тула, 1990. С. 114–119.

14. Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае. С. 115.

15. Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 277.

16. «После обеда с дядей, — писала В. П. Тургенева Ивану Сергеевичу, — в Тургеневае обедал Бессонов, который нам продает половину своей части, другая же <часть?> будет продаваться с аукциону за долги, и хотя я чрезвычайно бы хотела иметь бессоновское имение в Тургеневае, <...> мысль, что помещик принужден был продать богатым людям, как будто будучи притесняем предводителем, мне неприятная» (ОР РНБ. Ф. 795 (Архив И. С. Тургенева). № 95. Л. 11).

17. Тургенев. Сочинения. Т. 3. С. 277.

18. Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае. С. 116.

19. ОР РНБ. Ф. 795 (Архив И. С. Тургенева). № 94. Л. 17.

20. Согласно первоначальному слою Программы I, «Помещик Иван Бессонный» предназначался Тургеньевым для двенадцатого номера «Современника» за 1847 год, вместе с рассказами «Контора», «Человек екатерининского времени» и «Лес и степь».

«ДВОЕМИРИЕ» В РЕАЛИЗМЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И П. МЕРИМЕ

Предметом статьи является проблема «двоемирия» в фантастических произведениях И.С.Тургенева и П. Мериме. Внимание писателей к ирреальному, непостижимому – благоприятный материал для фантастики. По словам Г.Б. Курляндской, «двоемирие» реалистов и «двоемирие» «чистых» романтиков различны по характеру изображения. «Двоемирие» у Тургенева состоит из идеального, метафизического, божественного мира, заданного извне, и мира конкретно- чувственного, реально-эмоционального как вовне, так и в самом человеке, а у Мериме – только в самом человеке. Иными словами, реалистическое «двоемирие» выражается в двух состояниях – идеально- метафизическом во Вселенной и конкретно-чувственном в человеке. Так, «двоемирие» у Тургенева существует объективно внутри и во вне личности, а у Мериме – только во внутреннем мире. Фантастические произведения у реалистов – это «двуплановые» произведения. Первый, бытовой план, отражая реальность, участвует в исследовании действительности, усиливая своим присутствием второй, духовный план в их совместном познании инобытийного мира, ирреальных вселенских сил. При наличии второго, духовного плана, создавая двуплановость, конкретно-реальный, бытовой план усиливает познавательную функцию «двоемирия». Писатели-романтики, не имея в своих произведениях первого, реального плана, не создают системы «двуплановости». Их фантастические произведения не обладают познавательной функцией, им остается лишь изобразительность. А у реалистов функция познания аккумулируется в первом, конкретно-бытовом плане, который, активируясь, придает «двуплановости», а через нее всему реалистическому «двоемирию» исследовательский характер.

Именно земное, реальное стимулирует конкретно второй, духовный план в его проникновении в метафизический космос, провоцируя сближение с ирреальными силами. Такое реальное – бытовое усиливает второй, духовный план в его познании Вселенной, небесных космических сил. Это подвигает человека в его стремлении снова вернуться на небо, в «райские кущи», где он, согласно древним

мифам и религиозным легендам, был когда-то и откуда за грехи был сброшен на землю, где душа, отделившись от тела, и создала прецедент смерти человека в этом мире. А душа вернулась на небо, в другой мир. Таким образом, функция реально-бытового плана включает в себе отдаленный, божественный смысл: стремление человека не только вернуться на небо, но и снова воссоединить душу с телом, создать единую одухотворенную силу, снова стать частицей вселенского, духовно-обожествленного мира.

Панорама, полная глубочайшего внутреннего смысла, открывается первым, конкретно-бытовым планом, а с ним и всей «двуплановой» атрибутикой реалистов, нацеленной на познание человека, Вселенной. Таков исследовательский пафос реалистического «двомирия». В «двуплановых» фантастических произведениях реалистов змея, обвивающая чашу, представляет эмблему не только медицины, но и вообще «тайных» человеческих знаний с древнейших времен, конечным итогом которых является стремление человека вернуться на небо, материализовав душу и одухотворив тело, обрести себя в едином и бесконечном – в бессмертии души.

Мотив глубоко ускоренной, вселенски космической тайны характерен для обоих художников – Тургенева и Мериме. Об этом пишет исследователь И.В.Карташова, говоря «об их исходных воззрениях на искусство»¹, находя у них «отдельные близкие мотивы в их произведениях». В частности, она отмечает удивительное сходство сюжетно-фабульных и образных мотивов в некоторых их повестях и новеллах, когда «мотив тайны и совпадений, пронизывающий оба произведения, разрешается лишь в самом конце, придавая таким образом их сюжету драматическую остроту и напряженность»².

Романтическое «двомирие», при отсутствии «двуплановости», телесно помещает самих писателей-романтиков в реальном мире, а их идеи, творчество, героев – в мире инобытийном, управляя ими посредством космических, ирреальных сил. Романтическая борьба с земным опосредована, реального плана нет, земное только подражает. Однако, не будь его даже в помыслах, все у романтиков замерло бы, стояло на месте, тогда как все у них в движении, в диалектике, а диалектика – это борьба противоположностей, источник движения. Значит, противоположное инобытийному есть земное, в помыслах у романтиков все это осознается на уровне интуиции.

Фантастическое у писателей-реалистов связано с романтическим типом творчества, а тип творчества зависит еще и от психологичес-

кого склада личности, от эпохи. На перемене времен в литературе переоценивается, обновляясь, творческое, личностное романтическое начало. И Тургенев обращается к духовным ценностям, созданным романтиками. Однако хотя тип его творчества и романтический, художественный метод писателя остается реалистическим.

«Двоемирие» в фантастических произведениях Тургенева помогает полнее раскрывать сущность человека, так как конкретные обстоятельства не дают возможности проникнуть во внутренний космос личности. Поскольку объективная действительность – внешнее проявление жизни Вселенной – недоступна до конца, герои фантастических произведений Тургенева чувствуют себя существами трагическими, обреченными на непознаваемость иррациональных сил, отвечающих агрессией на попытки проникнуть в их тайны.

В «двоемирии» у Мериме действительность расширяется до космических масштабов, объясняя все в человеке неуправляемостью инстинктов из-за их неосознаваемости. Реально-бытовой план служит фоном, позволяющим неоднозначно интерпретировать неведомые, иррациональные силы, необъяснимые явления. «Двоемирие» Тургенева допускает многозначное толкование «таинственного», за признанием неведомых сил стоит рациональное объяснение загадочных явлений. В одних фантастических произведениях отсутствие повествователя, как у Тургенева, означает некую недоговоренность. В других, как у Мериме, – стремление выразить себя более отчетливо. А именно, будучи на реалистических позициях, глубоко проникать в жизнь, используя в качестве романтического средства фантастику, и в то же время отрицать всякую мистику. Иными словами, наличие повествователя дает возможность в реалистическом методе с его романтической устремленностью в будущее полнее проявиться фантастике.

Ирреальный мир в фантастических произведениях Тургенева, являясь своего рода повторением отдельных моментов реального мира, выступает в качестве стимулятора, в одно и то же время отрицающего реальность и утверждающего ее на новом витке повторения. Г.Б.Курляндская считает, что проблему идеала и действительности Тургенев решал всегда с реалистических позиций, используя идейно-художественные достижения романтического искусства в изображении идейно-эмоционального, реального мира героев в фантастических произведениях. Связь Тургенева с романтическим искусством сказалась не только в идеализации «высоких» душевных

порывов нравственных идеалистов, но и в несомненном интересе к мятежным стихиям страсти, которые представлялись ему «роковыми» и «темными». «Чудесное» в «таинственных» произведениях, по мнению Курляндской, выступает фантастикой. Сущность и сфера «чудесного» побуждает Тургенева к рациональному осмыслению этой сферы. Писатель ощущает зависимость внешнего и внутреннего мира человека от недобрых, роковых сил, неподвластных человеческому разуму, что можно изобразить только фантастикой. Обращаясь к непознанному в своих фантастических произведениях, Тургенев и Мериме выражают воздействие иррациональных, инобытийных сил на психику человека, оказавшегося на пороге неизвестного. Типологическая близость «таинственных» повестей Тургенева фантастическим новеллам Мериме демонстрирует переключение художественного внимания писателя с мира внешнего на мир внутренний, в проникновение и описание психологической обстановки в самом человеке. Авторские комментарии обнаруживаются при переходе от обыденных вопросов к вопросам глобальным, духовно-вселенским. «Двоемирие» писателей-реалистов показывает бессилие личности перед наследственно присущими ей качествами характера и психики. Фантастика у Мериме и Тургенева возникает в результате наблюдения за ирреальным миром и не всегда объяснима реалистически как в тургеневских произведениях, так и в новеллах французского писателя.

Именно непознанное, необходимость определить место человека во вселенской, космической жизни вызывают обращение к фантастическому. Писатели выбирают такие состояния человека, когда он находится между бодрствованием и сном, когда границы яви сливаются со сновидческими границами, что позволяет говорить о связи реального и ирреального. Бытовой план дает писателям-реалистам возможность исследовать объективные закономерности действительности в таких произведениях, как «Призраки» и «Сон» Тургенева, «Локис» Мериме, второй, духовный план подчеркивает мысль о зависимости и подчинении человека законам неведомых сил, существующих в природе.

На Международной Тургеневской конференции, посвященной 180-летию писателя, исследователь А.Н.Иезуитов называет тенденцию обогащения реализма романтическими элементами, в том числе и таким эффективным средством, как фантастика, «философией взаимодействия», когда естественное и сверхъестественное в

самом человеке необъяснимы с точки зрения материалистической философии и могут быть объяснены только через взаимодействие материального и духовного. Субъективное начало одухотворяет материальное и одновременно испытывает его воздействие, являясь отображением взаимовлияния духовного и материального в самом человеке. По мнению Иезуитова, в своих фантастических произведениях Тургенев изображает новых героев нового времени именно со стороны такого взаимопроникновения материального и духовного. В этом случае исследователь выступает как реалист, не берущий в расчет существование Неведомого.³

На той же Международной Тургеневской конференции исследователь Л.Д.Бугаева в своем докладе «Модальная перспектива поздних повестей Тургенева» говорит: «Когда мир произведения сигнализирует о двойственности или неоднозначности референциального статуса – реальность и (или) ирреальность – и как следствие двойственности и неоднозначности существования в воображаемом мире произведения, становится необходимым подход, отличный от подхода, принятого по отношению к текстам, основанным исключительно на реалистических или на фантастических мотивировках. Психологический процесс, пробуждая некий иной тип понимания, приводит к тому, что динамика вещей наделяет объекты «одушевленностью» и «неодушевленностью» и начинает полную внутреннюю форму жизни».⁴

«Романтические тенденции в реализме Тургенева во многом определяются способностью его сочетания социально-исторического, морально-этического плана с планом вселенским»⁵. Исследователи выделяют мысль о том, что Тургенев сопрягает конкретно-историческое содержание с универсальным, метафизическим. И Мериме, и Тургенев объединяют устремления к вселенским и общечеловеческим категориям, желание уловить отблески высшей реальности в динамичной действительности. Реалисты хотят найти опору человеку, какие-то абсолютные законы в драматических внутренних конфликтах. Однако, по словам Курляндской, русские писатели не сводят «тайну» человеческой личности к физиологии. Подобно романтикам Тургенев выходит за пределы конкретно-чувственного восприятия, опираясь на свой внутренний духовный опыт. А.И.Батюто отмечает такую особенность реалистического «двоемирия» Тургенева: «Эта скоротечная ... истина неизбежно грешила бы известным эмпирическим, не обладай Тургенев, даже при его

огромном изобразительном таланте и человеколюбии, глубоко философским мышлением, неизменно включавшем как будто обычные социальные и психологические явления своей эпохи в вечный поток мировой жизни». ⁶ Г.Я. Бялый пишет об этом следующее: «С точки зрения Тургенева человек живет не только в сфере общественных отношений; он находится также под властью внеисторических, вечных стихий универсальной жизни». ⁷ В.М.Маркович ставит перед собой в исследовании творчества Тургенева задачу «изучения соотношения и связи универсально-философского начала с другими элементами реалистического изображения действительности». ⁸

Злободневные события, социально-отточенные характеры и конфликты в произведениях Тургенева поставлены перед миром вечности. И Тургенев, и Мериме рассматривают вопросы человеческого бытия сквозь временное и конечное, укрупняя характеры героев и выводя проблематику произведений за пределы времени. «Двоемирие» у Тургенева проявляется в двух формах: во-первых, в активно романтическом возвышении над суетным и преходящим, в экстатическом слиянии с гармонически прекрасным как сущностью вселенской жизни, когда герой фантастических произведений приобщается к инобытийному. Соотнесенность человека и иррациональных сил как мирового целого проявляет себя настроениями мировой скорби, когда человек, сознающий в себе непреходящую духовность, противостоит слепорожденной природе, лишенной личностного начала.

Сохраняя признаки героя как факт обусловленности такими внешними обстоятельствами, Тургенев существенно меняет угол зрения, точку изображения. Если раньше писатель ориентировал, прежде всего, на восприятие общественно-социального лица своего героя и соответственно ставил акценты на социальных параметрах образа, то в «таинственных повестях» он сокращает их до количества, объясняющего психологическое своеобразие персонажа. А всю силу фантастики нацеливает на устремленность к исследованию той или иной «тайны» во внутреннем мире человека, во взаимоотношении людей и природы. Таким образом, «двоемирие» у Тургенева выражает главную зависимость человека от Вселенной, ее идеально-метафизических законов, ирреальных, высших божественных сил. Бытовой план создает впечатление реальности, правдоподобия, как и в фантастических новеллах Мериме. Отличительная черта «двоемирия» Мериме заключается в изображении сильных страстей в исключительных характерах и исследовании физиологии человека.

Итак, у Тургенева метафизический мир находится в самом человеке и вне его. У Мериме идеальный мир существует только во внутреннем мире, в психике человека. Если Тургенев показывает человеческую природу просветленной, гармонизированной природными силами, то Мериме стремится изобразить ее первозданной, страстной и деятельной в своей нацеленности на вселенские, космические миры. «Двуплановые», фантастические произведения писателей-реалистов И.С.Тургенева и его коллеги, а также и переводчика П.Мериме, создав систему «двуплановости», помогающей глубоко исследовать психику человека в этом реальном мире и мире ирреальном, инобытийном, значительно обогатили реализм как творческий метод исследования и изображения, давая литературе большие возможности для развития, в том числе и в эстетике XXI века.

Примечания

1. Карташова И.В. Об одной загадке творческих взаимоотношений И.С.Тургенева и П. Мериме // Мир романтизма. Т.9. – Тверь, 2004. С.229
2. Там же.
3. Иезуитов А.Н. Философия взаимодействия в фантастических произведениях И.С. Тургенева. С.-Петербург – Орел: Международная Тургеневская конференция, 1998.
4. Бугаева Л.Д. Модальные перспективы поздних повестей Тургенева. С.-Петербург – Орел: Международная Тургеневская конференция, 1998.
5. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С.Тургенева. – Орел: Изд. ОГТРК, 1994. С.44.
6. Батюто А.И. Тургенев – романист. – Л.: ЛГУ, 1972. С. 95.
7. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. – М.: Сов. писатель, 1962. С.95.
8. Маркович В.М. И.С.Тургенев и русский реалистический роман XIX века. – Л.: ЛГУ, 1982. С.6.

ТЕКСТЫ К РОМАНСАМ П. ВИАРДО В ПЕРЕВОДЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Переводческое наследие И.С. Тургенева широко и многообразно. Оно включает в себя переводы прозаических и поэтических произведений с разных языков (от украинского до немецкого) на русский и с русского языка на европейские. Особое место среди них занимают переводы романсов. С 1868 по 1874 годы Тургенев перевел на русский язык более десятка иноязычных текстов, положенных на музыку П. Виардо.

Вопрос о переводах романсов П. Виардо Тургеневым, так или иначе, уже исследовался в отечественной науке. Существует ряд статей [1, 4, 5, 6], посвященных сопоставительному анализу ряда текстов. Новаторство данной статьи заключается в том, что романсы впервые исследуются в полном объеме.

Принципиальным в вышеупомянутых исследованиях является отсутствие единого взгляда на природу романсных текстов. Т.П. Ден [4] и Р.Б. Заборова [6] квалифицируют их как полноценные переводы. М.П. Алексеев [1] и А.Н. Егунов [5] не видят их отдельно от музыки.

Перевод текстов, положенных на музыку (иначе говоря, – вокальный перевод), – процесс особый. Очевидны два фактора, оказывающих воздействие на перевод, – исходный текст и музыка. В данном случае музыка была создана специально для уже существующих стихотворных текстов, и доминантой при переводе должен был стать исходный текст. При условии, что переводчик осуществляет строгую передачу всех его ритмических составляющих, ему удастся произвести подтекстовку, адекватную музыке.

Тургенев и музыка – особый вопрос, изучаемый тургеноведами [7]. Музыка занимала важное место в его жизни и произведениях. Писатель находил, что музыка могла бы стать наилучшим способом выражения тончайших переживаний человека, в этом смысле она сильнее слова.

О связи Тургенева с музыкой свидетельствуют тексты к опереттам, написанные по просьбе П. Виардо. Сочинением либретто Тургенев был занят в течение 1867–1870 годов. Либретто зависит от му-

зыки, писателю уже тогда приходилось редактировать его так, чтобы он максимально естественно лег на музыку, писавшуюся П. Виардо параллельно со словами. Работа с опереттами углубила и расширила его музыкальные знания.

Выбор текстов для романсов осуществлялся самим писателем и обусловлен его творческими предпочтениями (преимущественно это немецкие поэты В.-Г. Гёте, Г. Гейне, Э. Мёрике, Р. Поля). Это дает исследованию установку изучить тексты романсов и с позиции вопроса «Тургенев как писатель-переводчик».

В целом, были проанализированы переводы Тургенева романсов на стихи И.-В. Гёте, Г. Гейне и Э. Мёрике, Р. Поля:

- 1) И.-В. Гете «Перед судом» (1869);
- 2) Г. Гейне «Стоит погода злая» (1871);
- 3) Э. Мёрике: «На заре» (1868), «Разгадка» (1868), «Разлука» (1868), «Садовник» (1871), «Былое счастье» (1871);
- 4) Р. Поля «Лесная тишь» (1871), «Загубленная жизнь» (1871), «Ожидание» (1871).

Здесь же приводится анализ четырех романсов, материал которых в полной мере отражает специфику всех вокальных переводов Тургенева.

Тургенев осуществил перевод баллады Гёте «Перед судом» («Vor Gericht») на русский язык в 1869 году. Как и в ситуации с остальными романсами, прежде была написана музыка П. Виардо. Тургенев же участвовал в выборе текстов, и в этом следует усмотреть проявление интереса Тургенева-писателя к авторам оригинала. В связи с этим, данный перевод есть продолжение интереса Тургенева к произведениям немецкого писателя и поэта.

При переводе баллады Гёте Тургенев выступает против существующей в России стихотворной традиции, но при этом он адекватно передает форму оригинала (а именно, тонический размер дольник). Здесь нельзя не упомянуть и зависимость русского текста от музыки, написанной специально под тонический размер подлинника.

При прочтении русского текста романса очевидными становятся сугубо музыкальные его особенности: рефрен и кода (в конце романса). В целом, Тургенев, точно передав форму и метр оригинала, допускает ряд отступлений от последнего. Это проявляется в превращении текста в эмоционально более насыщенный. Достигается это повторами (здесь стоит отметить принципиальное изменение смысла в варианте Тургенева: проблема из конкретного социаль-

ного плана переводится им в более абстрактный общечеловеческий план), подбором лексики, цепью однородных членов, образующих градацию и, наконец, изменением пунктуационного оформления (к примеру, против двух восклицательных знаков оригинала мы находим семь в переводе, появляется целый ряд многоточий).

Через все это мы можем увидеть авторскую манеру Тургенева, в которую облекается подлинник Гете в пространстве перевода; происходит переход текста немецкого автора в пространство тургеневского текста с его формальными и смысловыми особенностями.

Стихотворение Генриха Гейне «Das ist ein schlechtes Wetter» (Это плохая погода) - типичный пример стихотворного текста Гейне периода «Heimkehr», содержащий описание немецкого быта, переданное в деталях и окрашенное «теплым лиризмом» [3. С. 205] и в то же время иронией. Наличие реалистических деталей сообщает им точность, лаконичность.

XIX век в России богат переводами поэзии Гейне. Современные исследователи различают несколько тенденций в переводных текстах того времени: авторы ряда переводов лирики Гейне «<...> выравнивают дольки, но в соответствии с существующей традицией <...>» [2. С. 32], при этом, стараясь передать наиболее важные элементы композиции (метроритмические особенности). В пример приводятся переводы, сделанные А.А. Фетом. Другая тенденция характеризуется переводом, особенности которого диктуются не столько подлинником, сколько влиянием собственного творчества, что приводит нередко к коренной переделке немецкого текста (Майков, например). И последнюю тенденцию выявляют при анализе переводов Г. Писарева, который использовал их как стимул к собственному «душевному самоанализу» [2. С. 40]. На материале переводов этих трех авторов выводится два основных направления версификации лирики Гейне в России, две крайности: в русских вариантах вычленяется либо любовно-сентиментальная проблематика и поэт предстает как чистый лирик, либо он превращается в «общественного трибуна» [2. С. 45] при вычленении сугубо иронических элементов.

Перевод Тургенева датируется 1871 годом, при всем интересе писателя к поэзии немецкого автора, - единственный ныне известный. Над текстом русского варианта Тургенев много работал и переделывал несколько раз, считая его одним из самых трудных для перевода среди романсов издания, стремился как можно точнее передать метрику исходного текста.

В статье Р.Б. Заборовой «О переводах Тургенева из Мерики и Гейне (1871)» [6] говорится об очень близкой передаче как мелодики и ритмики, так и содержания исходного текста. Действительно, сохранен ритм и метр, передана форма (исключая повторы-рефрены, обусловленные музыкой).

Интересно то, что тургеневский вариант перевода утрачивает иронию подлинника, оставляя лишь «теплый лиризм». Наблюдается поэтизация оригинала. Пунктуационное оформление типично тургеневское (появляются восклицательные знаки, многоточия), что сообщает тексту еще большую эмоциональность.

В целом, тургеневский перевод данного произведения Гейне не выходит за рамки типологии, изложенной выше и представляет в этом смысле характерный способ его интерпретации. Вместе с этим, историческая типичность перевода во многом обусловлена особенностями поэтики самого Тургенева-писателя. Ироническая составляющая, являясь неотъемлемой частью творчества Гейне, переплетающаяся с «мягким лиризмом», трансформируется в лирическую, облакающую детализированное повествование, ибо лиризм есть основополагающая черта произведений русского писателя.

При переводе романса «Der Gartner» (Садовник) на стихи Мэрике Тургенев исходит из национального склада языка, поэзии, культуры и быта. С этим связано соблюдение размера оригинала. Русский вариант точно передает размер подлинника, адекватно воссоздавая ритм исходного текста.

А.Н. Егунов полагает, что все отклонения от оригинала при переводе «Der Gartner» (Садовник) обусловлены музыкой. Наделяя садовника желанием отдать вместе с цветами свою душу, писатель «из плана немецкой народной песни переводит нас в обычный план салонных романсов» [5. С. 236]. С данным утверждением не соглашается Р.Б. Заборова в статье «О переводах Тургенева из Мэрики и Гейне (1871)», замечая, что в русском переводе салонный характер романса вовсе ослаблен, тогда как он сохранен во французском переводе (стихотворение «Der Gartner» сначала было переведено Тургеневым на французский язык в 1865 году), где героиня - дочь короля, а садовник, будто паж, готов, по первому движению ее сердца, отдать за нее жизнь. Тургенев применяет разные системы переводов, исходя из национального склада языка, поэзии, культуры и быта. С этим связано и соблюдение или несоблюдение размера оригинала. Так, французский текст написан в рамках традиционной национальной системы

стихосложения – силлабикой, тогда как русский вариант точно передает размер подлинника (двустопный амфибрахий), т. к. немецкая и русская системы стихосложения близки и соблюдением метра, переводчик не противоречит существующей на родине норме.

Что касается содержания, по мнению Р.Б. Заборовой, оно расширено: садовник Мёрике надеется, что принцесса обратит внимание на его любовь, и он одарит её цветами, у Тургенева он человек из низов, от него ждут цветов только во исполнение «службы», поэтому, ему остается только мечтать всю душу отдать госпоже.

В своей статье Р.Б. Заборова замечает, что оба варианта (русский и французский) все же близки исходному тексту, отражен ход мысли Мёрике, однако появляются «психологически оправданные нюансы в структуре образов» [5. С. 180].

Нельзя не согласиться со всеми утверждениями автора статьи, однако исследователь ограничивается называнием отклонений, лишь иногда давая мотивировки тем или иным расхождениям между немецким и русским вариантами (несомненно, верно замечено применение разных систем перевода – русской или французской). В целом, материал статьи Р.Б. Заборовой дает довольно полный и глубокий анализ переводов этого романа Тургеневым. Однако расхождения переводов и исходного текста объясняются лишь фактом различия двух систем стихосложения (русской и французской) и стремлением Тургенева-переводчика создать вариант, понятный слушателю, будь то Россия или Франция. В нашем понимании, такой подход сужает спектр интерпретаций, которые могут появиться в процессе сопоставления текстов.

На уровнях содержания и формы обнаруживаются такие отклонения, которые свидетельствуют о «правке» оригинала не только Тургеневым-переводчиком, но и Тургеневым-писателем. Он вновь избирает более эмоциональные пунктуационные средства (число восклицательных знаков в переводе возрастает двукратно), а приводимые выше «психологически оправданные нюансы» есть не что иное, как проявление тургеневского психологизма, который заключается в фиксации не только внутренних переживаний, но и деталей внешности персонажа и его внутреннего монолога.

Содержание адекватно передано переводчиком, но в рамках русской традиции.

Дистанция между принцессой и садовником увеличивается в переводе за счет появления слова «служба» и трансформации его речи из форм повелительного наклонения в сослагательное.

В целом, перевод немецкой песни в русскую есть следствие работы Тургенева как переводчика, данное изменение не предполагает существенных изменений в содержании текста романа, данный текст остается примером точного тургеневского перевода.

Следующий романс на стихи Мёрике был опубликован с указанием на Тургенева как автора. Он, очевидно, зависит не столько от текста оригинала, сколько от музыки, поэтому исходный текст Мёрике в нем обнаружить непросто. В письмах Тургенева 1867-1868 годов можно найти не одно упоминание о романсе П. Виардо «Rathsel» (Загадка) - измененное название стихотворения Мёрике «Frage und Antwort» (Вопрос и ответ), которое Тургенев ценил за его музыкальные достоинства.

Русский текст «Rathsel» (в переводе – «Разгадка») содержит традиционные свидетельства его зависимости от музыки – рефрен (две последние строки романа), в остальном отношении форма соответствует немецкому тексту: сохранены три строфы, передана перекрестная, соответственно, женская и мужская рифма. В плане содержания, однако, совпадает лишь обращение к возлюбленной и наличие любовного признания. Русский вариант как бы развивает исходный текст: появляется любовное томление, неведение и, наконец, разъяснение чувств возлюбленной. Если у Мёрике возлюбленная ничем не обнаруживает себя, то у Тургенева мы находим отражение ее действия, которое и дает герою разгадку. Таким образом, «Загадка» оригинала трансформируется в «Разгадку» Тургенева, вопрос, задаваемый в немецком варианте, получает ответ в переводе.

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что пунктуационное оформление русского текста типично тургеневское: многоточия, восклицательные знаки, вместо которых подлинник содержит вопросы.

Русский текст «Rathsel» (в переводе – «Разгадка») может быть назван переводом-переложением, вольной интерпретацией, случаем, когда прочтенное стихотворение явилось стимулом для выражения собственных переживаний. Неслучайно существует мнение, что это не столько перевод, сколько оригинальное произведение Тургенева, посвященное Е.А. Лавровской, связанное с «непосредственно пережитым» писателем [8. С. 209]. Представляется, что изменения (формальные и содержательные), внесенные Тургеневым в текст перевода, оказались настолько велики, что побудили русского писателя отнести его в ряд собственных стихотворений. Стоит предпо-

ложить, что в данном случае фактор музыки оказался сильнее, чем содержание исходного текста. Вернее сказать, ритм, задаваемый музыкой, привел к заметным переменам в содержании романа, трансформации сюжета стихотворения немецкого автора. Определенно текст в данном случае рождается из музыки. Итак, все переводы можно разделить на две группы: передающие ритм подлинника (их большинство) и изменяющие его («Ожидание» Р. Поля, «Разлука» Э. Мёрике). Представляется, что изменение ритма оригинального стихотворения обусловлено наличием музыки, которая, обладая собственной ритмической организацией, влияет на ритмические составляющие текста. Особенностью стихотворного текста является зависимость всех составляющих (от формальных до смысловых) друг от друга. Соответственно, резкое изменение ритма влечет за собой изменение смысла, художественного образа оригинала. Воздействие музыки имеет два уровня проявления: первый поверхностный уровень обнаруживается в наличии рефренов и код и принципиального значения для текста стихотворения не имеет. Второй уровень воздействия более глубокий, он проистекает из несовпадения ритма музыки и стихотворного текста оригинала. В этом случае перед вокальным переводчиком стоит задача продюцировать текст, адекватный скорее музыке, нежели исходному варианту стихотворения. Из перемены ритма следуют прочие изменения, приводящие к смене содержания и целостного облика стихотворения. Интересно то, что при переводе романсов перед Тургеневым стоит выбор: следовать музыке, которая дает вокальному подтекстовщику большие возможности, или ритму исходного стихотворения с тем, чтобы иметь возможность воссоздать особенности оригинала в совокупности. Представляется, что решающую роль здесь играет музыка как стихийное, созидающее начало, Тургенев творит из музыки, осуществляя свое стремление в тексте соединить мелодию и слово.

В этом случае Тургенев из переводчика поэтического текста превращается в автора стихотворения. В случае, когда ритм подлинника и перевода совпадают, мы наблюдаем скорее Тургенева-переводчика поэтического текста. Однако и при этом мы можем обнаружить в тексте перевода присутствие Тургенева-писателя. Это проявляется на разных уровнях организации текста. Низший и самый регулярный уровень отклонений от подлинника в сторону тургеневского текста – уровень пунктуации (многоточия, восклицательные знаки) и синтаксиса (структура «существительное + прилагательное»,

перечисления, параллелизмы, градация). Более высокий, и менее регулярный, уровень - семантический (изменение образов, деталей, места действия), проявление тургеневского психологизма и лиризма. Отклонения от оригинала могут стать существенными и увести Тургенева далеко от исходного текста, так что он преобразует его уже не в переводное произведение, но стихотворение собственного сочинения (принципиальную роль в данном случае играет музыка).

Примечания

1. Алексеев М.П. Стихотворные тексты для романсов П. Виардо // Т сб. Вып. 1. Материалы к полному собр. сочинений и писем И.С. Тургенева. М.-Л.: Наука, 1964. С. 254–256.

2. Ачкасов А.В. Русская переводческая культура 1840-1860-х гг. (на материале переводов драматургии У. Шекспира и лирики Г. Гейне). Автореферат дисс. ... д-ра фил. наук. Курск: изд-во Курск. ун-та, 2004.

3. Дейч А. Судьбы поэтов. Гельдерлин. Клейст. Гейне. М: Худ. лит., 1974.

4. Ден Т.П. «На заре». Тургенев и Мёрике // Т сб. Вып. 1. Материалы к полному собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М.-Л.: Наука, 1964. С. 254-256.

5. Егунов А.Н. Тургенев и Мёрике // И.С. Тургенев 1818–1883-1958 Статьи и материалы. Орел: Орл. книж. изд-во, 1960. С. 228–240.

6. Заборова Р.Б. О переводах Тургенева из Мерики и Гейне // Т сб. Вып. 2. М.-Л.: Наука, 1966. С. 175–182.

7. Крюков А. Тургенев и музыка. – Л.: Музгиз, 1963.

8. Орловский С. Лирика молодого Тургенева. Прага, 1923.

ОБ ОДНОМ НЕ ВОШЕДШЕМ В ЦИКЛ «СТИХОТВОРЕНИИ В ПРОЗЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА

Среди подготовительных материалов к «Стихотворениям в прозе», сохранившихся в парижском архиве Тургенева, есть большая тетрадь, в которую писатель аккуратно переписал из чернового автографа все стихотворения, написанные им ранее на отдельных листах, добавив к ним ряд новых текстов. Всего в тетради содержится 83 фрагмента. Это наиболее полный вариант цикла, как он представлялся самому автору. Неоспоримая ценность названной тетради увеличивается еще и тем, что на обороте первого листа Тургенев составил, под заглавием «Сюжеты», перечень «стихотворений». Как это нередко встречается в тургеньевских автографах, можно было ожидать, что здесь писатель представил оглавление будущей книги, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что «сюжеты» записаны в ином, нежели сами расположенные в тетради стихотворения в прозе, порядке. Более того, названия некоторых фрагментов не соответствовали тем, что обозначены в автографах. И, наконец, самое интересное заключается в том, что среди записанных «сюжетов» 14 представляют собой названия произведений, рукописи которых так и не были обнаружены. Таким образом, в процессе формирования цикла писатель на последнем этапе, по всей видимости, отбросил ряд уже написанных фрагментов. Поиски в архивах затерявшихся «стихотворений в прозе» результатов не дали, однако научные разыскания позволили с большой долей вероятности предположить, что некоторые из обозначенных текстов все же стали известны читателю.

Автор содержательной статьи и комментариев к «Стихотворениям в прозе» в Полном собрании сочинений и писем Тургенева, одновременно и главный редактор этого издания академик М. П. Алексеев высказал даже предположение, что большей частью эти названия «говорят о неосуществленных замыслах писателя» (Тургенев. ПС-СиП (2). Соч. Т. 10. С. 449). С этим предположением можно согласиться лишь отчасти. Впрочем, часть названий ученому удалось

идентифицировать. Например, он высказал предположение, что сюжет под номером 67 («Перепелка») соответствует рассказу, написанному позднее и переданному Тургеневым Л. Н. Толстому. Правда, М. П. Алексеев предупредил, что некоторые сюжеты могут еще встретиться в мемуарах современников. Так, например, в мемуарах Я. П. Полонского содержится изложение двух сюжетов, которые вполне можно соотнести с названиями из указанного списка, а именно: номером 16 («Капля») и номером 6 («Планета»). Рискнем предположить, что еще один из записанных сюжетов был реализован, но сознательно исключен Тургеневым из цикла.

В воспоминаниях писательницы Лидии Филипповны Ламовской, писавшей под псевдонимом Нелидова, содержится несколько рассказов, записанных ею по памяти после встреч с Тургеневым в начале 1880-х годов. Среди них есть один, который, кажется, должен был непременно войти в цикл «Стихотворений в прозе». Позволим себе привести его целиком.

«Я шел в летний полдень по извилистой тропинке в лесу. Лес был чистый и молодой, русский лес со смешанными породами деревьев. Белостволая раскидистая береза мешалась с низкорослой, как шкурка змеи, серо-зеленой осинкой. Кое-где на полянах и по опушкам росли молодые дубки; выдавались темными пятнами печальные в летнюю пору, с низкоопущенными ветвями ели.

День был ясный и жаркий; но сквозь густую чащу ветвей не видеть было солнца, и только внизу, на пушистой траве, двигались, играли и переливались светлые и темные кружки.

Я следил за их прихотливой игрой, как вдруг сплошная человеческая тень надвинулась откуда-то, легла и заняла пространство передо мной.

Я вздрогнул и обернулся. Я был не один в лесу.

В двух шагах от меня, стройно и легко, не касаясь травы, двигалась женская фигура.

Я остановился. Женщина приблизилась и также встала передо мной. Одним быстрым взглядом я успел уловить черты божественного лица, очертания дивного тела, сквозившего в легких тканях волнистой одежды. Она была прекрасна и молода; но я не знал, кто была она.

Вдруг она сделала движение и, слегка склоняясь надо мной, поцеловала меня в лоб.

Я затрепетал. Неизъяснимое волнение поднялось, прерывая дыхание, потрясая меня разом всего. Я протянул руки. Я желал про-

длить ощущение, блаженным трепетом разлившееся во всем моем существе. Я поднял голову... Но никого уже не было подле меня.

Она шла все так же стройно и легко, по-прежнему не касаясь земли. Сзади у нее почудились мне два крыла — небольшие и прозрачные. Это они-то и помогали ей нестись так легко.

Я рванулся вперед, вслед за ней, громким голосом призывая ее. Я желал, чтобы она поцеловала меня в уста “поцелуем уст своих”...

Но напрасно я звал и бежал вслед за ней. Она отдалялась все дальше и дальше.

И в то время, как я тщетно преследовал ее, я увидел в лесу, в недалеком расстоянии от себя, другого человека. То был юноша, почти отрок. Он шел беззаботной поступью, подняв слегка вверх кудрявую, красивую голову. Беспечно и весело смотрели перед собою вдохновенные глаза, и улыбались румяные, полные, слегка опущенные губы.

Я видел, как женщина остановилась подле него, как быстрым движением всколыхнулись и откинулись назад рассыпавшиеся его кудри, и она поцеловала его прямо в алые, раскрывшиеся губы...

И я понял внезапно, кто была женщина. Я понял также и то, кто был отрок.

Да, это была она — муза, вдохновительница поэта. Ее поцелуй я чувствовал на своем челе, холодный и неполный поцелуй...

Таким поцелуем, неполным даром вдохновения, дарит она нас, поэтов-прозаиков, и бережет свои поцелуи и ласки ему, беспечному, вдохновенному певцу-стихотворцу».

Текст, приведенный Нелидовой, имел заглавие: «Поцелуй». Учтивая, что первоначально «стихотворения в прозе» вообще не имели заглавий, а впоследствии они неоднократно менялись, это заглавие тоже можно признать условным. Впервые рассказ в изложении Нелидовой был опубликован вскоре после смерти Тургенева в 1884 году в «Русских ведомостях» (№ 239), затем, в 1909 году, перепечатан в «Вестнике Европы». И по своей поэтике, и по содержанию он разительно схож со стихотворением в прозе «Встреча», которое не вошло в опубликованный при жизни Тургенева цикл из 50 ти наименований, но сохранилось в архиве. Этот рассказ, имевший подзаголовок «Сон 1 й», должен был открывать выделенный Тургеневым внутри всего цикла стихотворений в прозе особый раздел (или подцикл), имевший общее заглавие «Сны». Впоследствии писатель отказался от этого замысла, возможно, послушав совета старого дру-

га П. В. Анненкова, который писал ему 2 (14) октября 1882 года: «Я хоть и не плакал на отдельных пьесах «Стихотворений», да зато общий их характер просто ослепил меня: темные кружки пошли в глазах, а из этих кружков стал выделяться удивительно симпатичный образ автора — что за гуманность, что за теплое слово, при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе, и радость за человеческое свое существование <...> в чудном рассказе «Христос» меня кольнула прибавка «Сон». Какой же это сон, когда это лучезарное видение? Тут нечего просыпаться, а только констатировать исчезновение видения. — Вообще, друг, словом и эпитетом сон — вы злоупотребляете. Или все сон, или ничего не сон в этих стихотворениях, и нет причин награждать один из них “извинительной” надписью, а других нет».¹

Напомним содержание «пьесы», о которой идет речь. Так же, как в приведенном выше рассказе «Поцелуй», одиноко идущий герой встречает стройную и высокую женщину, спешащую от него прочь. Герой не видит ее лица и даже волос, которые закрывает, как и в нашем рассказе, «волнистая ткань». Но далее мы видим серьезные разночтения. Поперек дороги перед женщиной в белых одеждах оказывается плоский камень, и она словно каменеет перед ним, став похожей на мраморную статую. Женщина опускается на плоскую плиту, рядом оказывается и герой, застывающий подобно надгробному изваянию. Однако женщина поднимается и стремительно уходит прочь, в то время как герой не может пошевелиться. Она оборачивается, он наконец видит ее лучистые глаза и смех на ее устах, на ее голове вдруг ярко заалел веночек из маленьких роз. Но герой остался неподвижен и нем на своей могильной плите.

В беловом автографе против заглавия стихотворения «Встреча» (вариант заглавия — «Женщина») Тургенев записал: «Употребить в повесть» и действительно сделал это, включив этот «сон» почти без изменений в главу XI повести «Клара Милич (После смерти)». Таким образом, печатная судьба этого «сна» была решена. В качестве «стихотворения в прозе» оно было опубликовано впервые лишь в 1929 году Андре Мазоном в переводе на французский язык.

Но все же в списке найденных или ненаписанных «стихотворений в прозе» есть еще одно, под названием «Встреча близ сада», с загадочным продолжением: «18-й и 20-й». Так, по крайней мере, прочитано было это заглавие текстологами. Не предлагая беспочвенных гипотез по поводу этого странного названия, отметим, что

«Встреча близ сада», очевидно, предполагала совсем иную, отнюдь не «замогильную» тональность фрагмента. В пользу этого предположения говорит сам образ сада, символизирующего, как правило, жизнь в ее расцвете.

Напомним, что стихотворение «Встреча. Сон 1-й», как оно первоначально называлась, открывалось следующим пейзажем: «Мне снилось: я шел по широкой голой степи, усеянной крупными угловатыми камнями, под черным, низким небом». Несмотря на то, что текстологические данные свидетельствуют о том, что именно этим стихотворением Тургенев хотел открыть цикл «снов», рискнем высказать предположение: что рассказ о встрече с музой (который тоже, разумеется, есть сон) мог тоже гипотетически открывать цикл «снов», тем более что после изъятия рассказа «Встреча» и включения его в повесть «Клара Милич», «первое место» в подцикле осталось вакантным.

В сущности, женщина из замогильного сна символизирует жизнь и любовь, которые покидают умирающего старика. Но и женщина-муза тоже покидает старика (ему противостоит юность отрока-поэта), хотя и дарит ему «неполный» поцелуй. И все же этот поцелуй вдохновляет «поэта-прозаика». Таким образом, здесь уже не жизнь противопоставлена смерти, как в первом рассказе, а поэзия прозе. Выражаясь символическим языком, внутреннее обоснование замысла, получившего первоначально название “*Senilia*” («Старческое») уступает место окончательному: «Стихотворения в прозе».

Вспомним, что писал Тургенев своему немецкому другу Людвигу Пичу 13 (25) декабря 1882 года. «За последние четыре года, не написав ничего более или менее значительного и длинного, я набросал целый ряд «Маленьких стихотворений в прозе» (так как, к сожалению, я совсем не поэт) на отдельных листках. О напечатании их я никогда не думал». Вряд ли следует усматривать в приведенных строках хоть малую долю кокетства. Известно, что Тургенев не резко отзывался о своих стихотворных опытах, что стало причиной их невключения в прижизненные собрания сочинений. Называя свои новые произведения «стихотворениями в прозе», писатель хотел подчеркнуть поэтическое начало, присущее не только стихотворцам, но и прозаикам. А это, независимо от того, восходило ли название генетически к «Стихотворениям в прозе» («*Les petits poemes en prose*» Шарля Бодлера, придавало всему циклу дополнительную энергетику эстетического высказывания. Недаром Фет, с которым

Тургенева связывали долгие дружеские отношения, всегда называл его поэтом и признавался позднее, что ко времени личного знакомства «давно восхищался стихами и прозой Тургенева».²

Рассказ, записанный Нелидовой, если вдуматься, является в некотором смысле «ключом» к «Стихотворениям в прозе». В то же время он принадлежит к числу тех глубоко личных, автобиографических произведений, возможную публикацию которых Тургенев заранее решительно отверг. Известно, что опубликованное посмертно стихотворение в прозе «Встреча» было одним из первых (или первым) по времени создания. Черновик его записан на листе, датированном 1876 годом. Возможно, тем же временем датировалось и сохраненное в записи Нелидовой произведение. Правда, Тургенев сообщил его будущей мемуаристке гораздо позже. Заметим, что Нелидова была прозаиком, в котором Тургенев поначалу увидел «свежий и сильный талант». Позже, несколько разочаровавшись в ее способностях, как это часто с ним бывало, он поделился с нею, возможно не без назидательной цели, своеобразной притчей о вдохновении, которым в разной мере одаривает художников капризная муза.

В любом случае, очевидно одно: записанный Нелидовой текст как основными мотивами, так и поэтикой неразрывно связан с циклом «Стихотворения в прозе».

В заключение отметим, что, исключенное Тургеневым по каким-то причинам из цикла, это «стихотворение в прозе», известное лишь в записи, оказалось не доступным современному читателю, но было все же опубликовано в Приложениях к Собранию сочинений писателя конца 1920-х — начала 1930-х годов, а именно в 10-м томе 12-томного Собрания сочинений Тургенева под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, вышедшем в «Государственном издательстве» в 1930 м году.

Примечания

1. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2-х кн. Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. 1875–1883. С. 165.

2. Фет А. Мои воспоминания: В 2-х ч. М., 1890. Ч. 1. С. 5.

И.С. ТУРГЕНЕВ И Н.Г. ФРОЛОВ
(к вопросу о значении прототипии
в творчестве писателя)

В последнее время исследователи творчества Тургенева всё больше внимания уделяют поискам исходного жизненного материала, который перерабатывался писателем в его художественные произведения. Речь идет о реальных прототипах, положенных в основание создававшихся им героев и характеров. Исследователю мало назвать имя того или иного реального лица, ставшего прообразом тургеневского героя, его должна также интересовать, так сказать, технология работы художника с жизненным материалом. Нам кажется, что иллюстрацией тургеневского подхода в его «работе с прототипом» может служить история его разнообразных отношений с Н.Г. Фроловым. Последний явился прообразом тургеневских героев в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848), в романах «Рудин» (1856), «Дым» (1867), повести «Пунин и Бабурин» (1874).

Несколько нарушая хронологический порядок, начнём с романа «Рудин», который был опубликован в январской и февральской книжках журнала «Современник» за 1856 год.

Вспоминая о своей работе над романом, Тургенев рассказывал, что прообразами героев романа явились участники кружка Станкевича – сам Станкевич, его друг Бакунин, а также Белинский и Грановский; следует назвать и учителя истории юного Тургенева – И.П. Ключникова, которого писатель упомянул под именем Щитова...

Тургенев не забыл и одного из тех, кого злые языки называли «второстепенными московскими пророками».¹ Такое лицо появляется в финале романа в рассказе Рудина о его пребывании в Москве: «Сошёлся я, в Москве, с одним довольно странным господином. <...> Главная, единственная его страсть была любовь к науке, к науке вообще. До сих пор я постигнуть не могу, почему эта страсть в нём проявилась! Шла она к нему, как к корове седло. Сам он с усилием держался на высоте ума и говорить почти не умел, только поводил выразительно глазами и значительно покачивал головой. Я, брат, не встречал бездарнее и бедней его природы...»²

До сих пор упомянутое лицо не привлекало внимания исследователей и никак не откомментировано в академических изданиях Тургенева. Между тем, лицо это отнюдь не является случайным в романе, и Тургенев сам дал ключ к разгадке этого персонажа. Буквально теми же словами он характеризует участника кружков Станкевича и Грановского – Николая Григорьевича Фролова, с которым познакомился в Берлине осенью 1838 года.

14/26 октября 1838 года Варвара Петровна Тургенева, отвечая на письмо сына, сообщавшего о знакомстве с «милым семейством, Фроловым», спрашивала: «Что это за Фролов, каких лет, примет, что делает в Берлине, он в службе или путешествии?»

Некоторые сведения о Н.Г. Фролове, ставшем впоследствии переводчиком и издателем, содержатся в некрологической статье «Несколько слов о покойном Николае Григорьевиче Фролове»,³ написанной близким другом Фролова Т.Н. Грановским. Фролов родился в 1812 году, на 7-м году «в уважение заслуг отца его, храброго воина, убитого в чине генерал-майора под Полоцком», был принят в Пажеский корпус, по окончании его четыре года служил в лейб-гвардии Семёновском полку, в 1834 году в чине поручика вышел в отставку, желая получить высшее образование и посвятить себя науке. Около пяти лет Фролов слушал лекции в Дерптском и Берлинском университетах, в 1844 году – в Сорбонне. В Берлинском университете Фролов занимался историей, философией, правом и естественными науками. Лекции Риттера и знакомство с Гумбольдтом определили его последующую деятельность – он стал популяризатором их трудов в России.

В 1847-49 годах в «Современнике» печаталось обширное сочинение Фролова «Александр фон Гумбольдт и его Космос» (5 статей).

Грановский отзывался о статьях Фролова с большой похвалой, а вот редактор «Современника» Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» рассказывал, что «Фролов не совладел со своим предметом, путался, повторялся и ещё более затемнял изложение неумением владеть русской фразой. <...> статьи о Гумбольдте оставались в журнале неразрезанными».⁴

Тургенев был в курсе учёных занятий Фролова. 14/26 ноября 1847 года он не без иронии писал Белинскому: «Из статьи о Гумбольдте (которую я, разумеется, не прочту) мне приятно заключить, что друг наш, Н.Г. Фролов, продолжает, по вашему выражению, держаться на высоте ума. Эдак он, пожалуй, допотееет до учёности. Тем более

заслуги с его стороны». (Письма. Т. 1. С. 229-230). Как видим, Тургенев повторил острое словцо Белинского «на высоте ума» в своём романе «Рудин».

В «Воспоминаниях о Станкевиче», писавшихся почти одновременно с «Рудинным», Тургенев даёт выразительный портрет Фролова, понятно, что этот портрет – воспоминание о берлинских вечерах в доме Фроловых: «Фролов сам никогда не вмешивался в разговор – сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы – но не раскрывал рта». (Т. 5. С. 361).

По свидетельству Феоктистова, портрет Фролова был начертан и в рассказе Тургенева «Гамлет Щигровского уезда», написанном ранее: «<...> отставной поручик, удручённый жаждой знания, весьма, впрочем, тугой на понимание и не одарённый даром слова». (Т. 3. С. 263-264). «Конечно, – рассказывал Феоктистов, – Тургенев никому не говорил, кого он имел тут в виду, да и не было в том нужды, – всякий тотчас же узнавал Н.Г. Фролова».⁵

В эпилоге романа «Рудин» Тургенев даёт волю своей иронии в обрисовке образа «странного господина», прототипом которого, как мы попытались показать, явился Фролов: «Работал, писал и читал он неутомимо. Он ухаживал за наукой с какой-то упрямой настойчивостью, с терпением страшным, самолюбие в нём было огромное, и характер он имел железный». (Т. 5. С. 313).

Обратим внимание, что современники, знавшие Фролова, высказывали о нём диаметрально противоположные суждения. К.Н. Бестужев-Рюмин, например, рассказывая о своей поездке к Грановскому в Архангельское, писал: «Тут был Фролов, издатель «Магазина земледения» и переводчик «Космоса», который считался Катонем в кружке и советам которого все следовали. Это был человек мелкий, скучный невероятно, но вырос до сильного влияния своею видимою серьёзностью. <...>⁶ Напротив, Грановский относился к Фролову весьма уважительно и даже с нежностью. Назвав Фролова бескорытным и самоотверженным тружеником науки, Грановский особенно отметил в его характере «непреклонное, до жестокости доходившее чувство долга». Пристрастное отношение Грановского к своему другу стало основанием авторитета последнего в кругу близких к ним людей. Совсем иначе судил о Фролове другой его современник Панаев – в своём исполненном сарказма фельетоне «Канун нового, 1853 года. Кошмар, в стихах и прозе, Нового Поэта», где были выведены некоторые представители современной литературы и критики, он писал:

«Посмотрите, например, на этого господина – на... этого бледного и тучного человечка <...>. Вся жизнь его есть труд непрерывный: он завален книгами в своём кабинете, он почти не выходит из него... и есть такие люди, которые осмеливаются говорить про этого человечка науки, про этого примерного труженика, что он ленивейшее и самое сонное создание, что он шеголяет своим трудом, своими книгами и своим учёным кабинетом – что это только маска, и что в этом кабинете, на этих книгах он только спит... Клевета! клевета!»⁷ Образ был узнаваем. По поводу статьи Нового Поэта Тургенев 6/18 февраля 1853 года писал Панаеву: «Умнее и милее её ты давно ничего не писал – над ней и нахохочешься и надумаешься вдоволь. (Что скажет Фролов о ней – это другое дело)». (Письма. Т. 2. С. 102).

Если Грановский отмечал в Фролове деятельную любовь к добру и истине, отсутствие личного самолюбия, то Панаев усматривал за этой кажущейся скромностью «смесь добродушия с дурно скрываемым самодовольством от сознания своего превосходства». (Панаев, 253).

И Панаев, и Герцен отметили в Фролове его якобы равнодушие к удовольствиям парижской жизни, его почти монашеский аскетизм, который не всегда скрывал таившиеся в нём страсти. Мемуарист пишет об одной из них, быть может, наиболее сильной – о его неистребимом властолюбии: «Сходясь с людьми, он имел поползновение тотчас закрадываться в их внутренний мир и управлять их совестью, подобно католическим аббатам». (Панаев, 251).

И, наконец, современники совершенно по-разному оценивали его отношения с женщинами – за свою недолгую жизнь Фролов был трижды женат. Первый раз он женился в 1837 году на Елизавете Павловне Галаховой (1802–1840), которую Тургенев назвал женщиной «очень замечательной», «почти гениальной». Через три года брака она умерла. Второй раз Фролов женился в 1850 году на больной сестре Станкевича Марии Владимировне Станкевич (1823–1850), которая умерла через несколько месяцев после свадьбы, оставив ему крупную сумму денег. Грановский горячо сочувствовал другу в его потерях, однако через два года Фролов женился снова на двоюродной сестре Грановского Анне Евгеньевне Кромиды, вследствие чего их дружба со знаменитым историком стала ещё крепче. Недоброжелатели Фролова и в истории его женитьб сумели увидеть нечто его порочащее: по мнению Бестужева-Рюмина, первая жена Фролова придавала ему значение, которого он сам не имел, что касается второй жены, то Панаев в своём фельетоне прямо обвинил Фролова в

корыстолюбии: «И находятся люди, которые осмеливаются уверять, что он женился на девице именно для того, чтобы приобрести миллион, что он справился сначала у доктора о том, долго ли проживёт девица, что он носит маску самоотвержения и бескорыстия, и что в сущности корыстолюбие руководит всеми его действиями и поступками!.. Клевета! клевета!»⁸ Многие считали, что в этом скандальном фельетоне Панаев зашёл слишком далеко, что с сожалением должен был признать и Тургенев. Сам он выбрал в характере Фролова для «странного господина» в романе «Рудин» только следующие качества: упорную страсть к науке и самолюбие. Возможно, что «странный господин» в финале романа «Рудин» явился карикатурным наброском, призванным оттенить героические черты главного героя романа – подлинного представителя своего поколения. В художественную задачу Тургенева тогда, по-видимому, не входило развитие этого образа, однако он вернётся к нему ещё не раз.

В начале 1860-х годов, работая над подготовительными материалами к роману «Дым», Тургенев возвращается к личности Фролова. В формулярном списке под именем «Губарёв, Степан Николаевич» значится: «Это – Огарёв – Фролов – Касаткин. – Русский доктринёр – демократ – фанатик и лентяй. Туп, меланхоличен, важен, упорен, бездарен <...>. – Лишён дара слова, но внушает великое мнение о себе. <...> большей частью берёт возвышенностью физиономии. <...> Читает всё умные книги – и всё в глубину устремляется: в то же время делает пропаганду более своим присутствием, чем словами. <...> был женат недолго на какой-то глупой и тоже возвышенной барышне с состоянием, портрет которой у него стоит на письменном столе: он таинственно намекает на неё, как на высокое создание: она ему оставила 80000 р. сер.»⁹ Как кажется, в этой записи Тургенев скорее намекает на черты характера и жизненные обстоятельства Фролова, а последнее замечание о возвышенной девице и 80 тысячах рублей серебром прямо отсылает нас к фельетону Панаева.

Однако в процессе работы над романом образ Губарёва уточняется: к знакомым по нескольким зарисовкам портретным характеристикам Фролова (мычание, подергивание бороды или усов, вращение глаз) добавляются другие, образ сатирически заостряется, автор даёт обобщающую характеристику открытого им типа. В Баден-Бадене на вечере у Губарёва сам он явно первое лицо – наставник и пророк, «всякий невольно чувствовал, что он-то, Губарёв, всему matka и есть». (Т. 7. С. 267). На вопрос Литвинова о причине «не-

сомненного влияния Губарёва на всех окружающих» Потугин поясняет, что ни дарований, ни способностей у Губарёва нет, а есть много воли. «Мы, славяне, вообще, как известно, этим добром не богаты и перед ним пасуем. Г-н Губарёв захотел быть начальником, и все его начальником признали <...> а народ мы тоже мягкий; в руки нас взять немудрено. Вот таким-то образом и г-н Губарёв попал в барья; долбил-долбил в одну точку и продолбился. Видят люди: большого мнения о себе человек, верит в себя, приказывает – главное, приказывает; стало быть, он прав и слушаться его надо». (Т. 7. С. 271).

В конце романа Тургенев помещает Губарёва в российскую обыденную жизнь, где найденный им тип предстаёт ещё одной своей стороной – этот «и славянофил, и демократ, и социалист» (Т. 7. С. 271, 272) оказывается грубым, беспринципным циником, которого волнуют только власть и деньги – «Мужичьё поганое! <...> Бить их надо, вот что, по мордам бить; вот им какую свободу – в зубы...» (Т. 7. С. 402-403).

Образ умершего в 1855 году Фролова не оставляет писателя и в 1870-е годы. Обсуждая с Анненковым повесть «Пунин и Бабурин», вышедшую в 4-ой книжке «Вестника Европы» за 1874 год, Тургенев в ответ на замечание Анненкова, что главный герой повести – «республиканец» Бабурин «выглядит абстрактно-тупо», 12/24 апреля 1874 года писал: «Бабурин – нечто вроде покойного Фролова; а я убеждён, что либерализм и даже республиканизм у нас часто принимают и должны принять именно эту форму – но я не вполне свободно отнёсся к нему – высказал излишнее уважение...» (Письма. Т. 13. С. 60). Тургенев прямо указывает на Фролова как на прототип «республиканца» Бабурина. Между тем, комментатор повести, цитируя письмо Тургенева, произвольно опустила ту его часть, где упоминается имя Фролова, что вводит в заблуждение исследователей и побуждает искать прообраз тургеневского героя среди других современников писателя. Среди прочих в числе прототипов называется имя французского друга Тургенева Луи Виардо.¹⁰

Размышляя над избранным типом, Тургенев помещает его в иные обстоятельства: перед нами бедный разночинец, неуклонно преданный своим убеждениям и нравственному долгу, покровитель слабых и угнетённых (как мы помним, у него нашли приют его товарищ, «убогий человек», Пунин и сирота Муза). Кстати сказать, нам удалось установить, что в начале 1850-х годов у Фролова в доме жили две воспитанницы.¹¹ Бабурин аттестуется как «республиканец», здесь

неволью вспоминается, что в кружке Грановского Фролова считали Катоню.

«Парамон Семёныч человек достойнейший, строжайших правил, из ряду вон! Ну, конечно, себя он в обиду не даст, потому – цену себе знает. Большими познаниями обладает сей человек – и не такое бы ему занимать место! С ним, мой миленький, надо обходиться вежливо, ведь он... <...> республиканец!» (Т. 9. С. 16). На этот раз Тургенев, кажется, собрал в своём герое все те черты Фролова, о которых говорилось ранее, изобразив их с достаточным уважением. Заметим, однако, что изображение Бабурина, увиденного глазами подростка, все-таки не лишено иронии и в конце концов определяется следующими словами: «Бабурин возбуждал во мне чувство враждебное, к которому, однако, в скором времени примешалось нечто похожее на уважение. И боялся же я его». (Т. 9. С. 16). Это сдержанное, по сути лишённое симпатии отношение автора к своему герою и почувствовал Анненков по прочтении повести, хотя и обвинил Тургенева в излишне серьёзном отношении к нему. Некоторая двойственность во взгляде Тургенева на Бабурина да и на Фролова, бесталанность которого порождала вокруг него особенную атмосферу пустоты и тягости, заставляет нас обратиться к воспоминаниям К.Н. Леонтьева о Тургеневе, где мемуарист рассказывает, как Тургенев, сравнивая Фролова с Боткиным, сказал: «Вот например – Фролов и Боткин. Ведь с точки зрения нравственного характера их и сравнить трудно. Фролов человек с убеждениями; ну а Василия Петровича вы знаете сами... Однако с ним весело, а Фролов наводит на меня такую невыносимую тоску, что мне кажется – свечи начинают ярче светить, когда он выходит из комнаты».¹²

Почему же на протяжении четверти века Тургенева так занимала личность его берлинского знакомого, и почему он не однажды пытался воплотить её в своих произведениях? Как видно, писатель считал этот тип не столь редким явлением и опасался, что со временем он может возобладать в России.

Примечания

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Худ. лит., 1983. С. 236.

2. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 5. С. 312. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и

страницы арабскими цифрами в скобках; ссылки на письма даются с пометкой: «Письма».

3. Сочинения Т.Н. Грановского. 4-е изд. М., 1900. С. 572–577.

4. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М.: Изд. «Правда», 1988. С. 252. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

5. Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). – Ленинград: «Прибой», 1929. С. 3.

6. Московский университет в воспоминаниях современников, 1755-1917. – М.: «Современник», 1989. С. 370.

7. «Современник», 1853 № 1. Отд. VI. С. 99.

8. Там же. С. 100.

9. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Дым» (публ. и послеслов. П. Уоддингтона) // Русская литература, 2000 № 3. С. 124.

10. Агунина М.Г. К вопросу о реальных источниках повести Тургенева «Пунин и Бабурин». И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л.: «Наука», 1982. С. 202–205.

11. Щепкин М.С. Жизнь и творчество. Т. 1. – М.: «Искусство», 1984. С. 232.

12. Леонтьев К.Н. Тургенев в Москве // Русский вестник, 1888 № 3. С. 268.

К 150-ЛЕТИЮ РОМАНА «РУДИН»

Тургеневская осень 2005 года прошла под знаком 150-летнего юбилея первого романа Тургенева. Этой дате была посвящена выставка в музее писателя, открывшаяся 15 сентября и получившая название «Дон-Кихоты в России». Авторам (Л.А. Балькова, Е.В. Проц) показалось интересным представить, хотя бы отчасти, родословное древо семьи российских Дон-Кихотов, чья жизнь стала источником разнообразных типов и сюжетов отечественной литературы. Один из первых таких типов и сюжетов предстаёт, на наш взгляд, на страницах романа «Рудин».

Вопрос о герое для романа, как известно, с особенной остротой встаёт перед Тургеневым в пору прощания с «Записками охотника». Первая проба пера в романном жанре терпит фиаско: сочинение в пятьсот страниц (роман «Два поколения») было брошено в огонь, как видно, из-за неудачи с главным героем. Следующий роман, хотя и был написан presto, за семь недель, предварительно долго обдумывался. Поиски романного героя сопровождались у Тургенева постоянными раздумьями над героем другого романа – Дон-Кихотом Сервантеса. История «рыцаря печального образа» не выходит у него из головы. Кажется, этот персонаж занимает русского писателя не без влияния его друга Луи Виардо, чей перевод «Дон-Кихота» на французский язык (вышел в 1836-37 годах) почитался лучшим в 19 веке. В 1853 году появилось его переиздание с иллюстрациями Т. Йоганно.¹ Летом того же года, в пору спасской ссылки, Тургенев, работавший над романом «Два поколения», писал П.В. Анненкову: «... если даже придется мне бросить этот роман – уже за то спасибо, что, по его милости, зима скоро прошла – а эту зиму – если я не буду его продолжать, примусь за перевод «Д<он>-Кихота», к которому я давно готовлюсь беспрестанным перечитыванием этого бессмертного романа – Сервантес стал для меня тем, чем, вероятно, стал для Вас Пушкин» (Письма – 2, 2, 243).² Весьма знаменательное признание! Целое десятилетие герой Сервантеса не оставляет Тургенева. Он и позднее возвращается к мысли взяться за перевод «Дон-Кихота». И, хотя этот замысел не был осуществлён, итогом его «беспрестанного перечитывания» бессмертного романа стало создание философского эссе «Гамлет и Дон-Кихот», в котором писатель

отдаёт пальму первенства герою Сервантеса. Сетую на отсутствие в России хорошего перевода Сервантеса, Тургенев пытается донести до читателя своё понимание его героя, и его трактовка отличается от известных характеристик многих предшественников и современников. К примеру, Белинский видел в Дон-Кихоте человека «без рассудка и такта действительности». В статье о «Тарантасе» В. Соллогуба (1845) он обрушился на ярких поборников застарелых идей, сравнив их с Дон-Кихотом, который под пером критика предстаёт «сумасшедшим, шутком, посмешищем людей».³ Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1851) использует образ Дон-Кихота, чтобы заклеймить «бывших вождей революции», «чьи средства устарели, ... знамёна истаскались и не всегда в боях, а больше на банкетах и демонстрациях».⁴ В полемических письмах «Концы и начала» (1862) Герцен, подхватывая полюбившееся сравнение, замечает, что самый тип Дон-Кихота революции, «доживающего свой век на хлебах своих внучат, разбогатевших мещан», деградирует: «... он не раз наводил на меня ужас и тоску», – признаётся лондонский изгнанник.⁵ Оба приятеля Тургенева – и Белинский, и Герцен – избирают имя Дон-Кихота, чтобы посмеяться над отживающими свой век политиками-реакционерами и «бывшими вождями революции». В этих характеристиках на первом плане – выпадение героев из настоящего времени, черты приживальщика, самодовольной прямолинейности. Для Белинского и Герцена образ Дон-Кихота, меняя свои очертания вместе с меняющимся временем, по сути, негативен. Не то у Тургенева – для него Дон-Кихот свят, он сочувственно отмечает в герое Сервантеса главные, незабываемые черты: «... он не заботится о себе, он весь самопожертвование <...> он верит, верит крепко и без оглядки. Оттого он бесстрашен, терпелив, довольствуется самой скудной пищей, самой бедной одеждой: ему не до того» (Соч. – 2, 5, 332).

Отмечено, что Тургенев наделил своего Рудина чертами Дон-Кихота.⁶ Кажется, образ знаменитого идадьго витал над создателем во все время его работы над «Рудиным».

Разумеется, в тургеневском герое читатель увидит отражение его времени. И всё же в его облике, манере мыслить, в его поступках и судьбе есть многое, что роднит его с рыцарем печального образа: то же одиночество, та же сосредоточенность на том, что он почитает идеалом, та же неуспокоенность и жажда подвига, вечные скитания и цепь поражений, изгнание отовсюду. Бесприютность и гибель, в конце концов, венчающая жизнь, исполненную самоотречения, це-

ломудрия и духовной свободы. Именно о ней говорит Рудин в своём напутственном слове Басистову; в миг расставания приводит он одно из наставлений Дон-Кихота: «“Свобода, <...> друг мой Санчо, одно из самых драгоценных достояний человека, и счастлив тот, кому небо даровало кусок хлеба, кому не нужно было быть за него обязанным другому”». (Соч. – 2, 5, 202). Именно свобода, духовная свобода, становится ключом к пониманию характера Рудина. Свобода вкупе с верой в идеал, с чувством гражданской ответственности (главные черты Рудина) на долгие годы определила нравственную позицию российского интеллигента. В этом смысле Рудин – первый в том ряду «людей культурного слоя», каковыми они предстали со страниц произведений русских писателей.

Запечатлевая в Рудине черты Дон-Кихота, Тургенев сделал акцент на героической судьбе своего героя, подчёркивая в ней черты высокой трагедии. В донкихотстве Рудина он указал на «высокое начало самопожертвования», которое не могли затмить известные недостатки, слабости и даже смешные стороны героя. Это героическое начало вступало в решительное противоречие с косной российской действительностью, которая не поспешила на тернии для героя. Рудин понимает, что у него не останется сил стать вровень с поставленной задачей, он совсем не чужд рефлексии, сомнений, неуверенности в себе. Что не мешает ему неуклонно идти к поставленной цели; он до последнего вздоха продолжает своё служение. Гибель на парижской баррикаде есть логическое завершение горестной, верной долгу жизни. Ярко вспыхивает в эти последние мгновения его способность на рыцарственное бесстрашие, на предельное напряжение всех сил перед лицом смерти, на безымянную жертву... Как не менее трагичен и «первый финал» романа, когда читателю в последний раз является образ бесприютного скитальца, смертельно уставшего, но не сломленного. Бескрайняя мгла поглощает его, но он равен, по крайней мере, этой поглощающей его силе, ибо до конца противостоит ей силой своего духа.

Думается, напрасно критики Рудина вменяли тургеневскому герою в вину его любовное фиаско: Дон-Кихоту не суждено в его странствиях, в его терпкой бобыльной судьбе испытать блаженство брака – он наверняка чувствовал это. Да и что мог предложить он Наталье?

У тургеневского романа нет счастливого конца, однако сам писатель в своём эссе о Гамлете и Дон-Кихоте поясняет, что не бес-

плодна была эта жизнь, отданная служению мечте: «... масса людей... кончает тем, что идёт, беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых она даже проклинала и преследовала, не боясь ни проклятий, ни даже её смеха, идут неуклонно вперёд, вперив духовный взор в ими только видимую цель, ищут, падают, поднимаются и, наконец, находят... и по праву <...>» (Соч. – 2, 5, 337).

Более двух веков образ Дон-Кихота занимает умы мыслителей и художников России. И немудрено: государство, в котором «человека берегут, как на турецкой перестрелке», зачастую стремилось подавить всякую самодеятельность, всякую свободную мысль. История явила немало примеров того, как сурово расправлялось оно с инакомыслящими – от Новикова и Радищева, этого «рыцаря совестливости» (Пушкин), до Пастернака и Солженицына. Так уж сложилось, что цепь российских Дон-Кихотов не прерывается – ни в жизни, ни в искусстве. В. Набоков верно подметил: «Мы могли бы представить Дон-Кихота и его оруженосца двумя маленькими силуэтами, которые трусят вдаль на фоне огромного горящего заката, а их гигантские чёрные тени, одна особенно вытянутая, простираются через равнину веков и добираются до нас».⁷

На выставке, посвящённой юбилею романа «Рудин», нам хотелось показать неистребимость племени «защитников благородства, страдания, чистоты и бескорыстия». Мы постарались, в ходе встреч на выставке, дополнить книжно-иллюстративный ряд живым словом и музыкой – с тем, чтобы замысел ярче предстал тем, кому предназначалась эта работа. Роману «Рудин» были посвящены и XV Тургеневские чтения.

Примечания

1. Zviguilsky A. Le “Don-Quichotte” de Cervantès et ses illustrations au temps de Louis Viardot // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1997, p. 25.

2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. – М.: «Наука», 1978–1986. Ссылки на это издание даются в тексте с пометой: «Соч.-2», «Письма-2», с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. – М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 141.

4. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 6. – М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 49-51.
5. Герцен А.И. Указ. соч. Т. 16. М., 1959. С. 149-151.
6. О сближении образа Рудина с Дон-Кихотом см.: Габель М.О. Творческая история романа «Рудин» // Лит. насл., т. 76, с. 53-54; Бельский В.С. «Рудин» И.С. Тургенева. Три этюда о главном герое // Уч. зап. Новозыбковского гос. пед. института, филол. науки. Т. 7. Смоленск, 1968. С. 84.
7. Набоков В.В. Из книги «Лекции о Дон-Кихоте» // Дон-Кихоты в России. – М.: «Рудомино», 2006. С. 201.

Дон-Кихоты в России

Каталог выставки

I. Пролог

1. Г. Доре. Битва с мельницей. Ил. к роману М. Сервантеса «Жизнь и приключения хитроумного идальго Дон-Кихота Ламанчского». С гравюры 1863 г.

II. Просветители

1. Н.И. Новиков. Литография с портрета работы неизвестного художника 2-й половины XVIII века.
2. А.Н. Радищев. С портрета работы неизвестного художника 2-й половины XVIII века. Типографская печать.
3. Н.М. Карамзин. С литографии Н. Брезе.
4. П.Я. Чаадаев (1796-1856). Литография с гравюры Стейффенга.
5. И.С. Тургенев. С акварели К. Горбунова. 1838-39 г.г.

Издания из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева

6. M. Servantès. Leben und Thaten des scharfsinnigen Edlen Don Quixote von La Mancha. Vol. I. Berlin, Gedrukt und verlegt bei G. Reimer, 1831.
7. Г.Б. де Мабли. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков / Переведено с франц.

[А.Н. Радищевым]. Ижд. Общества, старающегося о напечатании книг. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. – На переплёте тиснены инициалы И.И. Лутовинова, двоюродного деда писателя. На корешке, возможно, в целях маскировки, тиснено: «Романы». Перевод, выполненный молодым Радищевым, снабжён его же примечаниями. Примечание на с. 126 является, по сути, краткой политической статьёй, отразившей близость позиции Радищева взглядам философов-просветителей.

8. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Моск. Ун-те; изд. 2-е, вновь исправленное и в порядке хронологическом по возможности приведённое. Ч. 1. – М.: Тип. Типографич. комп., 1788-1791.

9. Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Т. IX. – Спб.: Ижд. книгопродавца Смирдина, тип. А. Плюшара, 1831.

10. П.Я. Чаадаев. Философические письма // Телескоп, 1836, ч. 34, № 13.

III. Рудин за книгой.

Издания из мемориальной библиотеки Тургенева

«Какие сладкие мгновенья переживала Наталья, когда, бывало, в саду, на скамейке, в лёгкой, сквозной тени ясеня, Рудин начнёт читать ей гётевского “Фауста”, Гофмана, или “Письма” Беттины, или Новалиса, беспрестанно останавливаясь, и толкуюя то, что ей казалось тёмным! <...> Рудин был весь погружён в германский романтический и философский мир и увлекал её за собой в те заповедные страны».

«Рудин» (Соч. – 2, 5, 249).

1. Burger. Leonore. Paris, 1841.

2. Novalis. Schriften. T.2. Herausgegeben von L. Tieck und F. Schlegel. Berlin, Verlag von G. Reiner, 1837.

3. G. W. F. Hegel. Encyclopedie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Heidelberg, Verztaltung der Osvaldschen Verlags, 1830. В книге рисунки и записи рукой Тургенева по-немецки: «Н. Станкевич умер 24 июня 1840 г.» и ниже: «Я познакомился с М. Бакуниным 25 июля 1840 г.»

4. J. W. Goethe. Wilhelm Meister. T. 2. Paris, J. Lefèvre et Cie, 1829. Книга с автографом В.П. Боткина.
5. T.A. Hoffmann. Contes et fantaisies. T.2. Bruxelles, L. Hauman et Cie, 1834.
6. Goete's Briefwoechfel mit einem Kinder. Berlin, 1837. С автографом И.С. Тургенева.

IV. Любовь и странствия Рудина

1. Кружок Станкевича. Фото с акварели А.Ф. Максимова. Конец XIX в.
2. В.А. Милашевский. Рудин в салоне Ласунской. Акварель. 1941.
3. Д.Б. Боровский. Рудин у раскрытого окна. Акварель. 1979.
4. А.М. Ратников. Рудин и Наталья в саду. Соус. 1951.
5. В.А. Милашевский. Свидание Рудина и Натальи у Авдюхина пруда. Акварель. 1941.
6. А.М. Ратников. Рудин – преподаватель гимназии. Соус. 1951.
7. Г.С. Волхонская. Лежнев и Рудин. Автолитография. 1983.
8. В.В. Домогацкий. Рудин на постоялом дворе. Гравюра. 1981.
9. Г.С. Волхонская. Тройка, мчащаяся по дороге. Ил. к роману «Рудин». Автолитография. 1972.
10. А.М. Ратников. Рудин на баррикаде. Соус. 1951.
11. А.И. Мищенко. «Беседка Рудина» в Спасском-Лутовинове. Литография. 1968.
12. Ивановский пруд в окрестностях Спасского, по преданию описанный в романе «Рудин». Фото В. Молчанова. 1960-е г.г.

В витрине – издания романа «Рудин» на английском (Лондон, 1984), болгарском (София, 1947), китайском (Шанхай, 1936), немецком (Рудольшадт, 1952), румынском (б/м, 1950), французском (Париж, б/г) языках.

V. В изгнании

1. Преподаватели Русского Богословского института В.Н. Ильин, А.В. Карташов, П.Ф. Андерсон, Л.А. Зандер, Вл. В. Вейдле, о.С. Булгаков, Н. Зернов, Г.В. Флоровский, о. Кассиан (С.С. Безобразов).
2. Вехи. Из глубин. – М.: «Правда», 1991.
3. П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. – М.: «Пресса», 1991.

4. И.А. Ильин. Что сулит миру расчленение России. – Новосибирск: «Русский архив», 1991.
5. Н.А. Бердяев. О назначении человека. – М.: «Республика», 1993.
6. С. Булгаков. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: «Республика», 1994.
7. Д. Мережковский. Вечные спутники. – М.: «Республика», 1995.

VI. Возвращение

1. А.И. Солженицын. Брянский фронт. С фото 1943 г.
2. А.И. Солженицын. Кок-Терек. В лагерных номерах. С фото 1954 г.
3. Б.Л. Пастернак. Доктор Жеваго. – М.: «Книжная палата», 1989.
4. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита // Москва, 1966, № 11.
5. А.А. Ахматова. Реквием. – М.: «Прогресс», 1999.
6. В.С. Гроссман. Жизнь и судьба. – М.: «Слово», 1999.
7. А.И. Солженицын. Архипелаг Гулаг. Ч. 1-2. – М.: «Книга, 1990.
8. Ю. Домбровский. Хранитель древностей. – М.: «Известия», 1991.
9. Л.К. Чуковская. Процесс исключения. – М.: «Новое время», 1990.
10. Александр Мень. Сын человеческий. – М.: «Протестант», 1992.

III

Вокруг Пуриневской энциклопедии

*Н.В. Самойлова в роли Кеттли.
С литографии XIX века.*

И.С.ТУРГЕНЕВ И АКТЕРЫ ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ (Александринский театр. Фрагмент)

Одно из первых впечатлений Тургенева от Александринского театра отозвалось в его «Литературных и житейских воспоминаниях». Говоря об ушедшей эпохе, «памятной в истории нашего духовного развития», он прежде всего вспоминал о первом представлении «Ревизора» Н.В. Гоголя на сцене Александринского театра 19 апреля (ст.ст.) 1836 года, на котором присутствовал. Как признавался Тургенев, он «...не понял значения того, что совершалось перед его глазами», но «по крайней мере много смеялся, как и вся публика».¹ Лишь спустя десятилетие Тургенев в полной мере оценил то, что свершил Гоголь: «...что же касается до Гоголя, то он сделал все, что возможно сделать первому начинателю, одинокому гениальному дарованию: он проложил, он указал дорогу, по которой со временем пойдет наша драматическая литература; но театр есть самое непосредственное произведение целого общества, целого быта, а гениальный человек все-таки один. Семена, посеянные Гоголем, – мы в этом уверены, – безмолвно зреют теперь во многих умах, во многих дарованиях; придет время – и молодой лесок вырастет около одинокого дуба...»² Так писал Тургенев в рецензии на драму С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова». Эту статью Тургенева, как и его критический отклик на трагедию «Генерал-поручик Паткуль» Н.В. Кукольника, объединяет стремление писателя вслед за Белинским не только развенчать «ложновеличавую» драматическую школу, но и помочь утвердиться на русской сцене реалистической драматургии.

Рецензии Тургенева касаются, казалось бы, лишь драмы, но, по существу, они резко критичны и по отношению к театральной практике, так как драматурги сознательно, уже заранее, как замечает Тургенев, представляют сцене «фигуры условные, впрочем, приспособленные к известным театральным эффектам, противоречащие самим себе, как неловкое исполнение противоречит задуманному намерению? Кто может наслаждаться литературным или художественным произведением, несмотря на то, что чувство истины в нем оскорблено, тот, разумеется, с нами не согласится; но мы пишем не для него».³ В этих

двух статьях Тургенев ни разу не упоминает имя В.А. Каратыгина – знаменитого трагика Александринского театра, в котором «ложнонеличавая» школа драматургии нашла своего идеального мастера сценического воплощения, но совершенно ясно, что критика Тургенева относится и к нему, ибо как писал в том же 1846 году А.А. Григорьев: «Классическая школа умрет с ее знаменитым представителем, потому что в нем сосредоточены ее живущие начала».⁴

Это отношение Тургенева отозвалось и в «Безденежье», сценах, написанных в 1845 году, а увидевших свет в журнале «Отечественные записки» №10 в 1846 году. Помещик Блинов, своеобразный степной «бог из машины» для совсем уже отчаявшегося героя, выбравшись из глуши в Петербург, обуреваем желанием приобщиться к высокому искусству: «Трагедью, того, мне трагедью подавай. Да, знаешь, русскую какую-нибудь, покрутей, знаешь, покрутей <... > Так ты трагедью-то мне покажи. Каратыгина мне покажи, слышишь?» Но широта натуры Блинова такова, что он желает полюбоваться и на цирковых «мамзелей», которые «<...> стоя на лошадях ездят».⁵ Аффектированная исполнительская манера Каратыгина как бы уравнивается тургеневским степняком с искусством езды цирковых «мамзелей» на лошадях стоя.

Более, как нам кажется, ни впрямую, ни косвенно тема трагика Александринской сцены в произведениях писателя не возникает, но созданный Тургеневым театр – последнюю пьесу «Вечер в Сорренте» он закончил 10 января 1852 года – это кроме всего и полное отрицание актерского искусства Каратыгина. Очень важно в этой связи вспомнить то, что писал Тургенев графине Е.Е. Ламберт 14 (26) октября 1859 года из Спасского: «Мне недавно пришло в голову, что в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, – только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни. Кто останавливается на поверхности (а таких много), тот часто и не подозревает, что он герой трагедии. Иная барыня жалуется на то, что у ней желудок не варит – и сама не знает, что этими словами она хочет сказать, что вся жизнь ее разбита. Например здесь: кругом меня все мирные, тихие существования, а как приглядишься – трагическое виднеется в каждом, либо свое, либо наложенное историей, развитием народа».⁶

Подобное понимание трагического, высказанное художником в 1859 году, но интуитивно осознаваемое им уже в начале 1850-х годов, потребовало от Тургенева и иной манеры драматургического

письма. Его последняя пьеса не увидела свет рампы и не появилась в печати, как нам кажется, не потому, что писателя больно ранили провалы «Безденежья» и «Где тонко, там и рвется», и не оттого, что ссылка прервала почти на два года его связь с театром, а из-за какого-то внутреннего, может быть, не до конца осознанного ощущения, что «Вечер в Сорренте» просто не может найти понимания ни у театра, ни у читателей. Как писал в начале XX века А.Р. Кугель: «Здесь все намек, все недоговоренность, ни одно слово не говорится в прямом в совершенно истинном его значении, но так, что о смысле его другом, не наружном, – надо догадываться. <...> И не только догадываться нужно нам, зрителям, но как будто это же нужно для самих действующих лиц. Что-то еще не оформилось, что-то еще бродит, что-то сонается и еще не сознано».⁷ «Вечер в Сорренте» стал для Тургенева своеобразным тупиком. Он больше не мог писать для сцены как прежде, а новая манера письма (внутреннее действие, подтекст) только бы углубила ту пропасть непонимания, которая уже возникла между ним и современным театром. Каратыгин к 1852 году становился прошлым, Тургенева-драматурга ждало понимание в будущем.

Летом 1855 года уже после смерти Каратыгина, затеявая вместе с Д.В. Григоровичем, В.П. Боткиным и А.В. Дружининым импровизированный спектакль в Спасском, Тургенев сам написал для представления пародию на трагедию В.А. Озерова «Эдип в Афинах». Текст ее не сохранился полностью, лишь небольшой отрывок приводит Д.В. Григорович в своих воспоминаниях. Судя по нему, Тургенев пародировал монолог Эдипа, обращенный к Полинику: «Коль смеешь, ты на мне / Останови свой взор / Зри ноги ты мои, / Скитавшись изъясленны; / Зри руки, милостынь / Прошеньем утомленны; / Ты зри главу мою, лишенную волос, / Их иссушила грусть, и ветер их разнес!»⁸ и т.д. Роль Эдипа сыграл сам Тургенев, Антигоны – Боткин. Это был своеобразный иронический отзвук спектаклей Спасского крепостного театра, на сцене которого звучали монологи героев Озерова, и, очевидно, в игре Тургенева также пародировалась манера Каратыгина, ибо Эдип – роль его репертуара. Спасский спектакль, разыгранный Тургеневым и его друзьями, – это и прощание с николаевской эпохой, одной из культовых фигур которой был Каратыгин.

Отрицание Тургеневым актерской манеры Каратыгина привело к тому, что в его устах имя актера на долгие годы стало нарицательным, когда он отвергал ту или иную творческую индивидуальность.

Откликаясь, например, на гастроли итальянского актера Э. Росси в России он писал А.Ф. Писемскому 5 (17) мая 1877 года: «<...> это не что иное, как итальянский Каратыгин с еще большей рисовкой и аффектацией».⁹

Память Тургенева сохранила и любопытный эпизод, дошедший до нас в записи Д. Садовского, об исполнении Каратыгиным поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» в 1850 году на концерте в зале Дворянского собрания в Петербурге: «Как сейчас помню его появление в роли чтеца «Медного всадника», во фраке и белом галстуке. Зачем уж он себе петровские прямые усы вывел при этом костюме – право не знаю. Это было так смешно. А чтение! Впрочем тогда так все читали и находили это прекрасным: известное оттенение, подчеркивание слов в стихах, соответственными жестами. «На берегу пустынных волн (слово «пустынных» протяжно) / Стоял он (крик) дум великих полн / и вдаль (движение рукой) глядел». При словах «утлый челн» лицо приняло выражение какое-то жалостное и в голосе та же нота. При словах «в тумане спрятанного солнца» опять жест правой рукой, которая как бы что-то прячет или втыкает в этот туман. И нравилось!»¹⁰

Насколько чуждо было Тургеневу актерское искусство Каратыгина, препятствовавшее проникновению на сцену Александринского театра произведений натуральной школы, настолько близок и дорог был писателю артистический дар Александра Евстафьевича Мартынова. Тургеневу были интересны поиски актером подлинной сути характеров своих героев, утверждение на сцене образа маленького человека с его сложным душевным миром. Проявившееся в водевильях, мелодрамах, а позднее в комедиях Тургенева, пьесах А.Н. Островского, драмах И.Е. Чернышева глубокое и серьезное понимание героев, воплощаемых Мартыновым, разрушало незыблемость пафоса имперского театра Каратыгина.

Водевиль шалил, озорничал, но в лучших своих образцах, благодаря виртуозному актерскому мастерству Мартынова, не только смеялся над человеческими пороками, но и пробуждал в зрителях сопереживание и сочувствие к малым мира сего. Водевиль исподволь подтачивал пьедестал «ложновеличаемого» искусства. Он взрыхлял театральную почву, давая возможность пробиться росткам драматургии Островского, Тургенева. Мартынов иной раз, как это было в драме П.П. Каменского «Великий актер или Любовь дебютантки», дерзал копировать сценическую манеру Каратыги-

на (Каратыгин играл знаменитого английского трагика Гаррика, а Мартынов скромного театрального ламповщика Тома). «Молясь на знаменитого Гаррика, в чьем театре служил, Том выучил его роли и постоянно декламировал монологи из Шекспира, подражая своему кумиру <...> Мартынов не позволял себе прямой пародии, но в иные моменты так походил на Каратыгина, что зрители, хорошо знавшие «оригинал», веселились вовсю, вдруг обнаруживая у худенького, подвижного Тома жесты, приемы, повадку рослого петербургского трагика».¹¹

Тургенев сочувственно относился к стремлению Мартынова уйти от амплуа чистого комика, к его желанию выразить себя в ролях более сложных и драматических, внимательно следил за развитием его таланта. Писатель чувствовал в актере соратника в утверждении правды жизни на подмостках императорского театра. И Мартынов сумел себя проявить как умный и глубокий актер в комедиях драматурга. Он сыграл пять ролей в четырех сценах и комедиях Тургенева. Это понятная и привычная для актера роль слуги Матвея в сценах из петербургской жизни молодого дворянина в «Безденежье» (1852). Сыграна она была Мартыновым не в водевильной традиции (каких только слуг он не переиграл), а через опыт работы над ролью Осипа в гоголевском «Ревизоре». Оттого и результат оказался отменным. Анонимный рецензент был лаконичен: «Г-н Мартынов прекрасно сыграл слугу».¹² Дважды в 1850–52 гг., а затем при возобновлении в сезоны 1855 и 1857 гг. Мартынов блистательно сыграл роль Мирволина в «Завтраке у предводителя». После премьеры рецензент с восторгом писал: «Вот господин Мартынов – живая натура! Его костюм, мимика, походка: ну, право, будто бы видел где-то такого уморительного господина. На него нельзя было смотреть без смеху, хотя роль его была почти бессловесная».¹³ Через несколько лет после возобновления комедии на петербургской сцене этому отзыву вторила А.Я. Панаева: «Мартынов, у которого вся роль состояла из двух-трех фраз, сделал из нее первую роль, такая замечательная мимика была у него в каждом движении, в каждом взгляде. В этой бессловесной роли он показал, как был велик его сценический талант».¹⁴ На репетициях при возобновлении «Завтрака у предводителя» присутствовал сам автор и был раздражен грубой шаржировкой в работе исполнителей главных ролей. Об этом эпизоде Тургенев не оставил свидетельств, как и об исполнении роли Мирволина Мартыновым. Но скорее всего игра Мартынова не вызвала у Тургенева

отрицательных эмоций, а успех спектакля, премьеру которого он видел, несколько примирил его с игрой других актеров.

11(23)февраля 1851 года Тургенев присутствовал на четвертом представлении комедии «Провинциалка» в Александринском театре. В письме Е.М. Феоктистову от 16(28) февраля того же года он, делясь впечатлениями о виденном спектакле, заметил: «Мартынов хорош – но не знает роли».¹⁵ Тургенев, необычайно требовательный к слову, Мартынову многое прощал, поэтому этот лаконичный отзыв об игре актера можно считать благожелательным. Вероятно, импровизационность игры Мартынова восхитила писателя. К тому же он знал о житейских невзгодах актера, о склонности Мартынова к спиритному, но был снисходителен к нему, вновь и вновь восхищаясь его талантом.

В конце 1851 года в перечень исполнителей своей комедии «Где тонко, там и рвется» на первом листе черновой рукописи Тургенев внес фамилию Мартынова, очевидно, отдавая ему роль Владимира Петровича Станицина. К огорчению автора Станицина сыграл не Мартынов, а Смирнов 1-й.

Тургенев был за границей, когда Щепкин 14 октября 1849 года на сцене Александринского театра в свой бенефис сыграл Мошкина в комедии «Холостяк». Роль Шпуньдика в этом спектакле с блеском исполнил Мартынов. «Он задумал и разыграл эту роль с большим умом. С первого взгляда Шпуньдик кажется вам чудачком, но проходит несколько минут – и вы к нему привыкаете, даже любите его; под смешной мешковатой наружностью в нем виден человек доброй души».¹⁶ Так писал об игре Мартынова критик, подписавший рецензию инициалами «Вл. Ч.» в журнале «Отечественные записки». Щепкин и Мартынов создали в этом спектакле дуэт необычайно высокого духовного единения, традиция которого отозвалась позднее в дуэте В.Н. Давыдова (Мошкин) и К.А. Варламова (Шпуньдик) на сцене Александринского театра в 1882 году, незадолго до кончины драматурга. Тургенев об успехе спектакля 1849 года узнал из журнальных статей и, может быть, из отзывов друзей.

Вершиной в тургеневском репертуаре Мартынова стала роль Мошкина в комедии «Холостяк», которую он сыграл в 1859-60-х годах в Петербурге и на гастролях в Москве. Тургенев отдал всю заслугу актеру в создании этого образа, всячески преуменьшая свою роль как автора, утверждая, что Мартынов «<...> перед самым концом своей блестящей, слишком рано прерванной карьеры, превра-

тил, силою великого дарования, бледную фигуру Мошкина (в «Холостяке») в живое и трогательное лицо».¹⁷

Тургенев внимательно следил за развитием творческого дарования актера. Его восхитила работа Мартынова в роли купца Боярышников в спектакле по пьесе И.Е. Чернышева «Не в деньгах счастье». Он испытал настоящее зрительское потрясение, о котором писал П. Виардо: «Кстати о театре, наш великий комик Мартынов (уверяю вас, что он достоин так именоваться) недавно с большим успехом попытался выступить в роли почти трагической; я не мог удержаться, чтобы не пойти расцеловать его в его ложе; это было поистине откровением».¹⁸ 2 (14) февраля 1859 года, сожалея, что Л.Н.Толстой не может приехать в Петербург, Тургенев писал: «Мартынов на днях создал удивительную роль (не комическую) в новой пьесе Чернышева «Не в деньгах счастье». Стоит приехать из Москвы посмотреть это».¹⁹

Писатель сблизился с актером. Их отношения стали доверительными и дружескими. Тургенев был одним из организаторов обеда в честь Мартынова, который дали петербургские литераторы 10 (22) марта 1859 года, перед отъездом заболевшего актера на лечение за границу. Письмо Тургенева к Мартынову с приглашением на торжество подписано тепло и коротко: «Приятель Ваш Ив. Тургенев».²⁰ Актера приветствовали А.Н. Островский, Н.А. Некрасов, А.В. Дружинин. Ему преподнесли адрес с автографами всех присутствовавших литераторов и альбом с их портретами, а Тургенев и М.Е. Салтыков-Щедрин увенчали Мартынова лавровым венком.

К сожалению, болезнь не дала возможности Тургеневу увидеть Мартынова в роли Тихона в драме А.Н. Островского «Гроза», в сценическом шедевре артиста. Наверное, в воплощении этой роли отозвался весь актерский опыт, накопленный Мартыновым, и, прежде всего, в тургеневском репертуаре, вершиной которого был образ Мошкина.

Тургенева не было среди провожавших актера в последний путь, он находился за границей. 10 октября 1860 года в помещении Мариинского театра в Петербурге состоялся спектакль в пользу вдовы и сирот Мартынова с участием всех трупп: русской (драматической, оперной и балетной), французской, итальянской, немецкой. Первым спектаклем в программе был «Завтрак у предводителя» И.С. Тургенева.

Писатель был одним из тех, кто выступил с предложением открыть подписку на памятник Мартынову. Ко второй годовщине со

дня смерти актера его установили на могиле Мартынова на Смоленском кладбище. Память о Мартынове никогда не оставляла Тургенева. Узнав о смерти французского актера Фредерика Леметра, он писал П.В. Анненкову 16 (28) января 1876 года: «Он да Мартынов – самые гениальные актеры, которых я видывал».²¹ Незадолго до смерти Тургенев в письме к В.Н. Давыдову от 1 (13) февраля 1882 года, выражая актеру признательность за исполнение роли Мошкина на сцене Александринского театра, вновь вспоминал Мартынова, надеясь, что Давыдову на театральных подмостках «...суждено занять до сих пор не замененное место нашего славного Мартынова».²²

Избрав путь драматурга, Тургенев постепенно стал человеком театра, и постепенно осознал, как много для успеха пьесы зависело от актерского мастерства. В конце 40-х – начале 50-х годов он в вечном поиске артистов, которые могут вдохнуть жизнь в созданные им образы. Тургеневу важен артист, который может задать верную тональность разыгрываемому действию, силой своего таланта воздействует на партнеров и своеобразно режиссирует действие. Таким актером для него стал М.С. Щепкин. В расчете на его гениальный артистический дар он написал «Нахлебника», «Холостяка», отдал ему для бенефиса «Провинциалку». Но это в Малом театре, а в Александринском ему дорого и близко искусство А.Е. Мартынова, Ю.Н. Линской, позднее П.В. Васильева.

Более противоречиво и неоднозначно сложились отношения Тургенева с сестрами Надеждой Васильевной и Верой Васильевной Самойловыми и с их братом Василием Васильевичем Самойловым, занимавшими особое место на Александринской сцене. Как писал биограф Самойловых, сестры «были обаятельны, легки, изящны, чужды бытовых красок» на сцене. В жизни «их отличал хороший тон, умение одеваться со вкусом, а также дух благовоспитанности и неприступности. Они до такой степени соблюдали «приличия», что партнером обеих в любовных сценах мог быть только брат».²³

В.В. Самойлов «безупречно владел актерской техникой, в любой роли с одинаковой легкостью достигал внешней убедительности, вписывался в любой стиль, прежде всего заботясь об облике персонажа, о выразительных характерных черточках, деталях».²⁴ Он жил на широкую ногу, держался в театре барином. Тургенева познакомил с актером И.И. Панаев в сентябре – начале октября 1850 года. В это время писатель работал над комедией «Провинциалка», собираясь закончить ее к бенефису Н.В. Самойловой. Сохранился лишь черно-

вой набросок письма Тургенева к актрисе, относящийся к октябрю 1850 года. Он писал: « <...> я имел не раз удов <ольствие> видеть Вас на театре – и был бы очень рад написать для Вас и вашего брата одноактную комедию, которой план уже составлен мною и даже первые сцены написаны. Смею надеяться, что Вы бы не отказались от Вашей роли; но будучи в неизв <естности> от <носителю> <?> дня Вашего бенефиса, не могу приняться за работу, сов<ершенно> <?> не зная, успею ли ее окончить. И потому прошу Вас, если Вы согласны на мое предложение – уведомить меня, когда именно будет В<аш> бенеф<ис> и позвольте мне увидеться с Вами и В<ашим> б<ратом>, с кот<орым> поз<накомил> меня г.Панаев <?> для сообщения и обсуждения плана». ²⁵ Вряд ли Самойловы отказали Тургеневу в визите. Очевидно, он состоялся, и обе заинтересованные стороны пришли к согласию, тем более что роль Дарьи Ивановны и роль графа Любина, наверное, заинтересовали сестру и брата. Возможно тогда же писатель познакомился и с В.В. Самойловой.

Тургенев был уверен, что Надежда Самойлова сыграет Дарью Ивановну, и специально для нее усложнил музыкальную партитуру роли в расчете на незаурядные вокальные данные актрисы: ввел дуэт графа Любина и героини. Но то ли Самойлова испугалась сложной драматической роли (все же она более привычно чувствовала себя в водевиле), то ли театральная контора распорядилась, но на бенефисе 22 января 1851 года Дарью Ивановну сыграла Вера Самойлова, которая была не столь музыкальна, как ее сестра. Пришлось дуэт заменить сольным пением графа Любина.

Тургенев не присутствовал на премьере «Провинциалки», но видел один из следующих спектаклей. Хотя он писал роль графа Любина для Василия Самойлова, но не пришел в восторг от игры актера, отдавая предпочтение другому исполнителю, сыгравшему графа Любина на сцене Малого театра, С.В. Шумскому. В письме к Е.В. Феоктистову от 16 (28) февраля 1851 года Тургенев высказался достаточно определенно: «Самойлов гораздо ниже Шумского. <...> У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная». ²⁶ Очень сдержано и кратко в том же письме он отозвался об исполнительнице роли Дарьи Ивановны: «Самойлова очень мила». ²⁷ И не более. Скорее всего, петербургский спектакль его не порадовал. Еще более он был раздражен неуспехом на Александринской сцене комедии «Где тонко, там и рвется». Хотя Самойлову в роли Веры критики хвалили, Тургенев достаточно тяжело пережил неудачу.

После этого краткого сближения с артистической семьей Самойловых писатель более не связывал с ней никаких творческих планов, тем более что скоро закончил свою деятельность драматурга. С театром расстались и сестры Самойловы. В 1853 году вышла замуж Вера и покинула сцену, а в 1859 оставила сцену и Надежда.

Позднее Вера Самойлова изредка играла в любительских спектаклях. 8(20) февраля 1856 года Тургенев писал В.П. Боткину: «Третьего дня я был на генеральной репетиции «Чиновника», пьесы Соллогуба. Вера Самойлова очень была мила. Искусственна до конца ногтей, – но и сама пьеса искусственна, точно написана для Gumpase, с добродушным полковником, комическим лицом, великодушным *jeune premier* и кокетливой вдовой».²⁸ Тургенев не только иронизировал по поводу благонамеренно-обличительной пьесы Соллогуба, но и актерской манерности Веры Самойловой, да и над спектаклем, который был не более чем салонной затеей. Так в последний раз он видел актрису уже на домашней сцене.

В 1860 году Тургенев в письме к Н.А. Некрасову мельком отметил, что Вера Самойлова не «хочет читать», т.е. отказалась от участия в первом вечере в пользу Литературного фонда, состоявшемся 10 (22) января 1860 года.²⁹ Но 18 (30) апреля того же года актриса в любительском спектакле Литературного фонда сыграла Дарью Ивановну в «Провинциалке». Роль графа Любина была предложена Тургеневу, но он уклонился от участия, тем более что 19 апреля (1 мая) писатель должен был читать первую лекцию «О Пушкине и о влиянии его на нашу литературу и общество» в пользу Литературного фонда. И графа Любина представил на сцене зала Руадзе в Петербурге литератор П.И. Вейнберг. Более имена сестер Самойловых в письмах Тургенева не упоминаются.

В отличие от сестер Василий Васильевич Самойлов продолжал работать в Александринском театре. В его репертуаре какое-то время сохранялась роль Балагалаева в тургеневском «Завтраке у предводителя», которую он сыграл на премьере в бенефис П.А. Каратыгина. Он был первым исполнителем роли Жазикова в «Безденежье» Тургенева. Самойлов – неизменный граф Любин на протяжении почти четверти века при всех возобновлениях «Провинциалки». Последний раз он вышел в этом образе на сцену в свой бенефис в 1875 году, приуроченный к сорокалетию его творческой деятельности.

Лишь однажды Самойлов не решился выступить в тургеневской пьесе. Ему предложили роль Кузовкина в комедии «Нахлебник»,

которую выбрала для своего бенефиса Ф.А. Снеткова. Спектакль состоялся 7 февраля 1862 года, но без Самойлова. Актер отказался от роли «и, вероятно, потом раскаялся, когда увидел – как великолепен был в ней Васильев 2-й» – заметил А.И. Вольф в «Хронике петербургских театров».³⁰ Вряд ли Самойлов раскаялся, скорее всего он понимал, что сыграть Кузовкина для него слишком сложная задача, требующая не просто искусной передачи внешней характеристики, но углубленного психологического решения роли.

Отношения писателя с артистическим семейством Самойловых не особенно помогли утверждению драматических произведений Тургенева на сцене, за исключением, пожалуй, «Провинциалки», которая прижилась, и театр вновь и вновь продлевал ее сценическую жизнь. Но в отзыве драматурга на виденный им спектакль чувствовалось плохо скрываемое разочарование от исполнения Верой и Василием Самойловыми главных ролей, которые были сыграны ими в привычной для них комедийной манере. Скорее всего трагикомическое звучание, несмотря на плохое знание текста, отозвалось лишь в игре Мартынова (Ступендьева).

Последняя комедия, в судьбе которой на театральной сцене Тургенев-драматург принимал относительно деятельное участие, – это «Нахлебник». Узнав о разрешении пьесы для постановки, последовавшей после тринадцатилетнего запрета, и о том, что ее избрали для своих бенефисов М.С. Щепкин в Малом театре и Ф.А. Снеткова в Александринском, писатель просил П.В. Анненкова, «чтобы «Нахлебника» не давали без прибавочной сцены в 2-м акте».³¹ [Сцена разговора Елецкого с Кузовкиным, в которой тот обвиняет старика в вымогательстве и т.д. – Е.П.]

К огорчению Тургенева, и в Москве, и в Петербурге спектакли играли без этой сцены, так как на нее не было отдельного цензурного разрешения. А письмо актера Александринского театра Ф.А. Бурдина писателю, в коем он изъявлял желание играть главную роль, вообще вызвало возмущение драматурга, не признававшего в артисте особого таланта: «Мне кажется – Бурдин черт знает что сделает из этой роли», – писал он Анненкову.³² Тургенев находился в предчувствии провала и жаловался А.А.Фету: «Что же касается до представления моего «Нахлебника», то это одно из тех несчастий, которые могут случиться со всяким порядочным человеком. Воображаю, что это будет за мерзость! – И пьеса, и исполнители ее одинаково достойны друг друга».³³ И хотя вместо Бурдина Кузовкина сыграл

П.В.Васильев, исполнение которого, как и Щепкина в Москве, критика оценила положительно, Тургенев, не увидев эти спектакли, (он был в это время за границей) воспринял всю эту историю, как окончательно провальное завершение своей карьеры драматурга, тем более, что «Нахлебник» вскоре сошел со сцены. Писатель остался взыскательным зрителем и критиком, но более в театральную практику не вмешивался, поддерживал достаточно добрые отношения с актерами петербургского и московского театров. И прежде всего с первым исполнителем роли Кузовкина в Петербурге.

Мы не располагаем сведениями о том, когда состоялось знакомство Тургенева с Павлом Васильевичем Васильевым. Совершенно очевидно лишь то, что произошло оно после того, как в 1860 году актер был принят на сцену Александринского театра на роли временно ушедшего А.Е. Мартынова. Именно Мартынов первым обратил внимание на незаурядный актерский талант Васильева, когда гастролировал по провинции (Харьков. 1855г.). Вероятно, имя Мартынова, гениальность которого осознавали и Тургенев, и Васильев, способствовало их дружеским отношениям, длившиеся более чем десятилетие.

Тургенев с симпатией относился к творческим поискам Васильева. Неудовлетворенность своим положением в театре, тяга к ролям трагедийного звучания заставляли актера искать выход в самостоятельной работе вне профессиональной сцены. Он подготавливал и исполнял в дружеском кругу те роли, которые ему не удалось сыграть в Александринском театре. Тургенев был одним из заинтересованных и благодарных ценителей таланта Васильева. Сохранилось одно письмо писателя к актеру от 17 февраля(1 марта) – 3 (15) марта 1871 года: «Надеюсь, что Вы будете свободны в этот день, и обещаю себе заранее великое наслаждение от Вашего мастерского чтения».³⁴

Тургенев проявлял искренний интерес также к творчеству и других актеров Александринки.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т.11. – М.: Наука, 1983. С. 15.
2. Тургенев И.С. ПССиП, С (2), т.1. С. 237.
3. Там же. С. 27.

4. Григорьев А.А. Театральная летопись. Прилож. к журналу «Репертуар и Пантеон», 1846, № 8. С.38.
5. Тургенев И.С. ПССиП, С (2), т.2. С. 69.
6. Тургенев И.С. ПССиП, С (2), т.4. С. 98.
7. Кугель А.Р. Русские драматурги. – М.: Мир, 1934. С.73.
8. Озеров В.А. Сочинения. 5-е изд. Ч.1. СПб,1828. С.53.
9. Тургенев И.С. ПССиП, П, т.12, кн.2. С.156.
10. Русское Прошлое, 1923, кн.III. С.106.
11. Золотницкая Т.Д. Мартынов. – Л.: Искусство, 1988. С.56.
12. Отечественные записки, 1852, №2, отд.VIII. С.165.
13. Библиотека для чтения, 1850, №1, «Новости петербургской сцены». С.106.
14. Панаева (Головачева) А.Я. Из воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1. – М.: Худож. лит., 1983. С. 126.
15. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т.2. С.92.
16. Вл.Ч. Отечественные записки, 1849, №11, отд. VIII. С.159.
17. Тургенев И.С. ПСС и П, С (2), т.2. С.481.
18. Тургенев И.С. ПСС и П, П (2), т.4. С.406.
19. Там же. С.16
20. Тургенев И.С. ПССиП, П(2), т.4. С. 22.
21. Тургенев И.С. ПССиП, П, т.11 С. 200.
22. Там же, т.1, кн. 1. С.192.
23. Золотницкая Т.Д. Мартынов. С. 114.
24. Там же. С.115.
25. Тургенев И.С. ПССи П, П(2), т.2. С. 66.
26. Там же. С. 92.
27. Там же. С. 92.
28. Там же, т.3. С.81.
29. Там же, т.4. С.138.
30. Вольф А.И. Хроника петербургских театров. Ч. III С. 23.
31. Тургенев И.С. ПССиП, П (2), т. 4. С. 389.
32. Там же, т.5. С.10
33. Там же, т.5. С.12.
34. Тургенев И.С. ПССиП, П (2), т.11. С.42.

ТУРГЕНЕВ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ САЛОНЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

Где бы ни жил Тургенев, где бы ни странствовал – всюду он оказывался в местах, где концентрировалась художественная мысль его времени: будь то салон Виельгорских или салон госпожи Абаза в Петербурге, парижский салон Виардо или «Общество русских художников в Париже», литературный «кружок пяти» или Литературный фонд, образованный при участии Тургенева.

Жизни этих художественных кружков Тургенев придавал огромное значение и сам отдавался им всей душой: он проявлял неподдельный интерес к их деятельности, принимал в ней непосредственное участие, часто оказывал материальную помощь. И всё-таки на первом месте у Тургенева был собственный интерес художника. Там писатель ощущал особенное настроение, особенный ритм, интонацию – эти впечатления помогали в его художественном творчестве. Там происходили интересные, порой знаменательные знакомства. Нам хотелось бы начать разговор о художественных кружках той поры с рассказа о петербургских знакомых Тургенева – музыканте А.Ф. Львове и художнике М.А. Зичи.

1. Алексей Фёдорович Львов

И.С. Тургенев, близкий друг П. Виардо и тонкий ценитель музыки, регулярно посещавший музыкальные салоны Петербурга, конечно, не раз встречался с одним из лучших музыкантов России – Алексеем Фёдоровичем Львовым.

Алексей Фёдорович Львов (1798–1870) – крупный музыкальный деятель XIX века, талантливый композитор и скрипач, директор придворной певческой капеллы.

Музыкальная слава Львова началась с сочинённого им в 1833 году национального гимна на текст В.А. Жуковского «Боже, Царя Храни!», немного позже он стал известен и как автор опер «Бьянка и Гвальтеро», «Ундина», «Кружевница», а также духовно-музыкальных сочинений «Иже херувимы», «Вечери Твоя таенные» и других.

К церковной музыке Алексей Фёдорович проявлял особый интерес: на протяжении многих лет он занимался собиранием древних церковных напевов и оставил потомкам значительное наследие в этом музыкальном направлении.

С ранних лет Львов проявлял большие способности к музыке. Девятилетним мальчиком он играл на скрипке перед публикой и вызывал единодушные рукоплескания. Однако родители определили его на учёбу в институт инженеров путей сообщения. По окончании института молодой человек более двадцати лет находился на военной службе: он строил мосты и дороги, сопровождал императора Николая I в поездках по России и чужим краям, командовал конвоем Его Величества – и, несмотря на всё многообразие его деятельности, он всегда находил время на занятия музыкой. Учителями Львова были Кейзер, Витг, Шмидекс, Лафон, Миллер, Фукс, Цейнер. Он проявил себя как талантливый ученик, постигший все тонкости музыкального мастерства. Вскоре Львов сам стал учителем: он написал классы для образования русских артистов, для малолетних певчих и спавших с голосов – «О пении в России» (1834 г.), «О свободном и несимметричном ритме» (1858 г.), а также школу обучающихся на скрипке – «Советы начинающему играть на скрипке» (1859 г.). По книгам Львова обучались не только русские артисты, ими руководствовались многие консерватории Европы: Вены, Лондона, Берлина, Брюсселя, Флоренции и других.

Одним из лучших в Европе считался певческий хор А.Ф. Львова, исполнительскую часть которого он довёл до высшей степени совершенства. Вена, Дрезден с восхищением рукоплескали русскому композитору, первым поставившему на европейских сценах свои оперы. Роберт Шуман в Лейпцигской газете «*Neue Festschrift für Musik*» (1840) писал: «Если в России играют на скрипке так, как играет г. Львов, то нам надлежит туда ехать не учиться, а учиться».¹

В Петербурге, в доме Львова на Караванной улице, регулярно проходили музыкальные вечера с содействием придворного хора, в которых нередко участвовали первейшие таланты Европы: Плейель, Вьетан, Серве, Рубини, Тамбурины, Росси, Лаблаш, Виардо.

«У нас много всяческих приятных знакомств, – писала Полина Виардо Ж. Санд 18 ноября 1843 года в свой первый приезд на гастроли в Россию. – Среди любителей есть и подлинные артисты. Таковы Львов, Виельгорский, которого Шопинэ, конечно, знает».² В знак дружбы и уважения к русскому композитору П. Виардо подарила ему первый

альбом своих романсов с надписью: «Генералу-маэстро Алексею Львову, сердечное воспоминание о Полине Виардо» С.-Петербург 1 января 1844 г.»³ (Экземпляр этого издания 1843 года хранится в экспозиции музея И.С. Тургенева). Тогда, в театральный сезон 1844 года, Полина Виардо выступила в опере А.Ф. Львова «Бьянка и Гвальтерро».

Тургенев, посещавший все концерты с участием Виардо, конечно, присутствовал на представлении этой оперы. Также Иван Сергеевич имел возможность встречаться с Львовым в салоне Виельгорских. Вот почему портрет А.Ф. Львова – столь значительной фигуры XIX века в музыкальной жизни России – представлен в экспозиции музея И.С. Тургенева.

II. Михаил Александрович Зичи

3 марта (19 февраля) 1871 года в Петербурге, в большой зале Демута состоялось представление литературно-артистического общества. Об этом событии Тургенев писал Полине Виардо 6 марта 1871 года: «Состоялось третьего дня открытие литературно-артистического кружка, о котором, кажется, я вам писал и идея которого принадлежит Рубинштейну. Выбрали комитет из 8 членов, которому поручено выработать нечто вроде проекта еженедельных собраний. Я стал очень популярен в Петербурге: вкусы публики изменчивы» (Письма, IX, 40-41). Иван Сергеевич являлся одним из организаторов этого общества, а в состав комитета вошли писатели П.В. Анненков и П.Д. Боборыкин, композиторы А.Г. Рубинштейн и М.А. Балакирев, актёры В.В. Самойлов и В.И. Васильев, живописцы Н.Н. Ге и М.А. Зичи.

Михаил Александрович Зичи (1829–1906) – венгерский рисовальщик и живописец, ученик Ф.Г. Вальдмюллера, автор картин «Распятие», «Спасительная лодка», «Монахи». В 1847 году он был приглашён Великой княгиней Еленой Павловной в Петербург для обучения живописи Великой княжны Екатерины Михайловны. В 50-е годы Зичи занялся ретушированием и перерисовкой портретов в первой и единственной в Петербурге фотографии Венингера. Тогда он становится известным иллюстратором произведений великих русских и зарубежных писателей: М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, В. Шекспира, И.В. Гёте, Дж. Г. Байрона, А. Дюма и других.

В своих акварелях он воспроизводил значимые исторические события России того времени. За серию картин, посвящённых корона-

ции императора Александра II, Петербургская академия художеств присудила М.А. Зичи звание академика. На одной из картин этого ряда, представленной в экспозиции музея И.С. Тургенева, изображён военный парад, который с энтузиастическим видом приветствует возвышающаяся фигура Тургенева в окружении коллег по литературному цеху: Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, Д.В. Григоровича, И.И. Панаева, И.А. Гончарова и других. Смысл картины Зичи прозрачен – передовая русская литература приветствует с надеждой начало нового царствования.

По-видимому, ещё тогда, в середине 50-х годов, Зичи лично знал всех перечисленных выше литераторов и в 1871 году вошёл в Комитет литературно-артистического общества как человек, внесший вклад в популяризацию их имён.

Примечания

1. Всемирная иллюстрация. Т. V. – С.-Петербург. Изд. Германа Гоппе, 1871. С. 63.

2. Розанов А. Полина Виардо-Гарсиа. – Л.: «Музыка», 1982. С. 40.

3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Изд. 1-е. – М.-Л.: «Наука», 1960-1968. Письма. Т. I. М.-Л., 1961. С. 554. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами; ссылка на письма даётся с пометой «Письма».

**«САМЫЙ ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВРЕМЕННЫЙ
ПИСАТЕЛЬ...»
(М. ГАРТМАН О И.С. ТУРГЕНЕВЕ)**

Безусловно справедливо замечание исследователя творчества И.С. Тургенева Н.П. Генераловой, что «лирическое обаяние личности и таланта И.С. Тургенева, блестящая образованность, неизменная благожелательность обеспечили ему уникальное место в истории русско-европейских отношений».¹

Связи писателя с западноевропейской литературой и общественной жизнью укрепляются и расширяются во время его путешествий и пребывания за границей в конце 1850-х годов.

Об этом свидетельствует, в частности, сближение И.С. Тургенева с Морицем Гартманом (1821–1872), австрийским поэтом, переводчиком, публицистом, журналистом буржуазно-демократического направления. После поражения революции 1848 года в Германии и Австрии, участником которой он был, М. Гартман четырнадцать лет жил в эмиграции.

М. Гартман был известен в России: имя его упоминалось в передовых русских журналах – «Современнике» и «Русском слове», в период Крымской войны он был военным корреспондентом «*Kelnische Zeitung*» и его сообщения были отмечены в «Современнике»; стихи Гартмана, начиная с 1859 года, переводились на русский язык М.Л. Михайловым и А.Н. Плещеевым. Он находился в дружеских отношениях с А.И. Герценом, М.И. Бакуниним, И.С. Тургеневым, Н.И. Тургеневым, Н.И. Трубецким. В 1857 году по материалам своих русских друзей в имении Н.И. Трубецкого Бельфонтен близ Парижа он написал рассказ «*Der Verbaunte*» («Ссылный»), в свой сборник «*Merchen und Geschichten aus Osten und Westen*»² писатель включил переводы русских народных сказок.

С И.С. Тургеневым М. Гартман особенно сблизился в конце 1856 года, встречался с ним в 1860-х годах в Баден-Бадене и Штутгарте. Гартман перевёл на немецкий язык роман Тургенева «Дым» (перевод напечатан в «*Allgemeine Zeitung*»³ 10 апреля–10 июля 1868 года), рассказы «Муму», «Уездный лекарь», «Постоялый двор», «Пётр Петрович Каратаев», «Дневник лишнего человека», «Яков

Пасынков», «Три встречи» и другие. Журнальные статьи Гартмана 1864 и 1868 годов познакомили немецкую общественность с жизнью и творчеством Тургенева. Своему переводу «Муму», в частности, Гартман предпослал биографическое предисловие,⁴ в котором заявил, что И.С. Тургенев получил в России признание, как самый выдающийся современный писатель и что «появление каждого его произведения является событием громадного литературного и общественного значения». «Записки охотника» Гартман отметил как «замечательную книгу, единственную в своём роде, богатую мастерскими описаниями природы, исполненную новизны и поэзии, книгу, которая, как никакая другая, правдиво отражает сокровенные глубины русской жизни... В очерках, новеллах и романах Тургенева поэт и социальный писатель, художник и бытописатель, сочувствующий человек и наблюдатель слились и сплывались так, как мы не встречали ни у одного современного писателя, не исключая даже лучших английских авторов» (Freya, 4 Jahrg, 1864, с. 65–72).

В письмах к Гартману Тургенев много внимания уделяет переводу своих произведений на иностранные языки, высоко оценивает переводы Гартмана: «То, что Вы меня переводите, – для меня честь и радость» (письмо от 7 января 1868 года); по поводу перевода рассказа «Яков Пасынков» – «он так хорош, как только можно пожелать» (2 февраля 1868); романа «Дым» – «мне хочется расцеловать Вас, так лёгок, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр!» (27 мая 1868).

Известны 23 письма Тургенева к Гартману (1858–1869 годы) и одно письмо Гартмана Тургеневу (1858 г.; Bibl. Nat.).

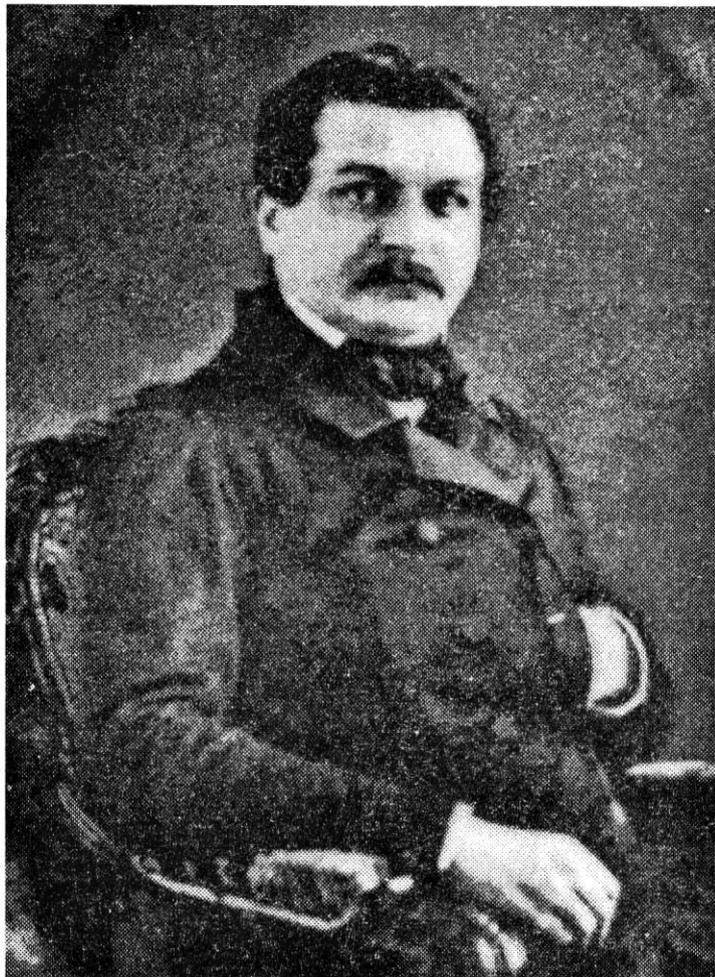
Примечания

1. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2003.

2. См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е. Письма. Т. 3. С. 640.

3. Там же. Т. 8. С. 363.

4. Там же. С. 336.

***Н.Г. Фролов (1812–1855).**
С дагерротипа середины XIX века*

IV

Нашт публикации

*Е.С. Коротнева, монахиня Орловского девичьего
Свято-Введенского монастыря.
Фото второй половины XIX века*

**ДОМ КАЛИТИНЫХ ИЗ ЛЕГЕНД
О «ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА
(ОКОНЧАНИЕ)**

Публикация Л.В. Ивановой

XVI

Передо мной две фотографические карточки. Показывает их мне женщина-врач, когда-то обслуживавшая больницу Введенского женского монастыря, с задумчивым выражением лица. И мать её монашествовала здесь. И она проживала вместе с матерью в стенах монастыря. Как Соколову (Антонию), так и Коротнёву (Макарию) она знала на протяжении ряда лет.¹

– Вот, – говорит она, – матушка Антония. Достаточно взглянуть на неё, чтобы сказать, что – уже по одной внешности – она не походила на тургеневскую девушку. Она знала Тургенева лично. Это верно. Но напрасно столько людей приходило в монастырь, чтобы только взглянуть на неё. Ведь в то время больше о матушке Антонии говорили, как о героине «Дворянского гнезда». Нет, никакого сходства. С какой стороны ни подходите.

В самом деле, что-то бабье глядит с фотографии. Ничего не от мира сего. Недаром снята вместе с кассиршей, которую так любила.²

– Другое дело – матушка Макария. Смотрите.

Коротнёва, как и Соколова, снята ещё в молодых годах, но уже в монашеской мантии, снята во весь свой рост.

– Смотрите, эти глаза глубокие, этот взгляд то внезапный, то долгий, как вечность, это лицо, на котором ещё не изгладились слёзы моления к небу, внутренняя борьба, какая кипела под этой чёрной власяницей.

Она не была, вероятно, красавицей: выше среднего роста, удлиненное лицо. Черты нежные. Губы сжаты и опущены ресницы. Что-то «нездешнее» во всём облике, но в то же время характерное в своей выразительности. Эта монашеская одежда, которой она «защищена от земли» всеми чувствами, всеми помыслами. Стоит с молитвенником в руках.

– Вот всё, что осталось от её земного существа...

Немного, конечно. Но время скорее имеет силу над внешней формой. Неповторимый же строй души остаётся раз на всю жизнь. В самом деле, весь надрыв её отразился в этом портрете.

Любовь и разлука. Мысленное прощание с близкими и суровый подвиг. Умилённое созерцание и молитва... Сердце её рвётся к «небу», проливающему свой свет на её замкнутые уста. Забыть, забыть всё земное. Всеми помыслами лететь в «запредельное». Но кто скажет, не звучат ли ещё в нём аккорды музыки Лемма, безумные речи Лаврецкого? Тёмное брожение её души так и остаётся под власяницей. Нет слов... Чёрный покров наброшен на рисунок. Помните? «Словам не выразить того, что происходило в душе девушки: оно было тайной для неё самой; пусть же останется оно и для всех нас тайной».

– Вот где недаром рвётся орловская молва, – замечает старушка. Одна внешность говорит об этом.

Будто художественный образ, – это так. Если это не Лиза, то Лиза Калитина должна была иметь эти глаза, эти черты, весь этот облик, светящийся молчанием и разлукой, любовью и подвигом.³

XVII

– Вы близко знали монахиню Макарию? – спрашиваю я, пробираясь за стены монастыря, где она – подобно Лизе – уже проходит смиренной походкой монахини, окружённой волнами ладана.

– Как сказать? Матушка всё хворала. Я приходила к ней в качестве врача, лечила на протяжении лет. Вот икона, которой она меня благословила... в последний раз... Я берегу её как зеницу ока. Тридцать лет тому назад закрылись эти глаза. Но их взгляд светит мне и посейчас. Кто раз видел эти глаза, тот не забудет их. Но матушка больше молчала. Ей тяжело уже было отрываться от уединения.

– Она уже считалась в затворе. Всё время проводила в келье в молитвах. Выходила лишь в церковь, да к старцу, который к ней наезжал. Спала на голых досках. Даже лечиться не хотела. Как бы ни было ей худо, сама она не пойдёт за мной. Но с ней под одной крышей проживали матушка Серафима, послушницы Мария и Зоя. Они и приходили за мной. О какой тут близости может быть речь?

Моя собеседница вздохнула.

– Да и трудно нам, людям жизни, которой мы преданы, так буднично войти во внутренний мир такой личности. Всеми мелочами, всеми помыслами мы в заботах счётного дня. Как ни тяготит она нас подчас,

как ни ненавидим мы тогда её узы, всё же отбросить её соблазн, отказаться от привычного уюта, привычного тепла нам не приходило в голову. И уже потому матушка Макария для нас остаётся загадкой.

– Конечно, на беглый взгляд и матушка Макария проста, как все на свете. Но всё же лик, воплощённый в ней, слишком далёк от всего того, что составляет привычную колею жизни, для того, чтобы мы могли постичь всю глубину её отречения...

– В такой степени исключительна?

– Да, если это героиня «Дворянского гнезда», то это одна из редких находок писателя. Я близко стояла к монастырю, но уверенно могу сказать: по глубине натуры я другой такой не встречала.

– Наш монастырь, надо вам сказать, был небогат. Но он арендовал земли, имел обширные леса. У него был ряд мастерских, изделия которых славились на всю округу; молочное хозяйство. Были больница, лазарет, школа. Около трапезной кормились старушки, сироты, учащиеся, так или иначе приставшие к этим стенам. Это был своего рода «божий» городок, что клало свою печать, как на коренное, так и на пришлое население обители. Если не по своему обиходу, то по внутреннему складу оно мало отличалось, в большинстве, от нас, мирян...

– У нас, мирян, религиозное чувство редко являлось плодом религиозного озарения, как такового. В основе его обычно лежат житейские мотивы, те самые, которые руководят нашей повседневностью. Если же мы одарены этой деятельностью духа, то это состояние вспыхивает у нас лишь в те или иные моменты. Обычно же оно не существует. То же я наблюдала у наших монахинь. Конечно, пострижение было в своё время моментом «преображения» для каждой из них. Но прошёл момент – будничная душа вновь стала будничной. Не то матушка Макария.

– Она точно родилась с этой святостью [молитвы], с таинственной игрой этих струн. Для неё нет повседневности. Она всегда озарена чувством созерцания, восторгом духа, что и сообщает такую привлекательность даже её внешнему облику. А ведь это и составляло отличительную сущность Лизы. Не так ли?

XVIII

Мои собеседники не совсем так говорят, конечно. Им подчас не хватает слов для этой необычной материи. Тогда я их им подсказываю. Но против смысла не погрешаю. Эти обломки прошлого так и повествуют об орловской Лизе.

Все они, вопреки своей церковности, традиционности, не лишены начитанности, гордятся такими земляками, как Тургенев, Тютчев, Фет, Лесков. Особенно останавливает моё внимание среди них бывший учитель – священник, родом из Ельца, ныне живущий на иждивении дочери. Это – пастырь типа религиозно-философского общества дореволюционных лет, разбиравшийся не только в церковных, но и в религиозно-философских вопросах. Среди его книг я вижу «Вопросы философии и психологии», сочинения Владимира Соловьёва, книги Ф.М. Достоевского. [Хомякова] и других.⁴

– Матушку Макарию я помню, помню даже с тех пор, когда она была моложе, - говорит он. – Как и всю семью Коротнёвых по Ельцу, местоположению их усадьбы.

– Бывал у них Тургенев?

– Не скажу. Не любила покойница разговоров на эту тему. Но в лице Лизы Тургенев пропел свой гимн и ей. Это можно сказать, не погрешив против истины.

И для него вопрос о Коротнёвой – вопрос о «религиозном уклоне души», души девушки, ушедшей от земной любви в обитель Бога.

– Представьте себе старый, «губернский город О...», дворянский Орёл сороковых годов. Что-то патриархальное, что-то успокаивающее душу. Простор, простодушие обитателей. Но всё это только с виду. На самом деле всё это дышит Чичиковыми и Маниловыми, всё это по уши сидит в тех подробностях жизни, в том соре, которым так изобилует гоголевский Миргород. День за днём, день за днём к вам подкрадываются все эти мелочи жизни, вся эта пошлость, которая застилает глаза, залезает в нас. Конечно, здесь своя жизнь, свой незамысловатый уют. Но на чём тут отрастить свои крылья Лизе Калитиной, Евдокии Коротнёвой.

Ведь как ни мелка эта жизнь, выше лба уши не растут. Не успеете вы оглянуться вокруг себя, как вы уже купаетесь в этом болоте провинциальной души. Даже миритесь, даже удовлетворяетесь всеми этими фимиамами. Такова уже засасывающая сила «мёртвых душ», которую так изобразил когда-то Гоголь, а потом Фёдор Сологуб, имя коей – «губернский город О...». И вдруг этакий благоуханный цветок... Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела?.. Откуда это? Вопрос.

– Лучше всего в «Дворянском гнезде», конечно, то, что писатель-романист понял и почувствовал идеальную сторону в натуре девушки, дал музыкальное истолкование образу Лизы. Я это вижу по ма-

тушке Макарии. Не думайте, что матушка Макария – обыкновенная монашка – повторяет мой пастырь вслед за другими. Монашка, которая искала знамений, вещей слов, ждала осязаемых проявлений сверхприродных сил... Нет, матушка Макария не загнипнотизирована обрядом. В ней нет и фанатизма, узости служителя церкви. Напротив, хотя она ушла прочь от жизни, хотя она уже в затворе, в душе её всё ещё звучит музыка Лемма, ибо эта музыка есть секрет её души.

– Что бросается в глаза в Лизе Калитиной? Это то, что она не создана для мира, что девичье «я» её не тяготее к земному бытию, – продолжает мой собеседник, – что все её притяжения перенесены в «иные миры». И точно такова матушка Макария. Это чуждое, непонятное людям обыкновенным состояние окончательно сложилось в ней, когда она ушла в затвор, и все её душевные силы ушли в мистический покой, в любовь к Богу. Такие задатки не вырабатываются в том городе О., который описывал Тургенев. Для нас, как и для самой матушки Макарии, натура её остаётся загадкой. Не всякому, не всякому дано так верить и так любить, – умозаключает пастырь из Ельца.

– Что же дальше? – спрашиваю я.

– Что дальше? Семья погоревала, погоревала. Но... паутина времени... «День за днём идёт, и всё покрывается пеплом, как всегда. Подросло новое поколение, и вновь ожили залы и гостиные. Вновь завитал в них беззаботный и весёлый дух». Помните? «Город О. мало изменился. Но дом Марии Дмитриевны как будто помолодел: его недавно выкрашенные стены белели приветно, и стёкла открытых окон румянились и блестели на заходившем солнце, из этих окон неслись на улицу лёгкие звуки звонких молодых голосов, весь дом, казалось, переливался весельем».

Так и здесь...

– А матушка Макария?

– Умерла в 1902 году. Семидесяти семи лет...

– А до того?

– «Кто узнает? Кто скажет? – отвечу словами романа. – Есть такие мгновения в жизни, такие чувства. На них можно только указать и пройти мимо...»

XIX

Было здесь то, что описано в «Дворянском гнезде» или не было? Всё ли целиком или ничего не почерпнуто автором отсюда? Так ли

это важно, – повторяю я. Конечно, ознакомление с тем материалом, который послужил прообразом произведения такого писателя, как Тургенев, приближает нас к изучению творческих возможностей поэта. Однако, у такого артиста, как автор «Дворянского гнезда», не бывает простых копий с действительности. Пусть персонаж создан из черт, подмеченных у конкретного лица, всё же он создан не столько по данным опыта, сколько по данным художественного вымысла. Быль за сказкой не угонится, потому от образа, от художественного рисунка до подлинного персонажа дистанция огромного размера. Но в том-то и дело, что здесь – над рекой Окой – быль гналась за сказкой. И в том-то весь интерес этого «дома Калитиных», этой келейки Введенского монастыря, этой легенды о «Дворянском гнезде».

Орловцы создали собственную Лизу Калитину.

Примечания

В публикации сохранены авторские орфография и пунктуация. Цитирование И.С. Тургенева даётся по хранящейся в фондах ОГЛМТ машинописи воспоминаний Л. Клейнборга.

1. О Лидии Андреевне Боголюбовой см.: Примечание № 5 в Тургеневском ежегоднике 2000 года. Орёл, 2002. С. 99.

2. К сожалению, нам неизвестна эта фотография, на которой, очевидно, сняты игуменья Антония Соколова и Казначей Свято-Введенского монастыря, второе после игуменьи лицо. Сохранилась фотография Антонии, опубликованная в «Тургеневском ежегоднике 2003 года».

3. Ныне эта фотография представлена в экспозиции Музея И.С. Тургенева.

4. Можно предположить, что «бывший учитель-священник родом из Ельца» - это Александр Семёнович Святозаров, имя которого значится в списках Тургеневского научно-литературного общества, действовавшего при музее-библиотеке им. И.С. Тургенева в 1920-е годы. Имена Святозарова и членов его семьи (жены, сына и дочери) встречаются также в книгах регистрации посетителей музея.

ТУРГЕНЕВ И ПЕРЕФАЭЛИТЫ
(по материалам книги П. Уоддингтона
«Тургенев и Англия»)¹

Внимание Тургенева в 1870-е годы привлекли круги английских перерафаэлитов. Впервые он посетил их собрание в доме английского художника Ф.М. Брауна. Браун по технике никогда не принадлежал к перерафаэлитам, хотя был вдохновителем Братства и ассоциировался с перерафаэлитами в глазах публики. 8 июня 1871 года (по новому стилю) Тургенев в сопровождении У. Рольстона появился в доме Ф.М. Брауна. Сохранились два свидетельства об этом вечере. Одно принадлежит проповеднику и религиозному писателю М.Д. Конвею и представляет собой список гостей. Среди них упоминается Тургенев (на первом месте), поэты перерафаэлиты У. Моррис и А. Суинберн, художники Л. Алим-Тадема, А. Хайс, Э. Бёрн-Джонс и многие другие. Ещё один мемуарист, присутствовавший на этой встрече, писатель и литературный критик Э. Госс, вспоминал: «В 1871 году я встретил Тургенева в первый и единственный раз. Это было в доме Форда Мэддокса Брауна на Фитзрой Сквер. Было приглашено небольшое общество, чтобы встретиться с ним [Тургеневым], оно включало Суинберна, Уильяма Морриса и Артура О'Шахнесси. Д.Г. Россетти ожидали, но он не пришёл. Русский великан стоял на каминном коврике спиной к огню и выглядел, как прошептал У. Моррис, «как белый медведь». Общество в целом болезненно переживало своё невыгодное положение, вызванное тем, что они никогда не читали работы знаменитого писателя, который казался очень застенчивым. Мэддокс Браун прохаживался, поглаживая свою шелковистую бороду и представляя нас всех последовательно по имени Тургеневу. Суинберн приготовил комплимент, но споткнулся обо что-то по пути к каминному коврику и в досаде забыл, что намеревался сказать... Тургенев, не знавший, кто был кем, говорил любезно с каждым на восхитительном английском. Я запомнил ласкающую мягкость его голоса».

Таким образом, ещё до знакомства с Россетти Тургенев виделся в доме Ф.М. Брауна с такими видными представителями перерафаэлитского движения, как А. Суинберн, У. Моррис и, возможно, У.М. Россетти, брат Данте Габриэля.

Несомненно, главную роль в сближении Тургенева с прерафаэлитами сыграл У. Рольстон. Он часто бывал в доме Д.Г. Россетти и в разговоре мог упоминать о Тургеневе. Можно также предположить, что Д.Г. Россетти и его родственники ко времени знакомства с Тургеневым уже читали «Муму» и повести, переведённые Рольстоном.

Убеждённый, что никогда не встретит Тургенева у своих коллег, но заинтересованный в знакомстве с ним, Д.Г. Россетти решил взять инициативу в свои руки и послал Тургеневу приглашение на обед 23 июня 1871 года (по новому стилю) в 8 часов вечера. В то же самое время он отправил приглашение У. Рольстону и Ф.М. Брауну. Тургенев, сопровождаемый У. Рольстоном, пришёл к назначенному времени в дом Д.Г. Россетти Тюдор Хаус, находившийся в Лондоне на улице Чейн Уок, 16. В этом доме Д.Г. Россетти жил со времени кончины жены Э. Сиддл в 1862 году. Э. Сиддл была замечательной женщиной, обладавшей редким воображением и необычной способностью к рисованию. Её трагическая ранняя смерть бросила тень на всю последующую жизнь Д.Г. Россетти. Щемящей любовью Россетти к его жене и модели был проникнут сборник стихотворений, вышедший в свет в 1870 году. С этим сборником Тургенев, вероятно, был знаком благодаря У. Рольстону.

Дом Д.Г. Россетти, куда пришли Тургенев и Рольстон, напоминал музей. Выстроенный в начале XVIII века, он имел красивый фасад и высокие железные ворота. Дом наполняли редкие и изящные предметы, которые Д.Г. Россетти коллекционировал: старинный фарфор, японская живопись, старинная мебель. Еда подавалась на серебряных подносах при свете елизаветинских канделябров. Позади дома находился парк, и из большой гостиной можно было смотреть сквозь вязы на Темзу. У Россетти имелся также маленький зверинец с очень редкими животными. Небольшое изображение гостиной Д.Г. Россетти находится в новой экспозиции музея Тургенева. Для нас это особенно интересно тем, что в этой обстановке происходила встреча Тургенева с Д.Г. Россетти, его родственниками и гостями.

Данте Габриэль Россетти, или при крещении Габриэль Чарльз Данте, был первым сыном итальянского поэта и комментатора Данте Габриэля Россетти, находившегося в Англии в эмиграции. Его мать, миссис Россетти, была дочерью флорентийского профессора Гаэтано Полидори и английской леди. Таким образом, по рождению Д.Г. Россетти был на три четверти итальянцем. Художественные и литературные интересы, господствовавшие в семье Россетти, сфор-

мировали личность Данте Габриэля. К тому же он получил серьёзное художественное образование в учебных заведениях.

В 1848 году Д.Г. Россетти вместе с художниками Х. Хантом и Дж. Э. Миллесом основали «Прерафаэлитское братство». Их идеалом в искусстве были работы художников – предшественников Рафаэля. Восхищение предшественниками Рафаэля было вызвано, помимо художественных достоинств их картин, неприятием помпезных и стереотипных работ последователей Рафаэля. Высокий интеллектуальный уровень в выборе предмета изображения, индивидуальная свобода, неподчинение академическим правилам, верность и точность в изображении природы – этим принципам следовали прерафаэлиты.

Основатель «Прерафаэлитского братства» Д.Г. Россетти был блестящим художником, обладавшим богатым воображением и сильнейшей творческой энергией, дизайнером, работавшим с цветным стеклом, книгами, а также талантливым поэтом. Многие его стихотворения читаются как описания его же картин и создавались с этой целью. Основные сочинения Д.Г. Россетти: сборник «Стихи» 1870 года, сборник «Баллады и сонеты» 1881 года и переводы Данте. В своих картинах Д.Г. Россетти часто обращался к литературным источникам и создал великолепные иллюстрации к сочинениям Гомера, Данте, Шекспира, к легендам о короле Артуре. Наивысшего расцвета его талант достиг в женских портретах, запечатлевших различные типы женской красоты – физической и духовной. Д.Г. Россетти написал также многочисленные портреты своих современников, среди которых портреты знаменитых английских поэтов: Р. Браунинга, А. Теннисона и А. Суинберна. В экспозиции музея Тургенева представлены копии с портретов Р. Браунинга и А. Суинберна работы Д.Г. Россетти, а также копия с автопортрета художника.

Приглашая к себе на вечер Ф.М. Брауна, Д.Г. Россетти писал ему: «Я полагаю, что Тургенев, как почти все литераторы, должен быть полностью невосприимчив к живописи. К счастью, мне нечего показать ему, когда встречу его». Это не соответствовало действительности. Д.Г. Россетти работал в то время над картинами: «Сон Данте», «Пандора», «Мёртвая Беатрис». К тому же Тургенев видел у Д.Г. Россетти портрет А. Суинберна. Об этом писал в своих мемуарах брат художника Уильям Михаил Россетти.

Хотя Тургенев нигде не упоминал об этом, возможно, именно Уильяма Россетти он нашёл наиболее близким среди знакомых ему прерафаэлитов. У. Россетти был талантливым литературным кри-

тиком, писателем и мемуаристом. Его перу принадлежат сочинения о Данте, Китсе, Суинберне и других писателях. Он издал биографию и переписку своего брата Д.Г. Россетти (1895), сестры К.Г. Россетти (1908), а также свои собственные воспоминания в 2-х томах (1906). Дневник У. Россетти был опубликован в 1977 году в Оксфорде.

У. Россетти оставил два упоминания о визите Тургенева: короткую заметку, опубликованную 35 лет спустя, и более длинную запись в своём дневнике, сделанную сразу. По прошествии лет он писал: «Я никогда не видел человека, производящего большее впечатление, чем Тургенев, своей особой и тоном своей беседы. Он был огромным, величавым и необыкновенно красивым. Что бы он ни говорил, без ложного пафоса, казалось убедительным и веским».

«Убедительный» было излюбленным словом одобрения у прерафаэлитов. 23 июня 1871 года У. Россетти внёс в свой дневник краткое описание этой встречи, которое, несмотря на определённую расплывчатость, является одним из наиболее полных воспоминаний о беседах Тургенева с видными английскими писателями: «Великий русский романист Тургенев... старше, чем я предполагал – по-видимому, не менее пятидесяти пяти или пятидесяти шести лет, с густыми седыми волосами; необыкновенно высокий и красивый, очень мужественный и располагающий: говорит на хорошем английском, хотя изредка подыскивает нужное слово, говорит на разнообразные темы – серьёзно и убедительно, без какой-либо парадности или притворства. Кажется, он очень любит животных и проявил интерес к канадскому сурку Габриэля. Он отметил полную безыскусственность этого животного, тогда как собаки до определённой степени притворны из-за близости к человеку <...> Он высоко отзывался о русском поэте Лермонтове, убитом в молодом возрасте на дуэли: предполагал, что в чём-то он был даже выше Байрона. Он считал «Короля Лира» величайшим поэтическим сочинением в мире <...>»

Кроме Данте Габриэля и Уильяма Михаила Россетти на вечере могла присутствовать их сестра Кристина Георгина. Она была необыкновенно талантливым человеком, как и все в семействе Россетти. Она выпустила ряд стихотворных сборников и сборников рассказов, частью снабжённых иллюстрациями её брата Д.Г. Россетти. Письмо Кристины Георгины, написанное в 1892 году в связи с формированием литературных вкусов её племянницы (дочери У. Россетти), свидетельствует о том, что она не только была знакома с сочинениями Тургенева, но сочинения эти не оставляли её равно-

душной, глубоко трогали и волновали: «Интересно, прочла ли Хелен что-либо моего старого любимого Тургенева: помнится, первое его произведение, которое я прочитала, была «Лиза», переведённая нашим старым другом м-ром Рольстоном. «Степным королём Лиром» я восхищалась, но Габриэль не вполне согласился со мной. «Му-му» было совершенным, но пронизанным страшной болью. Я надеюсь, что дорогая Хелен не будет судить о жизни по таким тяжёлым проявлениям...»

Остаётся неизвестным, нанёс ли Тургенев ещё визит Д.Г. Россетти или нет. У. Россетти писал, что Тургенев «сохранил очень приятное воспоминание» об обеде в доме его брата. Отчасти благодаря У. Рольстону Россетти не забыли Тургенева. В письме к матери от 18 августа 1871 года Данте Габриэль сообщал, что Рольстон дал несколько французских переводов тургеньевских работ. Д.Г. Россетти прочитал пьесу «Нахлебник» и нашёл её «превосходной». Остальное он читал с «предвкушением большого удовольствия». В 1881 году, приехав в Англию, Тургенев очень хотел навестить Д.Г. Россетти и сожалел, что не смог. Но он читал книгу «Баллады и сонеты» Россетти, вышедшую примерно в это время. Таким образом, отношения между Тургеневым и Д.Г. Россетти на протяжении всех лет после состоявшегося знакомства были вполне дружескими, и потребность во встречах и общении не исчезла до конца.

Другое дело – отношение Тургенева к Д.Г. Россетти как поэту и художнику. Россетти-художника Тургенев не принимал, как и многих английских живописцев, разделяя в этом взгляды Луи Виардо. Все известные нам высказывания Тургенева о Д.Г. Россетти как о поэте носят негативный оттенок. 17/29 октября 1872 года он писал Я.П. Полонскому: «Желал бы я тебе указать что-нибудь из ряда вон выходящее, поэтическое, в английской литературе или во французской... но не могу. Новейшие английские поэты – все эти Россетти и т.п. ужасно изысканны, в одном Свинберне (Swinburne, Algernon) вспыхивают проблески несомненного таланта...» Ещё более резкие отзывы о Россетти встречаются в других источниках. Тургенев говорил о нём как об «упадочном» поэте, осуждал его за разработку старых форм речи, погоню за старыми идеалами красоты, чрезмерную изысканность. Вместе с тем Тургенев всегда проявлял интерес к творчеству английского поэта. Очевидно, этот интерес к Д.Г. Россетти и прерафаэлитскому движению в целом проявился в поздних произведениях самого Тургенева. Его «Песнь торжествующей люб-

ви» и «Стихотворения в прозе» несут в себе элементы той поэтики, которая была присуща прерафаэлитам.

Примечания

1 Статья основывается на книге: Waddington P. Turgenev and England. London, 1980.

Тексты цитируются в переводе автора статьи.

V

По тургеневским местам

ЖУРНАЛЪ,
ИЛИ
ЗАПИСКИ ВОЙНЫ,
ОТКРЫТОЙ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ РОССИИ
1812 ГОДА ЮНЯ 12 ДНЯ,
А ПЕРЕКРАЩЕННОЙ РОССИЯНИМИ ВЪ ПЛА-
ТЮЖЬ 1814 ГОДА МАРТА 18 ДНЯ.

ПИСАНЫЕ НА МАРШАХЪ И БИТВАХЪ
УКРАИНСКОЙ КОСАТЫЙ ДИВИЗИИ
ПОЛКОВНИКОМЪ ПОХВИСНЕВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1812.

ВОСЕМЬ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕМИНАРСКОГО.
1830.

Напечатано Александромъ Сомовымъ

Е.И. Лутовинова-Сомова.
С портрета начала XIX века.

Титульный лист книги «Журнал или Записки войны» из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева с автографом его бабки Е.И. Лутовиновой-Сомовой.

ЧАПЛЫГИНСКИЙ ЛЕС

«Километрах в пяти от Спасского, недалеко от реки Зуши, сохранился остаток когда-то большого леса. Это – лесное урочище Чаплыгино, упоминаемое в «Однодворце Овсянникове» и описанное в рассказе «Смерть». «Тургенев с детства любил и хорошо знал этот лес», – пишет Н.М.Чернов в книге «Литературные места Орловской области». Действительно, к северу от Спасского-Лутовинова находились земли, издревле принадлежавшие Лутовиновым – предкам писателя по материнской линии. В материалах Генерального межевания 1778 года есть планы Чаплыгинской пустоши, владелицей которой была прабабка И.С. Тургенева Мавра Ивановна Лутовинова. Судя по условным обозначениям, граница Чаплыгинского леса проходила примерно в километре к северу от родовой усадьбы Лутовиновых, а сам лесной массив располагался по овражно-балочной сети и занимал площадь около 400 га. Это подтверждают и воспоминания Ф. Бизюкина о месторасположении Чаплыгинского леса: «Заканчивая краткое описание Ивановского, я упомяну... что оно лежит при двух живописных оврагах: Кленах и Ивановской вершине, вместе соединяющихся и составляющих большой Чаплыгинский овраг. Этот последний принимает в себя с правой стороны овраг Грушки и Яблонной, а с левой небольшие Чаплыгинские овраги, по которым расположены смешанных пород... лиственные леса: Чаплыгин и Заказ».¹

Чаплыгинский лес действительно находился недалеко от Спасского-Лутовинова, а от коренной усадьбы Лутовиновых – Ивановского и вообще в непосредственной близости. По воспоминаниям того же Ф. Бизюкина можно судить о том, что сам Чаплыгинский лес и прилегающая к нему местность были хорошо освоены. В лесу находилась большая пасека «на 1000 колод пчел, обсаженная кругом, в виде живой изгороди, елями, и при ней соответствующие строения для пчел и пчеловода, с плодовым садом и колодцем».²

Дед писателя – Петр Иванович Лутовинов, усадьба которого также была недалеко, научил крестьян прививать садовые яблони и груши к таким же лесным деревцам, и результатом этого было то, что Чаплыгинский лес, среди вековых дубов, ясеней, кленов и лип, представлял фруктовый сад.³

Вероятно, обо всем этом было известно Ивану Сергеевичу Тургеневу. В «Записках охотника» часто находят отражение семейные предания и топография окрестностей Спасского-Лутовинова и села Тургенева. Так и Чаплыгинский лес дважды упомянут писателем - в рассказах «Смерть» и «Однорец Овсяников».

В рассказе «Смерть» читаем: «<...> Лес <...> с детства был мне знаком. Вместе с моим французским гувернером <...> часто хаживал я в Чаплыгино. Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней. Их статные, могучие стволы великолепно чернели на золотисто-прозрачной зелени орешников и рябин; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и там уже раскидывали шатром свои широкие узловатые сучья <...> В траве, около высоких муравейников, под легкой тенью вырезных красивых листьев папоротника, цвели фиалки и ландыши, росли сыроежки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайках, между широкими кустами, алела земляника ... А что за тень в лесу была! В самый жар, в полдень – ночь настоящая: тишина, запах, свежесть... Весело проводил я время в Чаплыгине».⁴

Впоследствии Чаплыгинский лес был частично раскорчеван. Произошло это в тот период, когда управляющим имениями Ивана Сергеевича Тургенева был его дядя – Николай Николаевич Турганев. Он же, будучи доверенным лицом писателя, 26 марта 1864 года оформил купчую на продажу Николаю Васильевичу Успенскому участка земли в 52 десятины близ Чаплыгинского леса. Земля эта принадлежала И.С. Тургеневу и находилась в Чернском уезде «в даче д. Кальны и в даче части Жерлово, пашенной, луговой, кустарнику и огородней, всю сколько в наличии владений находится 52 десятины указанной меры, ценою по 30 рублей серебром за каждую десятину...»(5).

Об этой сделке читаем в письме И.С. Тургенева Я.П. Полонскому из Парижа от 25 января (6 февраля) 1875 года в ответ на его (Полонского) запрос о Николае Успенском: «Десять лет тому назад он купил у меня несколько десятин земли, построил домик – но не ужился – и опять мне же ее продал».(6)

Невозможно в настоящее время достоверно установить судьбу прежнего Чаплыгинского леса. По одним воспоминаниям он, действительно, был раскорчеван для дальнейшей продажи. А впоследствии на месте вырубок стали преобладать березы и осины.

В рассказе «Смерть» Иван Сергеевич описывает гибель исполинского леса от морозов в суровую зиму: «<...> Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила моих старых друзей - дубов и ясеней; засохшие, обнаженные <...>, печально высились они над молодой рощей, которая «сменила их, не заменив». Иные, еще обросшие листьями внизу, словно с упреком и отчаянием поднимали кверху свои безжизненные, обломанные ветви; у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной <...> торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, вовсе повалились и гнили, словно трупы на земле. Кто бы мог это предвидеть – тени, в Чаплыгине тени нигде нельзя было найти!»

В настоящее время Чаплыгинский лес сохранился почти в прежних своих границах. А в его северной части, вдоль деревни Большая Рябая (прежде Лапина) произрастает на площади 7,9 га целый дубовый массив, отдельные деревья которого имеют возраст 150 и более лет. В южной части, наиболее близко расположенной к родовому поместью Лутовиновых, практически не осталось трехсотлетних дубов и ясеней, огромных елей. Однако среди зарослей осины и орешника кое-где еще можно увидеть могучие дубы, которые напоминают нам о прежнем величии Чаплыгинского леса.

Примечания

1. Бизюкин Ф. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И.С. Тургеневе // Русский вестник, 1885. Кн. 1. С. 347.
2. Там же. С. 347.
3. Там же. С. 339.
4. Тургенев И.С. ПСС и П. Изд. 2-е. Т. 3. С. 197.
5. Громов В.А. История о проданной земле (О покупке земли у Тургенева Успенским) // Поколение, № 838, 1993 г.
6. Тургенев И.С. Указ соч. Письма. Т. 14. С. 16.
7. Тургенев И.С. Указ соч. Т. 3. С. 197–198.

*Окрестности Спасского-Лутовиново.
Фотография Величко. 1955 год.*

VI

С думой о Шурганове

*Н.М. Кирилловская и М.И. Жданова на открытии
бюста Н.С. Лескова в с. Гостомль Кромского района.
1981 год.*

МУЗЕЙ И ВЛАСТЬ

Как бы ни была интересна наша музейная работа, каким бы огромным духовным потенциалом ни обладали наши научные сотрудники, тем не менее, решение всех наших планов и задумок, реальное осуществление всех дел, к сожалению, зависит не только от нас, но и от властных структур, от их поддержки наших проектов, от финансирования и т. д.

За годы своей работы, как в краеведческом, так и в музее И.С. Тургенева судьба сводила меня со многими людьми, от которых во многом зависела наша работа.

Кажется, что всё это было «вчера», или, по крайней мере, несколько лет тому назад, а на самом деле прошло более полувека.

Шёл август 1955 года, когда я вскоре после окончания университета поступила на работу в Орловское областное управление культуры. Начальником его в то время был Павел Сергеевич Браилов. Это был человек из поколения, которое формировалось в 20–30-ые годы XX века. Бывший детдомовец, буквально выращенный и взлелеянный советской властью, он работал там, куда его посылала партия.

Во время Великой Отечественной сражался на фронте, вернулся в звании полковника. Естественно, что у него не было диплома института культуры, да и института такого тогда не было. Была партийная школа, было желание делать благое дело. Его отличали отсутствие всякой чванливости, дружеское, товарищеское, несмотря на разницу в возрасте, отношение к подчинённым. У П.С. Браилова было два заместителя – П.Н. Елагин и И.Г. Медведев. Последний руководил театром, музеями, как тогда говорили, искусством.

В молодости Медведев был одним из первых пионервожатых, встречался с Н.К. Крупской, о чём очень любил вспоминать. «Железной рукой» он нами никогда не руководил. В те годы были построены здания кинотеатра «Победа», Дома книги, областной библиотеки, драматического театра, создано культпросветучилище, художественное училище, начал работать (правда, сначала как филиал Московского института культуры) Орловский институт культуры. Многие было сделано в музейном деле, в том числе и в создании народных музеев.

Во всём этом, безусловно, был и вклад начальников областного управления культуры. П.С. Браилова, как я помню, сменил А.Д. Сопов. Это был несколько другой человек, нежели П.С. Браилов, но, в принципе, из той же когорты – комсомольский работник, сын старшего члена партии Д.Е. Сопова, он никогда не повышал голос и для принятия того или иного ответственного решения, как правило, советовался с вышестоящим начальством.

В основном с нами работал его заместитель Д.С. Пантелеев. Помню, когда однажды я принесла ему для утверждения план какой-то новой экспозиции по краеведческому музею, он в моём присутствии бегло просмотрел его и сказал примерно следующее: «В отношении политики всё правильно, а в музейном деле вы специалисты, и я вам доверяю». К слову сказать, в краеведческом музее каждая выставка проходила просмотр в Обллите (была такая организация, которая была наделена функциями цензуры). В музее Тургенева меньшее количество материалов следовало относить на подпись в Обллит, но всё равно приходилось. Люди в Обллите были очень интеллигентные, так что процедура эта проходила без больших волнений. Помнятся многие начальники Областного управления культуры: В.Я. Ильина, И.М. Чернышев, А.И. Руднев, И.Т. Рябцев, Н.Д. Щиголев, их заместители Д.С. Пантелеев, Н.А. Чихарин, Л.И. Гидерим...

Из всех начальников Областного управления культуры, под руководством которых мне приходилось работать самой яркой личностью, обладающей очень большой харизмой, была, несомненно, Мария Ивановна Жданова. Начав с должности начальника районного отдела культуры (не помню, Троснянского или Кромского района), она работала в секторе культуры Обкома партии, а затем долгие годы начальником областного Управления культуры. Это с её подачи меня перевели из краеведческого музея в музей Тургенева, и очень многое в моей директорской судьбе было связано именно с ней.

Таких «разносов», которые часто устраивала на директорских планёрках в Управлении культуры Мария Ивановна, пожалуй, ни за кем из других начальников Управления культуры и не водилось. Но если кто-либо из её подчинённых попадал в немилость к министерству или партийным органам, то она вступалась за него горой. Как человек властный, М.И. Жданова любила, чтобы со всеми деловыми предложениями и просьбами приходили сначала к ней, а потом с её благословения и с её помощью дальше по инстанциям.

Однажды (причём это было в начале её руководства) я нарушила это правило и сразу пошла в Обком. Как на грех встретила там Марию Ивановну, она очень обиделась, но сдержалась. Я убедила её, что никаких огрехов в моей «самостоятельности» не будет. И в последующем она дала мне карт-бланш на обращения в любые инстанции. В Министерстве культуры России, где я часто бывала как член научно-методического совета по музеям, часто спрашивали и в шутку и всерьёз – «ну как там поживает ваша Орловская Фурцева»? Она, действительно, старалась во всём походить на знаменитого министра культуры СССР Е.А. Фурцеву.

Жданова во всё любила вникать сама: сама не просто формально утверждала наши тематико-экспозиционные планы, а вносила коррективы, а когда её убеждали, что она не права, то, в конце концов, соглашалась. У кабинета Ждановой, как правило, всегда сидели в ожидании своей очереди директора. Многие не выдерживали и, махнув рукой, уходили. Однажды хотела так поступить и я, но бессменный секретарь Марии Ивановны Зинаида Васильевна, посоветовала мне: «Посидите ещё немного, и вас она обязательно примет». Так и было. Причём, Мария Ивановна сочла нужным сказать: «Все ушли, а ты осталась, вот твоим вопросом я и буду заниматься».

Сказать, что это было легко, нельзя, но если перефразировать известное выражение «красота требует жертв», то и здесь можно сказать: «Хочешь добиться расположения начальства – приноравливайся». Хорошие отношения с Марией Ивановной сохранились у меня и после её ухода на пенсию. К сожалению, она довольно рано умерла. Несколько лет тому назад мы с небольшой группой старых работников в день её 80-летия ходили к ней на могилу. Вспоминали, вспоминали и вспоминали...

Марию Ивановну Жданову сменил Александр Иванович Руднев. Он тоже недавно ушёл из жизни. Его любимой фразой были слова: «Знаешь, я вот о чём хочу тебя попросить...»

Когда начальником Управления культуры стал Иван Тихонович Рябцев, я уже не работала в музее. Но этого колоритного, обаятельного человека хорошо знала по прежним встречам.

С И.Т. Рябцевым я познакомилась в начале 60-х годов, он тогда был секретарём комсомольской организации областного драматического театра, я – секретарь комсомольской организации краеведческого музея. Город шёл к своему 400-летию. Все учреждения культуры подготовили мероприятия, посвящённые этой дате. Я

внесла предложение объединиться с театром и провести в музее цикл вечеров – «Город, в котором мы живём...» Поделилась своими предложениями с комсоргом театра Рябцевым – Ванечкой Рябцевым, как тогда его все звали. Он с удовольствием откликнулся и обещал пригласить других актёров. Вспоминается самый большой зал краеведческого музея в прямом смысле «битком набитый молодежью» – я рассказываю о городе, сопровождая свой рассказ показом экспонатов, старейший актёр театра Стагронский читает страницы Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, И.С. Тургенева, посвящённые Орлу, а Ванечка Рябцев играет на баяне песни, посвящённые Орлу, зал с удовольствием подхватывает мелодию: «город, в котором мы живём, мы живём...»

В общем, о моих взаимоотношениях с аппаратом областного Управления культуры остались только хорошие воспоминания.

Многое зависело от вышестоящего начальства.

И.П. Свешников, В.Т. Слюнин, Ф.С. Мешков, А.П. Иванов, Е.Н. Троицкий, Р.А. Ковальчук, И.Г. Тимохин, Н.М. Цикорева, А.И. и Н.Г. Бачурины, Н.Е. Афанасьев, А.С. Хохлов, А.Ф. Кузьмин, В.В. Антонов, А.Ф. Герасимов – называю имена только тех, с кем непосредственно приходилось контактировать и получать поддержку и помощь на протяжении многих лет в решении различных проблем музейного дела.

Первым из партийного руководства, с кем я познакомилась, был секретарь орловского ГК КПСС В.Т. Слюнин. В то время я была ещё заместителем директора краеведческого музея по научной работе. Но директор музея Е.Н. Коренева любила доверять мне и другие вопросы. Помню сказанные в адрес Слюнина слова: «Слюнин обещал, Слюнин сделает, Слюнин сдержит слово...» И это действительно было так.

Одним из преемников Слюнина на посту 1-го секретаря ГК КПСС был Альберт Петрович Иванов. Это при нём, при председателе горисполкома Тимохине, заместителе председателя горисполкома по культуре Н.М. Цикоревой был сделан отдельный вход в краеведческий музей. Для этого надо было перенести в другое место расположенный на I этаже хлебный магазин (а это было совсем не просто!), но вопрос решили. К этим людям я потом очень часто обращалась уже будучи в музее Тургенева. Помню, как-то стала благодарить за помощь в работе со строителями А.П. Иванова. Уж чего я только не говорила: «И какой Вы добрый, прекрасный человек, как Вы хорошо

относитесь к культуре» и т.д. и пр. Альберт Петрович остановил мой поток благодарностей: «Я прошу за всех. Одним я говорю – придите завтра, а они приходят через неделю. А тебе я говорю – надо позвонить дня через два-три, но ты приходишь на следующий день. В этом вся разница...» Вообще А.П. Иванов любил всегда поддерживать любые хорошие инициативы и предложения. Уже в середине 70-х годов мы начали задумываться о том, что музей И.С. Тургенева, имеющий в то время достаточное количество филиалов, должен добиваться статуса объединённого музея-заповедника с включением в него ландшафтного парка «Дворянское гнездо» «Дома Лизы Калитиной» и строительства нового здания музея (с сохранением всех старых), который будет выполнять организационно-методические функции и одновременно станет культурным центром всего объединения. Нами было тщательно продумано и записано задание для проектировщиков, которое неоднократно обсуждалось на производственных совещаниях и Учёных советах. С благословения Министерства культуры и местных властей, особенно А.П. Иванова и И.Г. Тимохина был объявлен конкурс на изготовление проектной документации. Было проведено 2 этапа конкурса. В нём принимали участие многие орловские архитекторы, представители Москвы и других городов. Представил свой эскиз даже очень известный уже в то время художник Илья Глазунов. Победителем был назван профессор Московского архитектурного института И.Г. Бархин, один из представителей широко известной в научных кругах архитектурной династии Бархиных. Был запроектирован дом не очень большой этажности, непосредственно прилегающий к дому Лизы Калитиной. Кое-кто из нас, правда, испытывал определённое чувство сомнения: а не вторгаемся ли мы в святая святых – «Дворянское гнездо»? Началась работа над документацией. Шла она не медленно, но и не так оживлённо как хотелось бы. Естественно, процесс этот и дорогостоящий и трудоёмкий, тем более что им занимались не в Орле, а в Москве. Пока суд да дело, «повеял ветер перемен...» («в экономике, и в политике»), да и мне было почти 55 лет, дома стали настаивать на том, что не надо начинать новые проекты, а надо собираться на пенсию... Последний раз я была в Москве по этим вопросам в сентябре-октябре 1986 года, а в январе 1987 – ушла на пенсию.

«Испугалась» ли я новых проблем или было какое-то из ряда вон выходящее негативное событие, что побудило меня к выходу на пенсию? Нет, не припоминаю. Но, тем не менее, я ушла, а все эти

проекты и по сей день хранятся в фондах. Авось когда-нибудь кому-нибудь пригодятся...

Среди тех, кто помогал музею была и Раиса Александровна Ковальчук, зампредседателя Облисполкома. Вместе с М.И. Ждановой она бывала в Спасском на многих строительных планёрках и всегда и словом, и делом старалась помочь. Мы собирались у неё в кабинете при рассмотрении различных вариантов по созданию памятника Н.С. Лескову и по другим вопросам. Председатель облисполкома И.П. Свешников при любой случайной встрече спрашивал: «Ну что, генеральный, есть просьбы?» – «Конечно, есть» – «Иди к Ковальчук, она поможет».

С 1-ым секретарём Обкома КПСС Фёдором Степановичем Мешковым я встречалась не очень часто. Запомнились несколько встреч. Первая – на торжественном приёме в честь открытия Спасского дома. Вторая – на приёме в Москве, в Союзе писателей, когда отмечали 150-летие Н.С. Лескова. В обоих случаях он приятно поразил (или удивил) разговорами о литературе, о писателях-орловцах, словами большой благодарности музейным работникам. Запомнилась одна из последних его поездок в Спасское. Мы сопровождали какое-то очень высокое начальство из Москвы. И вдруг Фёдор Степанович сказал: «Давайте пойдём с Вами в парк, посмотрите какая прелесть вокруг». И действительно, только что прошёл снег, и с его белизной могло соперничать лишь голубое небо. Мы очень мало говорили, и, несмотря на прекрасный усыпанный снегом парк, настроение было какое-то не очень хорошее. Как-то задумчиво глядя на меня, Фёдор Степанович сказал: «А знаете, Вы похожи на снегурочку». – «Нет, скорее на снегура», – ответила я. Только сейчас я понимаю, что прощался с прошлым. Через некоторое время Ф.С. Мешкова отправили на пенсию. Как-то вскоре, проходя мимо Дома Советов, я увидела его одиноко стоящего на ступеньках этого здания. Не было рядом никаких помощников. Он показался мне одиноким и грустным. Я подошла. Мы разговорились. «Надо было ещё лет 5 тому назад уйти мне на пенсию», – тихо сказал Мешков, – тогда я сберёг бы своё здоровье». Вскоре его похоронили. Прошло уже четверть века после этой встречи, но всё так хорошо помнится.

Много уже прошло лет после всех этих событий. Многих людей уже нет. Но кто-то ещё продолжает общественную деятельность. По-прежнему «на виду» Почётные граждане Орла – А.П. Иванов, И.Г. Тимохин, Н.М. Цикорева. Я часто вижу с ними и с Р.А. Ковальчук, и с

Н.Г. Бачуриной. Они по-прежнему живут интересами города и культуры, выступают с воспоминаниями, общаются с молодежью.

Особый вопрос – взаимоотношения с управлением музеев Минкультуры РСФСР и министерства культуры СССР (было тогда и такое). С начальником управления музеев Министерства культуры СССР Ириной Николаевной Родимцевой, дочерью знаменитого участника боёв в Испании генерал-полковника Родимцева, приходилось, в основном, встречаться по проблемам Спасского и перед поездкой с Борисом Викторовичем Богдановым в 1983 году во Францию на открытие музея Тургенева в Буживале. Женщина эта была очень интересная, у которой органично сочетались внешняя красота с блестящим знанием музейного дела и внутренней культурой.

Такое же впечатление осталось от начальника Управления музеев РСФСР Маргариты Андреевны Каиновой. Она много раз приезжала в Орёл, нередко мы бывали с ней в совместных поездках в музеи других городов (Самара, Казань и т.д.). Меня включали в различные группы по проверке многих музеев. Ну и, естественно, поездки по нашим проблемам в Министерство. Нередко мы встречались и в неформальной обстановке. Но где бы ни проходили эти встречи – в её кабинете или на пароходе, плывущем по Волге, – она всегда была одинаково ровна и благожелательна. Из всех проблем, с которыми мне приходилось к ней обращаться, как-то сложнее всего было получить согласие на открытие в музее писателей-орловцев экспозиции, посвящённой Л.Н. Андрееву. В 1976 году по её указанию сюда приезжали научные сотрудники Института музееведения А.К. Ламунова и Е.Г. Ванслова, знаниям и вкусу которых М.А. Каинова очень доверяла. В книге отзывов, тогда ещё не музея Л.Н. Андреева, а жилого дома, где она всё-таки уже была, они записали: «Выражаем большую благодарность за возможность побывать в доме Л. Андреева. Очень хочется верить, что здесь будет музей, настоящий мемориальный музей. В Орле умеют чтить память земляков, здесь такие интересные литературные музеи. Спасибо!».

Да, «капля камень долбит», действительно, всё это было – и приезды сюда и поездки в Москву. К слову сказать, это вообще были очень интересные люди. А.К. Ламунова была дочкой известного специалиста по творчеству Л.Н. Толстого, профессора Ламунова. Мать Вансловой происходила из дворян Болховского уезда, работала редактором в издательстве «Советский писатель», всегда рассказы-

вала о Шолохове, Фадееве, Федине, об известных орловцах конца XIX начала XX века, про Хитрово и др.

М.А. Каинова была близким другом композитора Шостаковича и многих иных знаменитостей. Общение с этими женщинами имело для меня не только служебное значение, но доставляло и большую радость. Я и сейчас чувствую благотворное влияние этих встреч.

Все люди, о которых я хотела рассказать, были очень разные, но одно объединяло их – уверенность в необходимости своей работы и знание дела.

Конечно, было бы странным и нелепым, если бы на моём пути встречались только такие люди; бывали всякие, но я их даже и не помню – «Бог им судья». Ясно одно, что музей многими нитями связан с различными общественными, государственными, властными структурами, которые оказывают на его жизнедеятельность большое влияние. Находясь уже 20 лет на работе в областном Обществе охраны памятников истории и культуры, я стараюсь быть рядом с музеем, рядом с его коллективом, ибо трудно найти более жизненный источник, чем музей.

* * *

*Музейные дворики дышат на ладан.
И очень похоже – их скоро снесут.
По тихим тропинкам притихшего сада
Из памяти прошлого люди придут.*

*Придут и присядут на старых скамейках,
Сегодня совсем обветшавших уже...
И снова полётят в садовых аллеях
Простая беседа о вечной душе.*

*Совсем неторопко – размеренно, тихо –
Они поведут меж собой разговор...
...Как больно во мне расплзается лихо:
Неужто отправится в Память и двор?!*

2002–2003 гг.

Музейщики

Л.В. Ивановой

*Другие вас волнуют судьбы.
И где-то там – своя судьба.
И вам устать и отдохнуть бы,
Но будет стылою изба.*

*И посему: тащи поленья –
Печурке вечно нужен жар.
Придут другие поколенья...
«Не потерять бы божий дар!..»*

29 мая 2001 г.

* * *

О.Н.Овсянниковой

*Мы пока ещё живы.
Мы пока ещё есть.
С нами старый служивый –
Долг... И добрая честь.*

*Мы в долгу неоплатном
Перед теми, кто – там.
Жаль, что дни «невозвратны»,
Многое – «не по летам»...*

*Но пока сердце бьётся
(Пусть и тихо стучит)
В нас родится, прорвётся
Слово тех, кто молчит,*

*Кто молчит, но приходит
Часто к нам по ночам.
Наши нервы на взводе,
Наши души кричат.*

*Мы хотим докричаться
И до тех, кто – потом.
Годы мчатся... умчатся...
И захлопнется том.*

*...Не искали наживы –
Сохраняли мы честь.
Мы пока ещё живы.
Мы пока ещё есть!*

7 августа 2003 г.

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневский ежегодник 2005–2006 г.г.

Составители и редакторы

*Л.А. Балькова,
Л.В. Дмитриухина*

Компьютерный набор

Е.М. Шинкова

Издатель Александр Воробьев
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 10.09.2008 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,75.

Тираж 200 экз. Заказ № 525.

